F 4006

F I 400b.

ОКОЛО БОЛГАРСКОЙ ВОЙНЫ

2092

Дневникъ и сорокъ девять любительскихъ фотографій, Ал. Пиленко.

Изданіе газеты
«Вечернее Время».

Женщины, раненныя въ Айвали.

Т-во Р. ГЕЛИКЕ и А. ВИЛЬБОРГЪ. СПБ.

F I 4006

Глубокоуважаемому

Ал. Пиленко.

Николаю Владимировичу

ОКОЛО БОЛГАРСКОЙ ВОЙНЫ

21981

Я. Шребову

ДНЕВНИКЪ И СОРОКЪ ДЕВЯТЬ
ЛЮБИТЕЛЬСКИХЪ ФОТОГРАФІЙ.

ПРОВЕРКА 2007 г.

4680

Славянск. Сем.
ПОГАШЕНО
КАБИНЕТ
Русской славянской
филологии ЛГУ
ИНВ. № 5923

21981

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ ГАЗЕТЫ «ВЕЧЕРНЕЕ ВРЕМЯ»
1913

Научная б-ка
им. Горького
при ЛГУ

Тип. Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“. Эртелевъ 13

Право перевода охранено.

Въ настоящей брошюрѣ собраны корреспонденціи, напечатанныя мною въ газетѣ «Новое Время» въ октябрѣ и ноябрѣ мѣсяцахъ. Корреспонденціи эти дополнены нѣкоторымъ непоявлявшимся еще въ печати литературнымъ матеріаломъ и небольшимъ количествомъ фотографій, снятыхъ мною во время путешествія.

Корреспонденціи мои отличаются отъ того матеріала, который, обыкновенно, даютъ присяжные военные корреспонденты. Для того, чтобы не было недоразумѣній, я постарался обозначить это обстоятельство въ заглавіи книги. Въ повременной прессѣ мнѣ пришлось читать много—подчасъ очень рѣзкихъ и иногда остроумныхъ—нападокъ за тотъ «личный» характеръ, который пріобрѣли мои путевыя замѣтки. Тѣхъ, кто пожелалъ бы узнать, какъ я оправдываюсь передъ критиками,—отсылаю къ тексту брошюры: къ за-

писи, помѣченной «Чифликъ Овланъ-бей, 25-го октября» (стр. 108).

Я поѣхалъ на войну съ ярко выраженнымъ болгарофильскимъ настроеніемъ. А вернулся—въ буквальномъ смыслѣ восхищеннымъ болгарскою доблестью, болгарскимъ гостепріимствомъ и совершенно специфическою для этого молодого государства дѣловитостью. Шлю сердечное «спасибо» всѣмъ тѣмъ болгарамъ, съ которыми мнѣ приходилось встрѣчаться. Всѣмъ: и тѣмъ, которыхъ я могъ бы назвать по именамъ, и тѣмъ, которые проходили мимо меня, какъ безыменная масса, никогда не оставлявшая меня предупредительностью и радушіемъ.

Софія. 9 октября.

Вотъ уже четвертый день, что я въ пути,—и до сихъ поръ не могъ записать ни строчки. Рѣшительно не было ни одной минуты свободной. Все я дѣлалъ даже не бѣгомъ, а какъ-то вскачь. Въ редакціи мнѣ дали 24 часа для того, чтобы выѣхать изъ Петербурга. Что̀ это были за сутки! Какое-то лихорадочное, безумное метаніе по магазинамъ, казеннымъ учрежденіямъ, аптекамъ, консульствамъ. Сотни мелочей нужно было удержать въ памяти и приготовить. И все: «сейчасъ». Сшить рейтузы—«шесть часовъ». Новыя очки—«черезъ полчаса». Заграничный паспортъ — «пожалуйста, сейчасъ». Виза—«умоляю васъ». Другая виза—«пошлите за секретаремъ, если онъ ушелъ завтракать». Хина, антипиринъ—горничная поѣхала въ автомобилѣ. Расширить воротъ у кожаной

куртки — сейчасъ же, сейчасъ же. И такъ—десятки, десятки, сотни мелкихъ дѣлъ...

Голова шла совершенно кругомъ. Въ банкѣ, расписываясь на какой-то бумагѣ въ полученіи чека, приложилъ къ сырой подписи пачку сторублевокъ и, взявъ въ руки пресъ-бюваръ, пошелъ къ кассѣ: хорошо, что клеркъ обратилъ вниманіе на мою ошибку. А тутъ еще прощанія, разспросы, слезы, телефонъ.

Войникъ.

Только оказавшись въ вагонѣ, я началъ понемногу собираться съ мыслями. И первый вопросъ, который всталъ передо мной, былъ:

— Зачѣмъ я ѣду?

Поѣздка сдѣлалась какъ-то головокружительно быстро. Когда объявили войну, мнѣ вдругъ показалось, что я долженъ ѣхать. Я почти не отдавалъ себѣ отчета: почему? Почему я долженъ ѣхать? Необходимость ѣхать казалась мнѣ такой очевид-

ной, такой ясной, такъ стихійно убѣдительной,—что я ни на минуту даже и не начиналъ ее анализировать. Нужно. Обязательно нужно. Только въ вагонѣ, когда и кодакъ, и бинокль, и сѣдельныя кобуры, и походная аптека, и консервы были на своемъ мѣстѣ,—только въ вагонѣ пришла мнѣ мысль: а почему мнѣ, собственно, нужно ѣхать?

Во время кинематографически быстрыхъ, почти судорожныхъ обрывковъ разговоровъ, которые мнѣ пришлось вести въ послѣдніе моменты моего пребыванія въ Петербургѣ, мнѣ пришлось выслушать много непріятныхъ вещей.

— Славянскія симпатіи?—сказалъ одинъ дипломатъ: ну еще бы; ѣдете кормить болгарскихъ клоповъ?..

— Удивляюсь—сказала одна почтенная дама: для чего вы поѣдете? Вы подумайте только, *какая* должность военнаго корреспондента. Стоитъ двадцать пушекъ; выстрѣлили онѣ по два раза. Вы должны телеграфировать: «двадцать пушекъ сдѣлали сорокъ выстрѣловъ». Неужели для этого стоитъ изводить себя?

— Я всегда говорила, что онъ сума-

сшедшій — нараспѣвъ тянула tante Marie: бросить молодую жену и трехмѣсячнаго ребенка!..

— Съ войны всѣ возвращаются надорванными, неврастениками, съ исчерпанною жизнерадостностью; неужели охота въ сорокъ лѣтъ вести себя на такой конецъ?

А знакомый на Невскомъ подошелъ къ дѣлу проще:

— Посольское, должно быть, жалованье будетъ отъ «Новаго Времени»?

Всѣ ко мнѣ относились или иронически, или съ глумленіемъ. А я самъ, даже сидя въ вагонѣ, не могъ себѣ ясно представить: почему меня такъ властно потянуло на эту войну, именно на эту войну? Вѣдь не тронулся же я съ мѣста во время маньчжурской кампаніи?

Ахъ, да! Былъ еще старый, вѣрный другъ. Онъ, кажется, что-то угадалъ. Сидя въ большомъ старомъ кожаномъ креслѣ, съ забинтованной толстой подагрической ногой, онъ все приподнимался, неловко обнималъ меня и шепталъ:

— Милый... Да... Самъ бы хотѣлъ... Не могу... Милый, вѣдь никогда, никогда это не повторится... Пятьсотъ лѣтъ исторіи; вся

борьба славянства съ германизмомъ; все, все можетъ повернуться... Милый: придутъ они въ Константинополь, скажутъ: «на-те вамъ Царьградъ за Варну»... *Скажутъ*, они способны на это... Одинъ изъ нихъ говорилъ же мнѣ: «вы пролили за насъ кровь; ничѣмъ мы съ вами не сквитаемся, покуда сами за васъ свою кровь не прольемъ».

И судорожно крестилъ, и все цѣловалъ старческими губами.

Запасные

Есть вещи, которыхъ никакъ нельзя объяснить. И эти вещи — самыя властныя. Почему вы вдругъ полюбили эту женщину, а не ту? И полюбивъ ее, почему готовы отдать именно за нее жизнь? Не можете вы этого объяснить.

Почему вы повѣрили именно въ эту войну? Почему вамъ показалось, что именно во время этой войны наяву свершатся самые завѣтные, самые лучшіе ваши сны? Почему васъ вдругъ захватило, и вы всѣмъ

Почетный караулъ царя Фердинанда.

существомъ почувствовали, что именно эта война безъ васъ дѣлаться не можетъ?

Я бы могъ дать объясненіе: профессору международнаго права, который такъ часто говоритъ объ ужасахъ войны, надо хоть разъ въ жизни увидѣть эти ужасы на разстояніи пяти шаговъ. Но это не будетъ вѣрно. Это не то. Не совсѣмъ то.

Поѣду ужъ *такъ:* — ничего никому и даже себѣ не объясняя...

По дорогѣ въ Старую Загору. 10 октября.

Спѣшка продолжается. Чего я только ни сдѣлалъ въ теченіе тѣхъ шести часовъ, что я оставался въ Софіи! Повидалъ управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и

добился того, что онъ телефонировалъ прямо въ Старую Загору о необходимости устроить мнѣ лошадь и повозку для багажа. Пови-

дался съ Гешовымъ. Сдѣлалъ всѣ формальности по внесенію депозита на телеграммы: теперь у меня на всѣхъ почтовыхъ станціяхъ будутъ принимать телеграммы безъ денегъ.

Устроился съ банкомъ. Досталъ корреспондентскій билетъ, для чего понадобилось сфотографироваться. Купилъ револьверъ, консервовъ. Написалъ нѣсколько срочныхъ писемъ. Вообще, ни одной минуты не стоялъ на мѣстѣ. Всѣ корреспонденты уже выѣхали въ Старую Загору: терять время было нельзя.

Я уже пятый день въ пути, а военныхъ впечатлѣній никакихъ нѣтъ. Сейчасъ провезли къ Адріанополю осадное орудіе, все украшенное цвѣтами. Это трогательно. Но вѣдь это же, въ концѣ концовъ, такая мелочь! Мелочь тоже, что всѣ запасные, которыхъ, какъ скотъ, везутъ въ товарныхъ вагонахъ, понатыкали въ петлицы полевыхъ цвѣтовъ: «мы такъ на свадьбу ѣздимъ»—говорятъ они. Мелочь также, что на всѣхъ перекресткахъ собираются кучки простыхъ болгарскихъ мужиковъ и жадно читаютъ газеты и толково обсуждаютъ телеграммы.

Все это мелочи. Изъ этого впослѣдствіи сложится большая картина. Сейчасъ приходится только смотрѣть по сторонамъ и настойчиво впитывать въ себя элементы будущихъ умозаключеній.

Съ нами въ поѣздѣ ѣдетъ какой-то молодой человѣкъ, у котораго на верхней губѣ еле пробивается пушокъ. У него на спинѣ надѣтъ ранецъ. *Такъ сказать*, ранецъ: сшито на живую нитку изъ коленкора, и на плечи надѣты ремешки тоже изъ коленкора. Этотъ ранецъ ни одного дождя выстоять не можетъ. Сзади на немъ написано химическимъ карандашомъ:

ХРИСТО: ПЕТКОВЪ
РОД: ВЪ ПЛОВДИВѢ

Кромѣ ранца у этого молодого человѣка надѣта жестяная фляга. Черезъ другое плечо у него болтается небольшая банка для чернилъ, наполненная свѣтлой жид-

костью и тоже приспособленная на лоскуткѣ коленкора. Я старался угадать, что̀ это за банка:—все остальное было ясно. Молодой человѣкъ, очевидно, удравшій изъ родительскаго дома волонтеръ; ранецъ и фляга у него вполнѣ соотвѣтствуютъ его соціальному положенію. Но что̀ изобрѣла его романтическая фантазія въ видѣ банки изъ подъ чернилъ?

Три станціи подрядъ ходилъ я вокругъ этого добровольца. И все не рѣшался спросить, боясь, чтобы онъ не замѣтилъ моей иронiи и не обидѣлся. Наконецъ, любопытство взяло верхъ. Я принялъ самый серьезнѣйшій видъ и спросилъ его:

— Вы доброволецъ?

Онъ съ гордостью отвѣтилъ утвердительно.

— Скажите, пожалуйста: а что̀ у васъ въ этой банкѣ?

— Какъ что̀? — сказалъ онъ съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ обиды. У меня тутъ масло мазать ружье.

Ахъ, Майнъ-Ридъ! Майнъ-Ридъ!.. Ружья у него нѣтъ («пушка», по здѣшнему) и, навѣрное, никогда не будетъ. Но масло, для того чтобы мазать эту будущую пушку, онъ

уже приспособилъ въ банкѣ изъ подъ чернилъ, повѣшенной на коленкоровой лентѣ черезъ плечо!

Старая Загора. 12 октября.

Вотъ, я и въ главной квартирѣ. Здѣсь мозгъ и душа болгарской арміи. Здѣсь царь Фердинандъ живетъ въ трехъ вагонахъ-салонахъ, поставленныхъ на запасный путь. Главная квартира расположена въ гимназіи. Въ нее сходятся телеграфныя проволоки изъ всѣхъ трехъ дѣйствующихъ армій. У подъѣзда въ гимназію неизмѣнно дежуритъ десятокъ автомобилей, ждущихъ приказаній.

Но войны здѣсь нѣтъ. Показывали мнѣ плѣнныхъ, приведенныхъ изъ подъ Адріанополя. Водили меня на торжественный молебенъ; указали мнѣ гдѣ находится военная

У главной квартиры.

цензура. Все это — не война. Такъ себѣ: маленькій болгарскій городишка, съ повѣшенными на главной улицѣ миніатюрными болгарскими флажками въ честь короля.

Вотъ, какія квартиры отводили корреспондентамъ.

На базарѣ торгуютъ халвой и хлѣбомъ. Сапожники, по турецкому обычаю, сидятъ на столахъ, поджавши ноги и тачаютъ сапоги. Даже комнату отвели мнѣ такую удобную и шикарную, въ домѣ милліонера Златева, что я рѣдко имѣлъ болѣе мягкую постель.

Какъ же тутъ писать военныя корреспонденціи? Сегодня въ пять часовъ вечера намъ сообщили оффиціальный бюллетень: «Лозенградъ взятъ». Такъ и сообщили: два слова. Я взялъ извозчика и поѣхалъ на телеграфъ подать депешу. Очередь была длинная. Черезъ полчаса, когда я отходилъ отъ окошка, я увидалъ въ сторонѣ двухъ нѣмецкихъ корреспондентовъ, державшихъ въ рукѣ карту. Одинъ изъ нихъ объяснялъ другому:

— Главная аттака была направлена съ высоты 267 по направленію къ юго-юго-востоку...

И прибавлялъ разныя техническія подробности.

Даже на слѣдующій день, въ 12 часовъ дня, какъ мнѣ извѣстно доподлинно, въ главномъ болгарскомъ штабѣ еще не имѣли подробностей о боѣ. Абсолютно никакихъ подробностей. А нѣмецъ не только протелеграфировалъ триста словъ, но даже указалъ «юго-юго-востокъ».

Здѣсь вообще корреспонденціи сочиняются наглымъ образомъ. Сидитъ человѣкъ въ комнаткѣ около цензурнаго бюро и строчитъ описаніе того, какъ осаждаютъ Адріанополь. Съ подробностями, съ техническими

ПОГАШЕНО 4680
Инв. N 4680
Научная б-ка им. Горького при ЛГУ
ПОГАШЕНО

выраженіями, номерами дивизій и съ описаніями геройскихъ поступковъ. Мнѣ разсказывали впослѣдствіи, что въ самомъ концѣ старо-загорскаго сидѣнія корреспондентовъ, одинъ изъ нихъ совершенно откровенно говорилъ:

— Если завтра насъ не пустятъ въ Мустафа-Пашу, то я не могу больше написать ни строчки; моя фантазія окончательно истощилась.

Неужели эта участь грозитъ и мнѣ?

Но вѣдь не лучше будетъ и въ томъ случаѣ, если я стану обивать пороги главнаго штаба, выпрашивать обрывки донесеній и строчить о томъ, что̀ пожелаютъ мнѣ дать болгары... Писать корреспонденціи можно только о томъ, что̀ самъ видѣлъ и самъ слышалъ. Всякое иное писаніе—дребедень.

Позже.

Въ буквальномъ смыслѣ: здѣсь ничего нельзя узнать. Здѣсь все секреты. Разговаривалъ съ однимъ военнымъ атташе. Онъ мнѣ—старый пріятель и, конечно, не отказалъ бы въ помощи. Но онъ ничего не знаетъ. Да и какъ онъ можетъ знать? Военные атташе устроены здѣсь великолѣпно. Ихъ располо-

жили въ наилучшихъ домахъ. Кормятъ въ самомъ хорошемъ отелѣ, причемъ государство платитъ за нихъ по 50 франковъ въ день: рестораторъ обѣщалъ «все, кромѣ свѣжей рыбы». Но кормиться надо за общимъ столомъ, въ опредѣленный часъ. Всѣ военные атташе должны все время видѣть другъ друга, для того, чтобы они всѣ знали, что ни для кого не сдѣлано никакихъ исключеній. Никого не выпустили изъ Старой Загоры; никто не видалъ даже хвоста болгарскаго обоза; ни одинъ не имѣетъ права сноситься съ болгарами иначе, какъ черезъ прикомандированныхъ двухъ болгарскихъ «гувернантокъ». Получается какая-то система равнаго для всѣхъ неблагопріятствованія. Интересно знать: о чемъ они доносятъ своимъ правительствамъ?

Секретъ. И умно дѣлаютъ. Бывшій предсѣдатель совѣта министровъ Геннадіевъ, наканунѣ войны, два часа говорилъ съ главнокомандующимъ, и Савовъ *во всемъ* его обманулъ. Геннадіевъ это теперь разсказываетъ съ восторгомъ. Начальники влаковъ (поѣздовъ) послѣ мобилизаціи получали запечатанные конверты и должны были вскрывать ихъ не ранѣе опредѣленной станціи. Третья

армія, благодаря этому, цѣликомъ прошла въ такое мѣсто, гдѣ ея абсолютно никто не ожидалъ.

Секреты здѣсь берегутъ хорошо.

Но это меня не устраиваетъ. Въ Старой Загорѣ можно повѣситься съ тоски. Изрѣдка придетъ что-нибудь важное и тогда надо ждать часами на телеграфѣ: 60—70 человѣкъ подаютъ по 300—500 словъ. Одинъ наивный нѣмецъ хотѣлъ обѣжать хвостъ и встать раньше другихъ къ окошку, крича:

— У меня срочная телеграмма, я имѣю право.

Взрывъ хохота: у всѣхъ были *срочныя*...

Итакъ, это меня не устраиваетъ. Пошелъ хлопотать.

Даневъ устроилъ мнѣ и Немировичу ѣхать впередъ. Подъ великимъ секретомъ: «иначе будетъ бунтъ». Немировичъ рѣшилъ ѣхать въ Мустафа-Пашу. Тогда я избралъ Лозенградъ. Правда, сто двадцать верстъ на лошади. Но зато тамъ самое главное, тамъ идутъ впередъ, тамъ красота натиска. Сборы были недлинные. Двухъ лошадей дало начальство, сѣдло для меня было, денщику достали. Вагонъ? (Надо ѣхать сначала 70 верстъ по желѣзной дорогѣ). «Будетъ».

Вечеромъ погрузились. Странно ѣхать въ «своемъ» вагонѣ, безъ огня, ночью. Досталъ два кирпича, зажалъ между ними свѣчку (есть съ собой!) и ужиналъ съ моимъ Санхо-Пансо, Алексѣемъ. Вагонъ послѣ мобилизаціи ни разу не чищенъ. Можете себѣ представить, какъ *это* все выглядѣло!

Въ Ямболь пріѣхали глухой ночью. Городъ за двѣ версты. А выгрузиться нельзя, сходни нѣтъ. Есть грузовой амбаръ съ надлежащимъ возвышеніемъ; но какъ туда довести вагонъ, за версту? Пошелъ къ начальнику и развязно, какъ спрашиваютъ папиросочку, сказалъ:

— Дайте-ка мнѣ паровозикъ...

Ночевали въ гостиницѣ въ повалку, въ общей комнатѣ.

Кызылъ-Агачъ. 13 октября.

Сегодня раннимъ утромъ выступили мы въ походъ. Странное чувство охватываетъ, когда впервые сядешь на сѣдло и отдашь себѣ отчетъ въ томъ, что связь съ культурнымъ міромъ кончилась и что все необходимое (все: бѣлье, одежду, сапоги, верхнее платье, спальныя принадлежности, аптеку, ѣду, письменныя приспособленія) надо имѣть при себѣ, никогда съ ними не разставаться.

Когда отдашь себѣ отчетъ въ томъ, что ни на кого и на ни что нельзя разсчитывать: есть чайникъ—будетъ чай; нѣтъ чайника—ѣшь всухомятку.

Садясь на лошадей около ямбольской гостиницы, мы съ Алексѣемъ скинули шапки и перекрестились... По толпѣ пронеслось:

— Кръстется, кръстется...

И всѣ скинули шапки.

«Цариградскии булеваръ» въ Ямболѣ полонъ рытвинъ въ полроста человѣка; ходятъ свиньи, лежатъ овцы. А тутъ же на стѣнѣ большое объявленіе:

«*Рентгеновъ институтъ «Хаджи Господинъ Славовъ»*.

Имамъ машина съ която се виждатъ вътрѣшности на човѣшкото тѣло, както: бъбрецитѣ и др.».

Какой контрастъ!

Кстати. Нашъ «хотелъ» назывался «Старая и Новая Америка».

Ѣхали до Кызылъ-Агача долго. Дорогой все тянутся раненые. И всѣ—въ руку: правую, лѣвую. Можно подумать, что Турки спеціально цѣлятъ въ руки. Но объясняется

конечно иначе: тѣ, кто раненъ въ руку, можетъ брести домой самостоятельно. А остальные... Страшно подумать... Нѣкоторыя войсковыя части такъ «бързо» рвались впередъ, что оставили санитаровъ не за двад-

Конца у этого обоза нѣтъ.

цать верстъ, какъ полагается, а за сто и болѣе. Что-то насъ ждетъ впереди?..

Раненыхъ въ руку встрѣтили здѣсь человѣкъ 200. По этому числу господа статистики могутъ высчитать, сколько было — остальныхъ. Я не берусь.

Обгоняемъ обозъ. Арбъ 100. На каждой написано «избухвательно». Что̀ это такое? Спрашиваютъ одного: молчитъ. Другой говоритъ неясно:

— То може бухъ.

Онъ думаетъ, что «бухъ»—это порусски. Офицеръ, думалъ, думалъ, и сказалъ:

— Explosif.

Послѣ этого стараешься ѣхать поодаль. Смѣшно: если *это* бухнетъ, такъ на 3 версты кругомъ ничего не останется живого.

На привалѣ. Сидятъ войники и раненые около колодца. Присаживаемся. Вынимаемъ вареныя яйца (хорошо, что они въ наволочкѣ: хоть крошки можно подобрать; а то подумайте: везти яйца въ мѣшкѣ на спинѣ, рысью). Угощаемъ. Разговариваютъ между собой весело. Одинъ молодой солдатъ, раненый въ голову, разсказывалъ что-то весьма интересное. Разсказывалъ длинно и, повидимому,

очень толково, поясняя жестами и даже изображая что-то изъ палочекъ на землѣ. Окружающіе слушали его съ величайшимъ, напряженнымъ вниманіемъ. По всему было видно, что разсказывающій пережилъ цѣлый рядъ серьезныхъ, можетъ быть, трагическихъ моментовъ, ярко запечатлѣвшихся въ его памяти. Никогда я такъ не жалѣлъ раньше, что не понимаю даннаго языка. Я инстинктивно чувствовалъ, что, записавъ—дословно—разсказъ солдата, я получилъ бы живой кусокъ дѣйствительности, прямо и непосредственно выхваченный изъ боя. Доведя разсказъ до высшей степени напряженія, солдатикъ мастерски измѣнилъ тонъ, взмахнулъ рукой:—всѣ болгары покатились со смѣху; да такъ, что одинъ изъ нихъ даже валялся по землѣ и держался за животъ.

Это окончательно меня раздразнило. Я сталъ просить, чтобы мнѣ перевели. Одинъ *старый* (почти всѣ старые умѣютъ говорить по русски; а молодые никто; жалко; это есть симптомъ, почти что политическій) началъ мнѣ переводить. Но у него ничего не выходило. Можно было понять, что турки производили около Одрина вылазку и что болгарскій капитанъ отдалъ двумъ

эскадронамъ какое-то очень хитрое приказаніе. Эскадроны тогда пошли направо... Переводчикъ запутался, началъ жестикулировать, сконфузился, умолкъ. Я попробовалъ другимъ путемъ добиться своего. Изъ сосѣдней кучки раненыхъ привели другого переводчика, который, дѣйствительно, хорошо говорилъ по русски. Опять бѣда! Солдату пришлось сызнова повторять свой разсказъ. Но второй переводчикъ былъ, на несчастіе, унтеръ-офицеръ. Даже не понимая словъ, я замѣтилъ, что солдатикъ уже не разсказываетъ, а докладываетъ. Краски пропали, движенія больше не чувствовалось: подчиненый что-то старался объяснить начальству. Унтеръ-офицеръ выслушалъ — никто больше не смѣялся... — пожалъ плечами и устало сказалъ:

— Онъ разсказываетъ, какъ турки бѣгали.

И все. Пропала корреспонденція!..

До чего быстро соскакиваетъ съ человѣка наивность, когда онъ станетъ лицомъ къ лицу съ войной!

Выѣзжая изъ Старой Загоры, я попросилъ начальника главнаго штаба указать мнѣ наиболѣе удобный маршрутъ. Онъ написалъ мнѣ на клочкѣ бумаги: Ямболъ—Кызылъ-Агачъ—Голямъ-Дербентъ—Татарларъ—Енидже—Лозенградъ. Итого, сто двадцать верстъ. Я, съ видомъ знатока, спросилъ:

— Какъ вы думаете, генералъ? Вѣдь въ одинъ переходъ, пожалуй, это будетъ трудно сдѣлать?

— Да, не совѣтую... Лучше раздѣлите пополамъ.

Соотвѣтственно этому, мною намѣченъ былъ, какъ конечный пунктъ перваго перехода, Татарларъ (70 верстъ). Тридцать девять верстъ до Кызылъ-Агача сдѣлаемъ, молъ, къ двумъ часамъ; позавтракаемъ—и дальше; къ вечеру доберемся.

А въ дѣйствительности!.. На пятой верстѣ я уже усталъ; на десятой верстѣ сталъ спрашивать проходящихъ о названіяхъ встрѣчныхъ селъ, полагая, что моя карта вретъ и что мы сдѣлали не менѣе 25 верстъ. На восемнадцатой верстѣ я уже больше ѣхать

не могъ и сдѣлалъ привалъ часа на полтора. Послѣ привала, на двадцать пятой верстѣ сталъ пить коньякъ, потому что силъ больше не хватало. На тридцатой верстѣ сталъ считать телеграфные столбы: ихъ приходится шестнадцать на одинъ километръ, а проѣхать только *одинъ* было для меня уже великой мукой. На тридцать пятой верстѣ въ бинокль увидѣлъ Кызылъ-Агачъ; разстояніе до него показалось мнѣ такимъ колоссальнымъ, что я совершенно упалъ духомъ: лучше лечь и спать тутъ же у дороги, чѣмъ проѣхать «все это» разстояніе.

Когда городской житель думаетъ, что онъ вымоталъ изъ себя послѣднія физическія силы, это совсѣмъ невѣрно. Война научила меня простой истинѣ: въ каждомъ изъ насъ есть запасъ энергіи, котораго мы совсѣмъ не подозрѣваемъ. Намъ кажется, что мы не можемъ сдѣлать чего нибудь, а оказывается, что мы можемъ. Нужно только, чтобы подстегивала необходимость. Вамъ кажется, что если вы не спали цѣлую ночь, то вы не можете пробыть на ногахъ и работать еще цѣлыя сутки. А оказывается что вы можете. Если вы прошли тридцать верстъ пѣшкомъ, и у васъ натерта нога до крови,

то вамъ кажется, что вы не можете больше идти. А въ дѣйствительности вы можете. Вы можете пройти еще тридцать верстъ и, можетъ быть, сорокъ верстъ. Въ концѣ такой прогулки нога у васъ, навѣрно, будетъ натерта до кости. Но сорокъ верстъ вы все-таки сдѣлаете. Нужно только, чтобы была необходимость.

При въѣздѣ въ Кызылъ-Агачъ (впослѣдствіи я узналъ, что такъ полагается въ каждой деревнѣ), приблизительно за версту до перваго зданія, насъ встрѣтила невѣроятная, нечеловѣческая грязь. Въ это мѣсиво лошадь проваливалась выше колѣнъ. Временами получалось такое впечатлѣніе, что она сядетъ на заднія ноги и не будетъ въ состояніи выкарабкаться. Кстати: болгары, какъ практическій народъ, уже нашли выходъ. По дорогѣ проѣхать нельзя: поэтому нагнано человѣкъ двѣсти рабочихъ, и вдоль домовъ спѣшно устраиваютъ шоссе изъ невѣдомо откуда привезенныхъ крупныхъ булыжниковъ. Молодцы!

Кто-то указалъ намъ «гостиницу». Добрались до нея въ полутемнотѣ; кропилъ дождь. Внутрь, оказывается, не пускаютъ.

Сіе надо понимать *буквально:* для того, чтобы даромъ не надоѣдали разспросами корчмарю,—входная дверь заперта на ключъ. Въ окно видны тѣсно набитыя человѣческія спины; изъ форточки идетъ паръ. А стучаться не стоитъ: все равно не пустятъ. Я окончательно упалъ духомъ; сѣлъ на завалинкѣ и чуть не заплакалъ. Идетъ подпоручикъ. Я подозвалъ его и говорю:

— Я такой-то; «Новое Время»; ѣду въ дѣйствующую армію; *профессоръ*, а не кавалеристъ; разбитъ, даже идти не могу. *Помогите.*

Черезъ полчаса онъ устроилъ ночлегъ у коменданта и даже арбу, чтобы довезти меня туда. Фамилію отказался сказать.

Ночь провелъ я у коменданта; въ одной комнатѣ спали: онъ, я и Алексѣй.

Каждый часъ приносили военныя телеграммы; и пока вѣстовой ждалъ у дверей отвѣта, собака заливалась, какъ безумная. Не веселая была ночь, спалъ въ общей сложности часа четыре, никакъ не больше.

Но по утру комендантъ устроилъ все: лошадей, повозку для багажа, провожатыхъ верхомъ. Лично довелъ до границы города. Гайда!

Корреспондентскій обозъ.

Голямъ-Дербентъ. 14 октября.

Тяжело было сегодня ѣхать! Грязь невылазная; все идутъ обозы, волы. Размѣсили, разжижили всю дорогу; лошади буквально тонутъ. Пара бѣленькихъ мохнатыхъ лошадокъ, которыя запряжены въ телѣгу для моего багажа, оказалась неподкованной. На всякомъ пригоркѣ скребутъ, скребутъ ногами, скользятъ,—а вывезти не могутъ. Проходили какіе-то два крестьянина; попросилъ ихъ помочь. Они съ великой охотой, надсаживаясь, вывезли телѣгу наверхъ. Далъ имъ франкъ. Повидимому,—слишкомъ много. Или, можетъ быть, даже и въ этомъ надо видѣть вліяніе русскихъ симпатій. Я думалъ, что далъ имъ франкъ за одинъ пригорокъ. А они сочли своимъ дол-

гомъ бѣжать за моей телѣгой остальныя двѣнадцать верстъ перехода (гдѣ лошади рысью, тамъ и они рысью) и толкать каруццу при каждой новой лужѣ, на каждомъ новомъ пригоркѣ.

Идутъ какіе-то велосипедисты, несутъ машины на спинѣ. Ихъ, видите ли, посылаютъ съ письмами: сегодня 35 верстъ въ одну сторону, а завтра обратно. И такъ безъ перерыва. Одинъ — доброволецъ, въ штатскомъ. Подумалъ я: вотъ, голубчикъ, съ какимъ энтузіазмомъ ты шелъ на войну, ища подвиговъ и красоты; *долго ли* хватитъ у тебя энтузіазма на *такую* работу? Дали тебѣ письма—вези. Привезешь: выругаютъ, зачѣмъ опоздалъ. Сломаешь по дорогѣ машину, застрянешь на полдня лишнихъ — выругаютъ вдвое и посадятъ подъ арестъ. Арестную комнату, съ кускомъ хлѣба и съ кружкой воды, ты будешь считать въ высшей степени пріятнымъ мѣстопребываніемъ, потому что во время ареста у тебя хоть немного подживутъ ссадины, натертыя неудобнымъ велосипедомъ. Отсидишь арестъ, опять заставятъ ѣздить тридцать пять верстъ впередъ сегодня, да тридцать пять верстъ назадъ завтра. На одномъ изъ перегоновъ

упадешь въ лужу, простудишься, заболѣешь, помрешь. Никто спасибо не скажетъ. Еще дуракомъ назовутъ: взялся не за свое дѣло...

Другой велосипедистъ военный. Рожа небритая, вся въ грязи, только глаза видны. Сталъ его что-то спрашивать, ломая болгарскій языкъ. А онъ мнѣ:

— Peut être vous pouvez parler français?

И пошелъ... лучше меня самого. Въ Парижѣ учился, докторъ правъ. На прощанье сказалъ:

— Я по-нѣмецки еще лучше умѣю.

Тутъ, вообще, все неожиданности. Ѣдетъ полевая больница на арбахъ: повозку перевернуло на косогорѣ. Кричатъ, стараются. Одинъ, высокій, болѣе всѣхъ поднимаетъ; *санитарный майоръ*, какъ потомъ оказалось. А еще потомъ оказалось, что онъ—бывшій товарищъ предсѣдателя народнаго собранія, Момчиловъ.

На ночевку пріѣхали поздно. О насъ была дана впередъ телеграмма, такъ что насъ встрѣтили офицеры шикарно. Была вареная индюшка и фасоль съ краснымъ перцемъ. На девять человѣкъ—три ложки. Полковникъ разсказалъ по этому поводу анекдотъ. Пять голодныхъ болгарскихъ пастуховъ ѣли изъ

котла одной ложкой. Ложка такъ быстро ходила вокругъ, что когда пришелъ волкъ, то никто не могъ крикнуть «га!»: всѣ рты были полны.

А національныя противорѣчія всетаки сказываются. Добрый и добродушный былъ полковникъ. Но когда рѣчь шла о грекахъ и о греческихъ побѣдахъ, онъ не выдержалъ.

— «Побѣды» — замѣтилъ онъ не безъ злобности: съ преподобными самъ преподобный будешь.

Недаромъ греки и болгары тридцать лѣтъ рѣзали другъ друга въ Македоніи. Венизелосъ, можетъ быть, имѣетъ семь пядей во лбу: но въ полгода устранить всю многолѣтнюю вражду и онъ, конечно, не могъ. Поэтому полковникъ имѣлъ у своихъ подчиненныхъ большой успѣхъ. Такъ раскатисто смѣялись, что онъ еще два раза повторилъ свою сентенцію.

— Съ преподобными самъ преподобнымъ будешь... Ха-ха-ха!.. Съ преподобными самъ преподобный будешь...

Здѣсь, очевидно, всѣ считаютъ, что преподобными могутъ быть только болгары и что греческія побѣды могутъ быть только отраженіемъ тѣхъ, которыя будутъ одержаны

славянскими войсками. Война 1897 года еще у всѣхъ на памяти.

Полковникъ вывелъ меня на крыльцо, еще разъ засмѣялся и еще разъ повторилъ сентенцію о преподобныхъ.

Добрый полковникъ! Анекдоты у него были не хитрые. Но зато посмотрѣли бы вы, съ какою энергіею велъ онъ свое интендантское дѣло. Тутъ же у него обжигали кирпичи, тутъ же на землѣ клали хлѣбопекарныя печи. А изъ нихъ—въ трехъ уже пекли хлѣбъ. Да какой хлѣбъ: ровный, вкусный, плотный, пропеченный! У Филиппова такого не бываетъ. Право, было бы хорошо, если бы во всѣхъ арміяхъ интенданты были столь же немудреными, но и столь же добросовѣстными людьми, какъ мой Голямъ-Дербентскій пріятель.

Спали въ горницѣ у болгарина, шесть квадратныхъ аршинъ. На двери написано мѣломъ:

«Артиллерийское управление».

Потомъ зачеркнуто и написано:

«1 офиц. и ½ рота».

Въ этомъ селѣ, недѣлю назадъ, была главная квартира арміи; на шести квадратныхъ аршинахъ помѣщалось все артиллерій-

ское управленіе. Потомъ главная квартира ушла, пришелъ эшелонъ—и на тѣхъ же шести квадратныхъ аршинахъ помѣстили одного офицера и полъ роты. Какъ помѣстили—это уже болгарскій секретъ.

Утромъ передъ отъѣздомъ привели ко мнѣ первоисточникъ: участника боя при Гечкенли. Въ крошечной моей комнаткѣ набилось человѣкъ пятнадцать офицеровъ, и всѣ съ нескрываемымъ восторгомъ слушали разсказъ молодого героя, помогая ему каждый разъ, какъ онъ затруднялся въ русскихъ выраженіяхъ.

У поручика былъ какой-то странный, нездѣшній видъ: впослѣдствіи я замѣтилъ, что этотъ видъ (точно смотритъ куда то и слушаетъ что то) есть у всѣхъ, пережившихъ бой и обстрѣлъ. Видимо волнуясь, онъ разсказывалъ мнѣ:

— Въ день объявленія войны телеграмма пришла къ намъ въ семь съ половиной утра. Когда она была сообщена войскамъ, раздалось стихійное «ура». Почти въ тотъ же моментъ турки начали обстрѣливать нашъ пограничный постъ, гдѣ было всего шесть

солдатъ. Мы двинулись, причемъ солдаты проявляли большое нетерпѣніе; ихъ приходилось удерживать. Противъ насъ были двѣ батареи, нѣсколько эскадроновъ и четыре митральезы. Первымъ перешелъ границу старый офицеръ, который теперь уже убитъ. Тотчасъ же стали встрѣчаться турецкія части. Наши солдаты почти не желаютъ стрѣлять, а все стараются идти «на ножъ», то есть въ штыки, безъ выстрѣла. Турки этого не выдерживаютъ. Одни бѣгутъ въ безпорядкѣ, другіе сдаются, причемъ бросаютъ патронную сумку на землю, падаютъ на колѣни и держатъ ружье дуломъ къ себѣ, прикладомъ къ врагу. Нѣкоторые впрочемъ сражаются храбро. Одинъ офицеръ былъ раненъ въ ногу, упалъ, но продолжалъ стрѣлять изъ револьвера, убилъ двухъ болгарскихъ солдатъ; потомъ онъ былъ поднятъ на воздухъ десяткомъ штыковъ, какъ капитанъ Горталовъ въ русско-турецкую войну. Главный бой произошелъ девятаго октября у деревни Гечкенли, по дорогѣ къ Адріанополю. Турки выставили восемнадцать гаубицъ на позиціи и двѣнадцать—на поперечной высотѣ, для перекрестнаго огня. Огонь былъ очень сильный, особенно

когда начала стрѣлять пѣхота. Солдаты вели себя удивительно. Они доползли на тысячу метровъ; тогда вдругъ заиграли гимнъ «Шуми Марица» и вся колона бросилась «на ножъ». Турки сначала стрѣ-

ляли, но когда болгары оказались на разстояніи ста метровъ, дрогнули и побѣжали, оставивъ десять орудій. Одинъ болгарскій батальонъ потерялъ всѣхъ офицеровъ, но солдаты продолжали идти въ атаку. Были болгарскіе солдаты которые, раненые въ руку и грудь въ пяти мѣстахъ, продолжали наступать съ товарищами. Ротный командиръ былъ въ самомъ жаркомъ огнѣ, но ни разу не наклонилъ головы. Смотрѣлъ въ бинокль и давалъ приказанія. Одинъ солдатъ заблудился, попалъ къ туркамъ. Они отрѣзали ему ухо, ударили дважды въ бедро кинжаломъ—онъ притворился мертвымъ, потомъ поползъ и принесъ шинель обратно. Теперь онъ поправляется.

— А вы что̀ дѣлали во время боя?

— Я? ничего... Шелъ съ солдатами.

Когда поручикъ вышелъ изъ комнаты, одинъ изъ офицеровъ наклонился ко мнѣ и проговорилъ:

— Этотъ поручикъ—герой! Онъ раненъ въ голову шрапнелью. Спина сильно контужена. Несмотря на это онъ не только остался въ бою, но еще первымъ вскочилъ на турецкую баттарею...

Татарларъ. 15 октября.

Въ Голямъ-Дербентѣ всѣ говорили, что въ Татарларѣ я найду штабъ первой арміи. Я гналъ во всю, стараясь пріѣхать въ Татарларъ къ обѣду. Но болгары маршируютъ впередъ, какъ сумасшедшіе. Въ Татарларѣ никакого штаба уже не оказалось: мнѣ предложили отыскивать его въ селѣ Ени-кіой; это составляетъ еще шестьдесятъ верстъ, т. е. невозможную задачу для даннаго дня.

Къ счастью, въ Татарларѣ я встрѣтился съ компаніей отсталыхъ. Въ числѣ ихъ былъ бывшій предсѣдатель совѣта министровъ, Н. Геннадіевъ, поранившій себѣ ногу при паденіи ночью и потому отлеживавшійся въ Татарларѣ. Съ Геннадіевымъ я былъ знакомъ раньше; онъ даже обѣдалъ у меня разъ въ Петербургѣ, лѣтъ шесть назадъ. Мы встрѣтились съ нимъ какъ старые друзья; съ этого момента онъ взялъ меня подъ свое покровительство: всѣми удобствами, какія выпали на мою долю въ дальнѣйшемъ походѣ, я всецѣло обязанъ этому милому, умному, тактичному человѣку. Я никогда не буду въ состояніи достаточно отблагодарить его за ту радушную заботливость, съ кото-

Запасный рядовой, бывшій предсѣдатель совѣта министровъ Н. Геннадіевъ; запасный санитаръ, бывшій товарищъ предсѣдателя народнаго собранія Момчиловъ.

рой относился ко мнѣ этотъ заядлый стамбуловистъ-русофобъ.

Здѣсь вообще всѣ обходятся со мной удивительно. Для «Новаго Времени» въ Болга-

ріи все возможно. И вотъ, что̀ интересно. Я понимаю, что министръ внутреннихъ дѣлъ Д. Христовъ (interim) для того, чтобы устроить мнѣ коня, добивался, не сходя съ мѣста больше полчаса, прямого телефоннаго соединенія со Старой Загорой (велика штука, подумаешь, лошадь для корреспондента,—а вѣдь телефонъ съ главной квартирой въ военное время одинъ!). Министру, можетъ быть, важно сдѣлать любезность корреспонденту большой русской газеты... Я понимаю (но уже труднѣе), что, по тѣмъ же соображеніямъ, министръ-президентъ Гешовъ, когда я пришелъ къ нему съ визитомъ, прервалъ министерскій совѣтъ, въ которомъ онъ предсѣдательствовалъ, и, выйдя, сказалъ:

— Я пришелъ извиниться, что не могу васъ принять; такъ какъ вы уѣзжаете завтра рано утромъ, то простимся сейчасъ. Въ добрый часъ!..

Скептики и въ этомъ могутъ увидѣть не просто вѣжливость и порывъ, а расчетъ. Тогда я бы предложилъ этимъ скептикамъ подумать о слѣдующемъ случаѣ.

Русскій банкъ въ Петербургѣ (не буду его называть) выдалъ мнѣ чекъ на Софію, на «Балканска Банка». При этомъ мнѣ говорили:

— Мы ни за что̀ не ручаемся.

И взяли расписку, что я не буду имѣть претензій, если Болгары затянутъ выдачу денегъ.

Въ Софіи же вышло вотъ что̀. Увѣдомленіе о чекѣ запоздало. Болгаринъ сказалъ:

— Это ничего. Теперь военное время. Мы сейчасъ провѣримъ подписи и уплатимъ.

Черезъ четверть часа онъ пришелъ и, очень сконфуженный, сказалъ:

— Въ присланныхъ намъ циркулярахъ банка этихъ подписей нѣтъ.

Онъ далъ мнѣ два десятка циркуляровъ съ подписями. Черезъ полчаса внимательной работы я убѣдился, что одной подписи въ циркулярахъ не было совсѣмъ; другая была. Была—*по моему*. Она была въ циркулярѣ большая и красивая, а на чекѣ—въ видѣ первыхъ трехъ буквъ, небрежно нацарапанныхъ. У меня было убѣжденіе, что подпись *та*; но доказать это было невозможно.

Итакъ, самъ петербургскій банкъ ставилъ меня въ безвыходное положеніе. Дали чекъ, по которому софійскій банкъ юридически *не могъ* платить. А выѣзжать надо. Клеркъ пошелъ, посовѣтовался съ директоромъ, и

черезъ пять минутъ 10,000 франковъ были уплачены. Клеркъ сказалъ:

— Мы платимъ изъ патріотизма.

Онъ былъ правъ. Изъ бухгалтеріи заплатить было немыслимо.

Какъ вы—вотъ это объясните?

А если бы мнѣ не заплатили, я бы потерялъ три драгоцѣннѣйшихъ дня.

Ени-Кіой. 16 октября.

Сегодня мы перешли границу и вступили на турецкую территорію. Разница сразу замѣтна. Насколько въ Болгаріи почти вся земля обработана, настолько въ Турціи поразительно количество втуне лежащихъ богатѣйшихъ участковъ. Чернозему я здѣсь проѣзжалъ сотни тысячъ десятинъ: и все лежитъ безъ пользы. Я еще не видалъ турецкихъ жестокостей, турецкаго дурного управленія. Но эта земля, брошенная какъ ненужная ветошка, является болѣе краснорѣчивою, чѣмъ всѣ иные факты: въ культурной странѣ этого не увидишь. Очевидно, есть какія-то важныя причины, если никто не рискуетъ работать.

Первый день по Турціи ѣхать было чудесно. Къ сѣдлу я привыкъ, лошадь прекрасная и очень спокойная.

Кстати. Я странствую уже третью недѣлю въ качествѣ военнаго корреспондента. А военнаго еще ни одного слова не вышло изъ-подъ моего пера. Что̀ я могу подѣлать? Какъ

вижу,—такъ и пишу. Да я вовсе и не военный. Я просто русскій типъ, поѣхавшій за болгарскими войсками вслѣдъ. У меня и мысли всѣ штатскія. «Письма русскаго путешественника» было бы правильнѣе... Ну, все равно... Военные меня вѣдь читать не будутъ.

Ѣхать было чудесно. Представьте себѣ англійскаго эсквайра, который всталъ еще со звѣздами, вымылся на чистомъ воздухѣ около заиндевѣлаго колодца, съѣлъ три вареныхъ яйца и коробку сардинъ съ горячимъ чаемъ, выкурилъ папироску, сѣлъ на красиво осѣдланнаго коня, и поѣхалъ съ берейторомъ на утреннюю прогулку. Восходящее солнце такъ ласково золотитъ безконечные холмы, залитые желтѣющими отъ осенняго вѣтра дубками. А быстро растворяющаяся въ опаловомъ утреннемъ небѣ луна — прекрасна.

А то и куру зарѣжутъ...

Хорошая прогулка—и больше ничего. Двадцать километровъ. Завтракъ. Сварятъ чаю. Сыръ, хлѣбъ, лукъ. А то и куру зарѣжутъ и тутъ же на дворѣ ощиплютъ... Пикникъ.

Пока нѣтъ дождя, лучшей прогулки выдумать нельзя. Карта на лукѣ: впередъ,

впередъ. У меня вообще всѣ задатки вагабунда. Знаете: Lumpazzi Vagàbundus?

Ночи тяжелы. Спалъ я и въ амбарахъ безъ оконъ. Спалъ и въ очень богатыхъ комнатахъ, гдѣ земляной полъ покрытъ цыновками и гдѣ въ углу сложено до двухъ дюжинъ ковровъ: бери, сколько хочешь. Но печей *нѣтъ нигдѣ*. Въ лучшемъ случаѣ большой костеръ складывается у одной изъ стѣнъ, и дымъ идетъ вверхъ. Пока костеръ горитъ, холодно только съ одной стороны: съ той, откуда изъ двери тянетъ наружный воздухъ. А когда вспыхнетъ послѣдній огонекъ и комната погрузится въ тьму (первый актъ «Валькиріи»!), тогда безжалостный, кусающій холодъ лѣзетъ со всѣхъ сторонъ и давитъ, гнететъ. Я разъ попробовалъ раздѣться—на слѣдующій день не могъ повернуть шеи отъ ревматическихъ болей. На вторую ночь остался съ открытой головой—безуміе: часть головного покрова отмерзла и распухла; какъ то еще вылечу? Теперь снимаю только сапоги. Наваливаю на себя пальто и бурку: съ головой подъ нее! дыши, чѣмъ можешь! Да и такъ холодно. Утромъ вскакиваешь съ ощущеніемъ озноба во всѣмъ тѣлѣ. Если бы въ полдень не

отходили на яркомъ солнцѣ, было бы очень, очень тяжело.

За то (ура!) на завтракъ намъ дали бутылку пива съ надписью:

Brasserie Bomonti
Société anonyme
Constantinople.

Это пиво взято послѣ боя въ Лозенградѣ въ казино турецкихъ офицеровъ. Даже въ Мюнхенѣ я не пивалъ такого вкуснаго. Ура! Остальной завтракъ былъ по здѣшнему. Колбаса съ *перцемъ*. Огурцы съ *перцемъ*. Рубленая капуста съ *перцемъ*. На закуску *перецъ* (красный!) въ маслѣ. Хорошо тутъ кушаютъ. Два часа не могъ рта закрыть. Но все отъ чистаго сердца. Всѣмъ, до послѣдняго свинаря, приходится жать руку, когда узѣжаешь. Денегъ не берутъ. Вѣрнѣе: хозяинъ дома не беретъ и очень обижается, если предложишь. Но его жена послѣ этого беретъ.

Въ самое Ени-Кіой пріѣхали очень поздно; переходъ былъ длинный. Уже съ шести часовъ вечера слышали мы орудійные залпы. Съ каждымъ десяткомъ километровъ они становились все яснѣе и яснѣе. Шестнад-

цатое октября: вѣдь это, какъ оказалось впослѣдствіи, былъ самый разгаръ Люле-Бургасскаго пятидневнаго боя.

Эге! Вотъ она, наконецъ, война! Странное чувство какого-то остраго, болѣзненаго любопытства стало меня охватывать. Нервы напряжены, какъ скрипичная струна; все время внутренне дрожишь: но, право, не отъ страха;—отъ ожиданія что, вотъ-вотъ, каждую минуту предъ тобой можетъ развернуться стихійное, колоссальное, потрясающее. Рвешься впередъ, чтобы поскорѣй избавиться отъ монотонности полуобработанныхъ полей, отъ надоѣвшей унылой грязи:—чтобы встать лицомъ къ лицу съ Войной.

Въ Ени-Кіой мы пріѣхали часовъ въ девять вечера. Село было полно военныхъ, арбъ, лошадей. Какіе-то офицеры толпились на улицѣ передъ небольшимъ краснымъ фонаремъ и вполголоса разговаривали. Геннадіевъ сказалъ мнѣ:

— Пойдемте, я васъ представлю Кутинчеву.

Мы вошли въ какую-то лавку, вродѣ бакалейной. Въ самой лавкѣ на скамеечкѣ сидѣлъ, съежившись, задумчивый старый грекъ. Черезъ дверь было видно, что задняя

комната освѣщена болѣе ярко; въ ней слышался громкій болгарскій разговоръ, котораго я не могъ понять. Геннадіевъ прошелъ туда безъ доклада; когда шире открыли дверь, я увидалъ склоненную надъ картою сѣдую характерную голову командующаго первой арміей. Минутъ черезъ пять Геннадіевъ вернулся и сказалъ:

— Генералъ очень хочетъ познакомиться съ вами. Но сейчасъ онъ занятъ. Онъ проситъ васъ отложить визитъ до завтра.

— Бой?

— Да, у Люле-Бургаса бой въ полномъ разгарѣ. Вы понимаете, что командующій арміей весь поглощенъ своей задачей.

— Какой же можетъ быть разговоръ?..

Меня провели въ третью небольшую комнатку. Тамъ сидѣлъ молодой адъютантъ и на большой картѣ раскладывалъ, руководясь какой-то бумажкой, небольшія деревянныя игрушки краснаго и синяго цвѣта.

— Вотъ это турецкіе полки—сказалъ онъ: а это изображаетъ наши дивизіи. Въ ящикѣ у него были даже крошечныя позолоченыя пушки. Онъ и ихъ размѣщалъ немного позади дивизій.

— Ну, а какже бой идетъ?

— Э, не знамъ.

Только впослѣдствіи я, по горькому опыту, убѣдился, что получить какія бы то ни было свѣдѣнія отъ субалтерновъ въ Болгаріи невозможно.

Да, кромѣ того, я думаю, что штабъ арміи, находящійся за сорокъ верстъ отъ боевой линіи, дѣйствительно, ничего не знаетъ. Приходятъ обрывочныя телеграммы отъ начальниковъ отдѣльныхъ частей: но кто можетъ поручиться, что какой нибудь важный пунктъ уже не занятъ наступающими турками и что именно съ этого важнаго пункта телеграмма не доставлена;—потому ли, что посланнаго убили, или потому, что испортился телеграфный проводъ?

Такъ ли легко узнать, что̀ именно происходитъ на пятидесяти верстахъ боевого фронта? Такъ ли легко, вообще, понять и описать титаническое явленіе, называемое современнымъ боемъ?

Ени-Кіой. 17 октября.

Люле - Бургасъ, Люле - Бургасъ. Здѣсь только въ этомъ и говорятъ. Три Болгарина пришли къ намъ въ гости; сейчасъ же разложили карты; кто обзавелся—трехверстную, другіе—шестиверстную, а то, такъ и просто

маленькую нѣмецкую, по которой ровно ничего не найдешь. Куда пойдетъ «наша» армія? Какъ ей помогутъ? Въ чемъ заключаются главныя трудности?

Всѣ чувствуютъ громадную важность момента.

— Это—второе Коссово сраженіе.

— И послѣднее.

Давай Богъ! А пока — неизвѣстность. Люле-Бургасъ, кажется, переходитъ изъ рукъ въ руки.

Мы не вытерпѣли. Послѣ завтрака поѣхали: Геннадіевъ и трое Болгаръ въ таратайкѣ, я верхомъ.

— Чтобы легче удирать, видимо подумали Болгары.

Отсюда до Люле-Бургаса верстъ тридцать пять. Рѣшили доѣхать до послѣдняго кряжа и оттуда посмотрѣть, не увидимъ ли чего.

Изрытая артиллеріей глинистая дорога. Кое-какой перелѣсокъ, а то и просто мхи. Ѣдутъ арбы *туда:* первый обозъ догнали—съ хлѣбомъ; второй—съ патронами. Тотъ, у кого будетъ больше хлѣба и патроновъ, будетъ властителемъ этой земли. Больше ничего сейчасъ не надо для того, чтобы рѣшить судьбу царства и имперіи. Воловъ,

хлѣба, патроновъ. Тамъ, говорятъ, второй день ѣдятъ сырую кукурузу, какая валяется на полѣ.

Ѣдемъ. Неизвѣстность.

Вдали слышно громыханіе орудій.

На встрѣчу обозъ. Везутъ ящики артиллерійскихъ снарядовъ. Сердце сжимается. Неужели снаряды уже повезли назадъ? Подъѣзжаемъ.

— Полные?

— Праздни,—отвѣчаетъ философъ-погонщикъ (пустые).

Отъ сердца отлегаетъ...

— Нашихъ меньше, — говоритъ одинъ болгаринъ.

— Зато, у насъ 30,000 универсантовъ среди простыхъ войниковъ. Вотъ наша главная сила.

— Побѣдимъ! Болгары никогда не отступали,—съ увѣренностью говоритъ третій.

Велосипедистъ. Пыльный, потный, усталый, бодрый.

— Какъ? Что?

— Я ищу штабъ третьей арміи.

Оказывается, онъ заблудился. Трудно ли? Карты каждому не дашь; поэтому, дѣлаютъ проще. Выведутъ велосипедиста, назовутъ

деревню, помашутъ рукой приблизительное направленіе:—вотъ, и все. Онъ и плутаетъ.

Конный, эстафета.

— Что̀? Какъ?

Начинаетъ разсказывать то, о чемъ вчера говорили въ главномъ штабѣ. «Питаемъ» (спрашиваемъ) подробности: видимо, сочиняетъ, что̀ вздумаетъ.

Неизвѣстность.

Бродитъ стадо овецъ. Чье оно? Когда мы въѣхали въ Турцію и у совершенно выжженнаго села обогнули вспаханное поле, мой Алексѣй спросилъ:

— А таперь кто же будетъ рожь снимать?

Я сказалъ:

— А кому охота...

— Вотъ оно что,—произнесъ мой Лепорелло задумчиво.

Ему захотѣлось снять эту рожь въ будущемъ году.

Чье это стадо? Чья тамъ бѣгаетъ въ лѣсу лошадь? Чей это сахаръ пудрой разсыпанъ по грязи? На чьей таратайкѣ ѣдутъ они? У кого отняли лошадь, фыркающую подо мной?

Война. Война съ большой буквой, мистическая Война, всепоглощающая.

Догоняетъ автомобиль. Онъ гдѣ-то застрялъ въ грязи и теперь ищетъ командующаго. Геннадіевъ находитъ нужнымъ сказать афоризмъ:

— Voilà une automobile qui de par son essence doit etre essentiellement mobile et qui laisse son général en panne...

А шоферомъ сидитъ его собственный братъ, копевладѣлецъ: рука завязана промасливавшейся тряпкой, лицо забрызгано грязью, шапка порвана; а глаза, глаза! воспаленные, усталые, чужіе. Онъ двѣ ночи не спалъ подрядъ. Автомобилей мало, шоферовъ мало.

Бѣжитъ крестьянинъ. На спинѣ тулупъ, завязанный въ тряпки, подгоняетъ осла, на которомъ сверху взваленъ куль какого-то хлѣба, а по сторонамъ болтаются, какъ грозди, шесть куръ, привязанныхъ за ноги: у одной оторвана голова, остальныя орутъ. Да на крупѣ осла, позади куля, привязана индюшка. Спрашиваемъ:

— Что? Какъ?

Разсказываетъ на греческомъ жаргонѣ. Геннадіевъ переводитъ. Грекъ докладываетъ:

— Вчера мой домъ былъ еще цѣлъ. А сегодня Люле-Бургасъ на сѣверѣ горитъ, такъ что мой домъ въ большой опасности.

Начинаемъ ему объяснять, что насъ интересуетъ не это.

— Взяли ли Болгары высоты?

А онъ—опять о своемъ домѣ.

Неизвѣстность.

Ѣдемъ еще. Наконецъ, вдали начинаютъ виднѣться клубы шрапнелей, взрывающихся высоко въ воздухѣ. Заклубится—и стоитъ въ вечерней дали. Чьи? Неизвѣстно.

Слышна трескотня ружей. А вотъ—заговорили митральезы. Но ничего не видно. Отъ сраженія насъ отдѣляютъ еще два кряжа. Вечеръ уже смеркается. Надо возвращаться домой: ѣхать двадцать пять верстъ, цѣлыхъ три часа.

Спустится ночь. Потные, разгорячившіеся войники залягутъ на позиціяхъ до утра — и сѣдой иней засеребритъ ихъ тощенькія шинельки. Страшно подумать: какъ люди это выносятъ?

Догоняетъ кавалеристъ. Тоже ничего не знаетъ. Торба у него полна великолѣпнѣйшаго турецкаго табаку.

— Вземете...

Аккуратныя маленькія пачки листовъ, перевязанныхъ шелковинками. Этотъ табакъ стоитъ въ Россіи 20—30 рублей фунтъ.

— Вземете...

Беремъ. Глаза невольно ищутъ: нѣтъ ли на немъ крови?

— А новости какія?

Онъ тоже не можетъ сказать.

На крупѣ осла привязана индюшка...

Неизвѣстность.

Пушки грохочутъ.

А солнце сѣло. Небо сіяетъ. Прямо передо мной оно—свѣтлое, слегка оранжевое. По бокамъ—фіолетовое съ прослойками розовыхъ облаковъ, протянувшихся рядами. На верхъ оно переходитъ сначала въ сталь-

ной, а потомъ въ голубой цвѣта; сзади—грозовой, сѣро-лиловый. Тамъ льется кровь. Вечерѣетъ. Оранжевое небо приняло цвѣтъ спѣлаго абрикоса; облачки изъ розоваго—перешли въ фіолетовый цвѣтъ и протянули руки къ ушедшему солнцу. Еще десять минутъ: все небо затемнилось; только на закатѣ пролилась кровавая полоса. Сзади тоже кровь. Зажглась звѣзда. Она безмолвно вопіяетъ противъ крови.

Айвали. 18 октября.

Сегодня поѣхалъ вмѣстѣ со штабомъ, перемѣщающимся ближе къ Люле-Бургасу, въ деревню Айвали. Характерная картина, этакій походъ штаба.

Утромъ сигналъ трубой для выступленія. Штабъ имѣетъ сотни двѣ повозокъ. Я выѣхалъ попозже и сталъ ихъ постепенно обгонять.

Ѣдетъ бравый майоръ-интендантъ. Везетъ на волахъ сорокъ тысячъ раціоновъ хлѣба. Сѣдой, но хорошо держится на сѣдлѣ. Русскій воспитанникъ.

— Нашихъ солдатъ невозможно удержать. На версту отъ врага уже бросаются на ножъ. Развѣ это мыслимо? Вчера одна

рота осталась безъ патроновъ. Лежали, лежали, не подвозятъ. Тогда закричали «ура», бросились впередъ и взяли окопъ.

— Жертвъ много?—говорю я.

— Много. А шрапнелью мало выбьетъ? Лучше ужъ сразу, по-суворовски. Помните, что мы очень благодарны русскимъ за все и особенно за драгоцѣнное «ура». Это прекрасное оружіе.

Мы засмѣялись. Я вынулъ блокъ-нотъ и записалъ.

— Постойте,—сказалъ майоръ,—вы еще запишите мою фамилію, чтобы всѣ знали, что это я сказалъ про «ура». Ха-ха-ха!

Записалъ: *майоръ Яковлевъ*.

Ѣду дальше. Арба со знаменемъ. Бѣлыми тесемками на красномъ кумачѣ нашито: «Командующий перва армия». Рядомъ солдатъ несетъ бережно на спинѣ фонарь съ красными стеклами; по этому фонарю находятъ ночью завѣтное помѣщеніе главнаго штаба: справки, квартиру, овесъ—все, что̀ хочешь.

Ѣдетъ коляска городского типа. На козлахъ солдатъ, внутри, развалившись, другой. Quand les chats n'y sont pas, les rats dansent. Это коляска командующаго.

Замѣчательная вещь! Ѣдетъ громадный обозъ по скверной дорогѣ. Пересѣкаетъ десятки долинъ съ топкими бродами, съ тяжелыми подъемами. Мѣстами въ арбу впрягается до сотни людей, чтобы помочь. *И ни одного крика*. Я здѣсь не слыхалъ, съ самаго начала войны, ругательнаго слова. Да что̀—ругательства! Я еще не слыхалъ повышеннаго тона, громкаго голоса.

Идутъ раненые (навстрѣчу). Много, сотни. Большинство идетъ сосредоточенно, съ нездѣшними глазами. Поглощены болью, ничего не видятъ. Нѣкоторые ложатся и безсильно приникаютъ къ землѣ. *Ни стона. Ни одного*. Идетъ: страшный, вся голова перевязана, видитъ одинъ глазъ, да и тотъ замазанъ запекшеюся кровью; идетъ, качается, опирается на зонтикъ. Откуда онъ его взялъ? Рядомъ ѣдутъ арбы, по тому же направленію. *Не садится*. Арбы—для тяжело раненыхъ. Долгъ выше всего.

Перегоняютъ лихіе телеграфисты. У каж-

даго на плечѣ по три столба (жердями назвать нельзя). Армія летитъ впередъ. Телеграфисты ставятъ по 60 верстъ въ день телеграфныхъ столбовъ и все тащатъ на себѣ. Вникните только: все, что̀ надо для проведенія телеграфной линіи отъ главной квартиры (Старая Загора) сюда,—все перенесено на этихъ спинахъ. Повозки мало гдѣ проходятъ по грязи.

Налѣво горятъ два села. Въ бинокль видно, какъ яркимъ огнемъ пылаетъ мечеть съ тоненькимъ минаретомъ.

Обгоняю еще. Мой спутникъ показываетъ мнѣ на поручика, шагающаго съ солдатами.

— Посмотрите на этого: софійскій милліонеръ; а у него, вотъ, задки сапогъ прорваны.

Какъ только я въѣхалъ въ Айвали и остановился у колодца, стараясь, какъ-нибудь оріентироваться, ко мнѣ подбѣжалъ какой-то болгаринъ и сказалъ:

— Ты докторъ?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я и, замѣтивъ его разочарованное лицо, прибавилъ: — а что̀?

— Я хотѣлъ тебѣ показать убитыхъ.

Оказалось, что жертвы айвалійской рѣзни еще не похоронены, несмотря на истекшія четверо сутокъ. Когда я потомъ ближе познакомился съ положеніемъ дѣла, у меня—грѣшнаго человѣка—промелкнула мысль, что мѣстные болгары и греки нарочно затягиваютъ похороны: если ужъ убито 167 женщинъ, стариковъ и дѣтей, такъ «пусть отъ этого будетъ какая-нибудь польза для святого дѣла освобожденія»; пусть ихъ увидитъ возможно большее количество проходящихъ солдатъ, докторовъ, корреспондентовъ. Точка зрѣнія нѣкотораго извлеченія выгоды изъ покойниковъ: но можно ли винить мѣстныхъ крестьянъ въ томъ, что они въ этой грубой формѣ аппеллируютъ къ общественному мнѣнію?

Какъ только я приблизился къ мѣсту похоронъ, ко мнѣ уже привели стараго, небритаго и довольно свирѣпо выглядѣвшаго болгарина, который разсказалъ мнѣ, какъ все произошло. Онъ такъ усердствовалъ и такъ, видимо, страдалъ своимъ неумѣніемъ выразиться на родномъ мнѣ языкѣ, что изобразилъ всю сцену въ лицахъ: какъ онъ становился на колѣни, какъ цѣловалъ ноги турецкаго офицера, какъ тотъ зама-

хивался на него саблей. Грубое драматическое искусство этого очевидца воспроизводило рабьи ужимки, необходимыя при сношеніи съ турками,—съ такимъ реализмомъ, что невольно поднималась какая-то волна тошноты.

Допросъ свидѣтелей въ Айвали.

Дѣло представлялось совершенно простымъ. За два дня до Люле-Бургасскаго боя въ Айвали пришелъ болгарскій разъѣздъ, человѣкъ тридцать. Мѣстные жители ударили въ колокола и вынесли навстрѣчу освободителямъ хо-

ругви, запрестольный крестъ. Болгары прикладывались къ кресту, а мѣстные жители, въ знакъ освобожденія отъ рабства, кромсали болгарскими саблями свои фески. Спрашивали изъ осторожности:

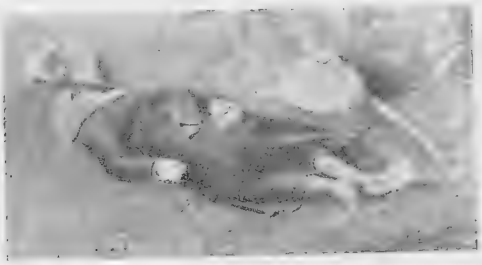
— Не нужно ли бѣжать въ горы?

Но начальникъ разъѣзда успокоилъ ихъ, говоря, что имъ не грозитъ никакая опасность.

Въ этотъ моментъ турки двинули изъ Люле-Бургаса три табора; подъ натискомъ ихъ, разъѣздъ принужденъ былъ поспѣшно отступить. Послѣ этого началась потѣха. Айвалійскихъ жителей поставили на допросъ: дѣйствительно ли они устроили торжественную встрѣчу болгарамъ? Явное доказательство измѣны было налицо: ни у одного мужчины не оказалось фески. Это обстоятельство, въ глазахъ турокъ, явилось достаточнымъ поводомъ для того, чтобы раздѣлить мужчинъ направо, женщинъ налѣво и, затѣмъ, начать разстрѣлъ. Какъ произошелъ самый разстрѣлъ, разсказчикъ объяснить не могъ, такъ какъ онъ ухитрился залѣзть въ сѣно и ничего послѣдующаго не видалъ; спасалъ свою жизнь. Во всякомъ случаѣ, въ селѣ и, главнымъ образомъ, въ

прилежащихъ къ селу долинкахъ найдено было свыше 160 труповъ. Особенно яростно разстрѣливались крестьяне именно въ этихъ долинкахъ. Въ одной изъ нихъ были найдены отецъ, мать и трое дѣтей, лежавшихъ кучей и пронизанныхъ десятками турецкихъ пуль.

При мнѣ на пригоркѣ хоронили нѣсколько жертвъ. Мальчика, лѣтъ десяти;



женщину въ характерной болгарской самотканой юбкѣ и черной кофтѣ; на животѣ у этой женщины, поверхъ платья, лежало что-то небольшое, окровавленное. Когда я подошелъ поближе, я увидалъ, что это «что-то» есть вырванный цезарскимъ сѣченіемъ, приблизительно, восьмимѣсячный плодъ; одна изъ ручекъ была отрѣзана. Тутъ же стоялъ съ лопатой человѣкъ, довольно безстрастно прекратившій рытье могилъ при моемъ приближеніи.

— Это ея мужъ,—сказали мнѣ.

Онъ утвердительно мотнулъ головой.

Нервы какъ-то мало реагировали на ужасное зрѣлище. При *той* обстановкѣ, въ *тотъ* моментъ, я какъ-то не могъ отдать себѣ отчета во всей общественной важности того, что̀ я вижу. Мнѣ даже пришла странная мысль: объяснить, почему вырѣзанъ изъ матери неродившійся ребенокъ. Я очень хорошо помню, какъ я сказалъ себѣ: молодой турокъ; гаремный складъ жизни; никогда не видалъ женщинъ; убитая и беременная болгарка; любопытство; любопытство посмотрѣть, какъ это собственно обстоитъ. И мнѣ почему-то показалось, что въ разрѣзываніи живота нѣтъ специфической жестокости, а есть то грубое, не осмысляющее себя стремленіе познать, въ силу котораго одиннадцатилѣтніе гимназисты рвутъ лапки у жуковъ. Только отрѣзанная ручка, даже въ тотъ моментъ—въ моментъ напряженнаго стремленія окаменѣть и не реагировать нервами на происходящее—меня смутила. И я невольно вспомнилъ слова одного пріятеля: «развратная гаремная жизнь дѣлаетъ всѣхъ турокъ садистами».

Снялъ шляпу, спокойно нацѣлился ко-

дакомъ, поставилъ діафрагму, снялъ на шесть футовъ въ крупномъ видѣ, снялъ на пятнадцать футовъ поменьше: и все, какъ-будто бы передо мной лежала дворовая собака «Нора», на которой мы въ свое время практиковались въ деревнѣ, за неимѣніемъ ничего лучшаго. Странное какое-то чувство: держи нервы; распустишь—конецъ!..

Немножко поодаль, подъ тѣнью амбара, лежала цѣлая куча тѣлъ, частью полуобнаженныхъ, частью одѣтыхъ въ обычное болгарское платье. Набросаны они были какъ попало: торчали двѣ ноги въ мужскихъ сарвуляхъ; поперекъ лежала ничкомъ старая женщина. Особенно запомнился мнѣ маленькій ребенокъ, съ совершенно размозженной головой: ножки пухленькія, что называется «съ ниточками», животъ бѣлый, почти невздутый,—а вмѣсто головы кровавый потемнѣвшій фаршъ. Снялъ и съ него фотографію.

— А вотъ еще «пеленачъ»,—сказалъ мнѣ кто-то.

Изъ наваленной массы, изъ-подъ труповъ вытащили закоченѣвшаго ребенка, мѣсяцевъ десяти. Положили его около стѣнки на

солнышкѣ, чтобы удобнѣе было фотографировать. Когда я сталъ искать какой-нибудь доски, чтобы поставить аппаратъ для снимка «на выдержку»,—тотчасъ же сбѣгали и принесли. А ребенокъ, согнувъ ноги и трагически закативъ почти безволосую головку съ криво открытымъ ртомъ, лежалъ и точно молилъ о мщеніи.

— Еще есть священникъ убитый...

Меня повели черезъ все село. Къ намъ присоединился какой-то другой священникъ. Дѣйствительно, у рѣчки лежалъ трупъ совершенно сѣдого старика съ разрубленнымъ пополамъ черепомъ: разрубленнымъ— не сверху внизъ, а, такъ, сказать, поперекъ, справа налѣво, немножко повыше рта. Благодаря этому, получалась кошмарная картина: лежитъ старикъ; сѣдые волосы; морщинистый лобъ; закрытые глаза; обыкновенный, какъ говорится въ паспортахъ, носъ, и дальше—невѣроятный, фантастическій ротъ, разинутый отъ уха до уха, въ полъ-аршина шириной, безъ зубовъ и весь наполненный запекшейся кровью. Надъ этимъ ртомъ рѣялъ, жужжа, цѣлый букетъ мухъ. Когда я опять вынулъ свой кодакъ и сталъ примащиваться для фотографированія, живой священникъ подошелъ къ священнику мертвому и положилъ на траву, около его головы, свою пастырскую шапку. Чтобы всѣ, молъ, знали, что это дѣйствительно Лазарь Атанасіу, священникъ села Айвали.

А болгаринъ прибавилъ:

— Вы, господинъ корреспондентъ, не забудьте упомянуть, что почти всѣ убитые— не болгары, а греки.

Онъ по опыту зналъ, что о звѣрствахъ надъ болгарами писали почти каждодневно, безъ всякаго успѣха; никто на это не отзывался. Въ его простецкой головѣ возникла мысль: не больше ли будетъ произведено впечатлѣнія, если во всемогущихъ газетахъ будетъ упомянуто, что зарѣзали именно грековъ?

Люле-Бургасъ. 19 октября.

Ѣздили сегодня на поле сраженія. Послалъ въ Петербургъ такого рода телеграмму:

«Позиціи Турокъ были удивительно сильны; похожи на Зеленыя Горы Плевны. Онѣ совершенно доминируютъ надъ противоположною стороною; имѣютъ два возвышенія, въ родѣ сопокъ. Окопы были расположены тремя, а мѣстами четырьмя ярусами. Батареи маскированы, всѣ разстоянія точно измѣрены.

Проѣхавъ по окопамъ, нашелъ безчисленное количество разстрѣлянныхъ гильзъ, свидѣтельствующихъ о продолжительномъ и энергичномъ огнѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ неразстрѣлянные патроны лежатъ десятками коробокъ. Особенно удивительна точность болгарской артилеріи; большинство окоповъ имѣетъ рядъ ямъ отъ падавшихъ

снарядовъ, не дальше трехъ шаговъ спереди и пяти шаговъ сзади.

Въ одномъ мѣстѣ окопъ полонъ убитыхъ людей, лежащихъ подъ рядъ. Унтеръ-офицеры лежатъ нѣсколько подальше, тоже убитыми. Взводный офицеръ—еще дальше, убитъ на своемъ мѣстѣ.

Офицеры объяснили мнѣ, что по этимъ трупамъ можно нарисовать расположеніе людей въ окопѣ, какъ оно преподается въ учебникахъ.

Картина потрясающая.

Въ другомъ мѣстѣ стояла турецкая батарея; на радіусѣ въ двадцать саженъ насчиталъ около сорока ямъ. Тутъ же стоитъ взорванный зарядный ящикъ, лежатъ нѣсколько снаряженныхъ гранатъ; на землѣ перебитыя лошади.

Общее впечатлѣніе офицеровъ, такъ сказать единый ихъ крикъ, что «солдатъ нельзя удержать». Отъ этого есть ненужное количество жертвъ, также и среди офицеровъ, которые не желаютъ отставать. Дивизіонный генералъ на полѣ сраженія сказалъ мнѣ: «Я былъ командиромъ дружины во время войны съ Сербами. Видѣлъ тогда страшный натискъ нашихъ солдатъ; потомъ

началъ сомнѣваться, не уменьшилась ли ихъ энергія. Теперь убѣдился:— она больше, чѣмъ прежде, особенно въ тѣхъ частяхъ, которыя видѣли жертвы деревни Айвали. Всѣ учебныя соображенія о развертываніи и о подготовкѣ атаки сметены практикой».

Такъ какъ городъ переходилъ изъ рукъ въ руки, то много болгарскихъ раненыхъ попало въ руки туркамъ. У многихъ перерѣзано горло. Одинъ капитанъ найденъ съ выколотыми глазами. Трупъ обезчещенъ обычными турецкимъ пріемомъ, извѣстнымъ русскимъ войскамъ.

И такихъ—много. Около здѣшняго кладбища *всѣ* болгарскіе убитые лежатъ съ двумя ранами: одной, которая ихъ сразила, и другой—подъ запрокинутой шеей. Вторая сдѣлана искусной рукой мясника, навострившагося въ своемъ звѣрствѣ. Она залита запекшеюся кровью, такъ что она *прижизненна*. Я видѣлъ эти ужасные въ своемъ однообразіи трупы. Я ихъ видѣлъ самъ и могу свидѣтельствовать о нихъ передъ Всевышнимъ!»

Бродилъ по городу. *Завоеванный* городъ. Солдаты. Военное положеніе.

Много лавокъ разбитыхъ. Стоятъ въ нихъ

лошади. На диванахъ (вмѣсто кормушки) лежитъ «рѣзка» (нарубленная солома). Передъ лошадью виситъ на столѣ ненужный ей ка-

лендарь. Больше ничего не осталось. Навозъ. Опилки.

Но есть лавки, которыя начинаютъ от-

крываться. Парикмахеръ напротивъ меня дѣлаетъ съ господами офицерами чудесныя дѣла. Только успѣвай точить бритвы: три подмастерья, не разгибая спины, правятъ ихъ.

Даже окошко,—и то берутъ штурмомъ.

Съѣстныя лавки открываются здѣсь повоенному. Хозяинъ приподнимаетъ желѣзную жалюзи, пролѣзаетъ ползкомъ въ дверь; изнутри *заколачиваетъ* дверь крѣпкими досками, чтобы она не открылась; вынимаетъ изъ двери одно стекло; тогда—и только тогда,—приказчикъ поднимаетъ жалюзи до верха. Иначе толпа солдатъ ворвется, и съ ней не справиться. Даже окошко, и то—берутъ штурмомъ; лѣзутъ другъ на друга, цѣпляются за выступы дома—чтобы какъ-нибудь засунуть руку и подать франкъ.

Сдачи, расчетовъ—здѣсь не бываетъ. Вся-

каго товара выдается изъ окна (на глазокъ, конечно, и не съ убыткомъ для продавца) на *франкъ*. Главная особенность этой торговли заключается въ томъ, что покупатель не знаетъ, *что именно онъ покупаетъ*. Ему все

Покупатели.

равно: сахаръ, такъ сахаръ; пряники, халва, сыръ, вязига, рисъ. Солдатскій желудокъ такъ «соскучился» отъ сухояденія и однообразія хлѣба,—что покупается всякій товаръ, какой ни пододвинется къ завѣтному окошку. Одинъ солдатъ при мнѣ вытащилъ

изъ этой лотереи коробку мятныхъ лепешекъ: половину онъ продалъ мнѣ (тоже за франкъ), а остальное сталъ ѣсть тутъ же, жадно, сосредоточенно. Надо чѣмъ-нибудь перемѣнить вкусовыя ощущенія.

Вотъ почта; остатки прежней турецкой почты. Надъ дверью черная вывѣска: сверху полоска турецкихъ крючковъ, снизу по-французски: «poste et télégraphe». Крючки слегка соскоблены, и поверхъ ихъ мѣломъ, плохимъ солдатскимъ почеркомъ, написано: «Царство България». Мнѣ вспомнилось, что въ деревнѣ Сели-оглу (гдѣ былъ бой) хозяинъ-болгаринъ, потчивавшій насъ «роскошнымъ» завтракомъ (перецъ и проч.), въ тотъ моментъ когда мы собирались выѣзжать, собралъ у крыльца нѣсколько стариковъ, снялъ шапку, выступилъ впередъ и, стараясь говорить литературнымъ языкомъ (чтобы мнѣ было понятно), сказалъ съ возможной торжественностью:

— Слушай! Ние които живѣемъ въ Турция (можетъ быть, записалъ съ ошибками: на сѣдлѣ...) не желаемъ автономия, а желаемъ свобода въ великата България съ покровителството на велика Русия, която е пролѣвала кръвь за насъ.

И опять поклонился. Онъ иначе не держалъ бы рѣчи передъ Берлинскимъ конгресомъ.

Кто-то при этомъ сказалъ:

— Вотъ, положить бы одного дипломата на одну ночь въ грязь, на передовую позицію вмѣстѣ съ болгарскимъ солдатомъ,— такъ онъ уже къ утру понялъ бы, что невозможно теперь отдать завоеванную нашею кровью землю.

А другой проговорилъ:

— Ну, да... Понялъ бы онъ! Къ утру онъ уже сгнилъ бы до костей...

Бываютъ вещи на свѣтѣ, которыхъ ни одинъ дипломатъ никогда понять не можетъ. Ихъ понять, вообще, нельзя: ихъ надо почувствовать и пережить...

Иду по городу дальше. Жестяникъ устроился по-турецки на своемъ прилавкѣ и фабрикуетъ фонари (спросъ великъ). Стою, смотрю. Онъ подымаетъ голову и говоритъ съ улыбкой:

— Pas intéressant écrire...

Востокъ полонъ самыхъ дикихъ неожиданностей.

По городу расклеены болгарскіе военные бюлетени. Такъ какъ почта привезла ихъ

въ большомъ количествѣ и серіями (всѣ вышедшіе нумера), то штабные солдатики расклеили ихъ, какъ попало. На одномъ углу читаемъ, что болгарская мобилизація прошла съ большимъ успѣхомъ. На другомъ: болгарскія войска вступили въ Турцію. На

Чистятъ трофеи.

третьемъ: Черногорія объявила войну. Еще дальше: взятъ Лозенградъ.

Мы здѣсь дѣлаемъ новости, но сами ими не пользуемся.

Громадный турецкій военный складъ. Передъ уходомъ турки произвели въ немъ нѣкоторый безпорядокъ. Записываю въ книжку то, что̀ попадаетъ подъ глаза.

Прорванный барабанъ съ помѣткой: «Sächsische Musikinstrumenten Manufactur; Markenkirchen».

Громадные кожаные гросбухи съ мѣдными углами, чистые. Штукъ сорокъ.

Ящики для снарядовъ конной артилеріи. Двѣ тысячи шестьсотъ.

Фляги, удивительныя: алюминіевыя, обшитыя сукномъ, со стаканомъ. Завалено ими полкомнаты.

Гора (буквально) портянокъ. Новыя.

Комната (здѣсь меньше, какъ комнатами считать не приходится) солдатской одежды, нераспакованной; совсѣмъ новыя брюки и куртки, каждая пара за пломбой.

Черные халаты. Для чего?

Губки. Нотная бумага. Зеркала.

Подносы. Телефоны. Флаги для украшенія города.

Халва—много. Снаряды. Снаряды учебные изъ картона. Фотографія, изображающая бравую батарею съ красивымъ полковникомъ—всѣ солдаты со шрапнелями въ рукахъ. Гдѣ они теперь?

Мишени прострѣленныя, учебныя.

Какія-то таблицы для объясненія балистическихъ свойствъ пули.

Сундуки. Шкапы. Все разломано.

Кули. Ружья. Громадный ящикъ, полный картонныхъ донышекъ съ дырками—для чего, неизвѣстно. Если бы жители съ Марса попали на землю, то они такъ же останавливались бы въ полномъ недоумѣніи передъ нѣкоторыми вещами. Сотни тысячъ непонятныхъ донышекъ...

Пыль. Грязь. Кошки шмыгаютъ. Хаосъ, хаосъ.

Люле-Бургасъ. 20 октября.

Сегодня я видѣлъ нѣчто вродѣ перваго дня творенія. Видѣлъ, какъ въ Люле-Бургасѣ изъ хаоса создалось нѣчто:—если не государство, то, во всякомъ случаѣ, государственная власть. Сколько диссертацій пишется о происхожденіи и природѣ государственной власти! Сколько геніальныхъ головъ, начиная съ Руссо, старалось объяснить генезисъ того сфинкса, который называется властью! А на дѣлѣ, оказывается: это чрезвычайно просто.

Съ нами ѣхалъ одинъ болгаринъ-депутатъ, Т. Начевъ. Веселый, живой господинъ, съ просѣдью и густо нависшими бровями. Всѣмъ на полѣ сраженія интересовался, фотографировалъ, суетился. Вернувшись съ поля

мы сѣли закусить въ корчмѣ; а онъ побѣжалъ поздороваться съ проѣзжавшимъ по улицѣ генераломъ Р. Дмитріевымъ, командующимъ третьей арміей. Черезъ пять минутъ возвращается и говоритъ:

— А знаете? Дмитріевъ меня назначилъ губернаторомъ этого города.

Мы поздравили.

— Вотъ что̀,—сказалъ онъ:—я губернаторъ, а у меня нѣтъ рубашки. Это можетъ повредить авторитету власти.

Вглядѣвшись, я убѣдился, что у губернатора изъ жилета виденъ овчинный тулупъ, надѣтый на голое тѣло и кое-какъ прикрытый санитарнымъ марлевымъ бинтомъ, замотаннымъ кругомъ шеи, для красы.

Распорядились. Грекъ-торговецъ побѣжалъ съ чернаго хода въ свою лавку и принесъ цвѣтныя рубашки. Взяли самую большую, ибо надѣвать надо было на тулупъ. Пока надѣвали, она на спинѣ, во всю длину, лопнула. Невелика бѣда: кто будетъ смотрѣть, что̀ у губернатора на спинѣ подъ пиджакомъ?

— Галстухъ нуженъ.

Достали три коробки галстуховъ. Выбрали самый просторный. Губернаторъ, въ

виду отсутствія зеркала, надѣлъ его градусовъ на 45 влѣво. Геннадіевъ сказалъ:

— Надѣнь прямо, а то еще, не дай Богъ, создашь моду всѣмъ здѣшнимъ грекамъ.

Поправили, со смѣхомъ.

Губернаторъ сѣлъ за столъ, вдругъ преобразился и сказалъ серьезно Геннадіеву:

— Ты умѣешь по-гречески?

— Умѣю; но пишу не очень грамотно.

— Ничего. Пиши: «Объявляется, что завтра утромъ всѣ лавки должны быть открыты; власть не отвѣчаетъ за цѣлость тѣхъ, которыя будутъ закрыты».

Онъ подумалъ.

— Написалъ? Сейчасъ беру барабанщика—пусть читаетъ на улицахъ. И если не будутъ открыты, я имъ покажу. Нарочно прикажу разграбить одну изъ закрытыхъ лавокъ; тогда станетъ понятно.

Я сказалъ:

— А надо бы написать и читать эту прокламацію еще и по-турецки. Вѣдь много есть турецкихъ лавокъ...

Губернаторъ промолчалъ. Болгары—народъ себѣ на умѣ.

— А вотъ еще надо достать военный картузъ,—промолвилъ губернаторъ: а то это

(онъ указалъ на свой потрепанный треухъ, вродѣ велосипеднаго)—это не подходитъ...

Черезъ полчаса онъ сидѣлъ въ кабинетѣ болгарскаго каймакама на самомъ лучшемъ креслѣ и говорилъ собравшимся нотаблямъ-грекамъ:

— Ты полицеймейстеръ; пиши на этой повязкѣ и надѣвай на рукавъ; ты—завѣдующій реквизиціями, пиши. Ты—квартирмейстеръ, пиши.

Греки толпились, писали, надѣвали повязки и говорили—всѣ въ одно время; это свойство ихъ подмѣстилъ еще ап. Павелъ, когда пришелъ въ Аѳины.

А еще черезъ полчаса передъ зданіемъ каймакамата уже строились какіе-то носатые грекосы не стараго возраста; у нихъ были повязки изъ зеленаго ситца. Полицій-мейстеръ раздавалъ имъ захваченныя турецкія ружья и патроны.

Греки спрашивали:

— А заплатятъ ли намъ?

Такъ сдѣлалась власть въ Люле-Бургасѣ.

Кстати, о каймакаматѣ. Частные дома здѣсь всѣ стоятъ цѣлехоньки. Но зда-

ніе уѣзднаго начальника, въ которомъ, къ тому же, спрятаны были митральезы—солдатами нѣсколько потрепано.

Большое каменное зданіе, съ высокой наружной лѣстницей изъ мрамора. Зданіе имѣетъ во всю длину средній широкій коридоръ и по обоимъ бокамъ рядъ комнатъ, въ родѣ номеровъ въ гостиницахъ. Во второмъ этажѣ то же самое. Надъ каждой комнатой вывѣска: золотомъ на черной клеенкѣ, по-турецки, конечно. Первая комната, направо: вѣроятно жилъ сторожъ. Убогая кровать, какія-то дѣтскія игрушки. На стѣнѣ карта Европы, сдѣланная явно ученической рукой: Днѣпръ и Днѣстръ (мнѣ перевели надписи) впадаютъ прямо въ бокъ Австріи, такъ около Галиціи, и—чудо изъ чудесъ!—дойдя до границы, оканчиваются. Въ углу, наискось, сдѣлана подпись рисовавшаго, послѣ которой поставлена большая нотабена. Другая картина—лубокъ. «Гибель русскаго флота при Цусимѣ». Русскіе броненосцы изображены въ самомъ плачевномъ положеніи. Очевидно, тутъ жилъ большой турецкій патріотъ.

Налѣво, первая комната: судъ. Нѣчто вродѣ крохотный сцены съ большимъ сто-

ломъ, обитымъ зеленымъ сукномъ. Наверху—гербъ султана, въ видѣ большого арабскаго іероглифа; тоже — на клеенкѣ, золотомъ. Сбоку повалены два маленькихъ одинаковыхъ столика; для истца и отвѣтчика. На этихъ столахъ чинятъ шины военныхъ велосипедовъ.

Одинъ изъ солдатъ, узнавъ, что я русскій, сказалъ:

— Вотъ, возьмите себѣ на память.

И снялъ гербъ султана.

Вышелъ изъ суда: ба! Комнату сторожа уже заняло почтовое отдѣленіе. Ставятъ телеграфный аппаратъ. А у стѣны складываютъ плетеныя корзинки изъ-подъ турецкихъ гранатъ.

— Мы съ нихъ будемъ сортировать письма,—съ усмѣшкой говоритъ чиновникъ.

Вообще, здѣсь все организуется головокружительно быстро. На сосѣдней двери уже написали: «Топографитѣ». Готово! А третья комната: сидятъ по-турецки два человѣка; ихъ сторожитъ часовой. *Тюрьма для пойманыхъ шпіоновъ.*

Во второмъ этажѣ меня поразила странная, незабываемая картина. Здѣсь, очевидно,

были, въ каждой комнатѣ, отдѣленія турецкой уѣздной канцеляріи. Навѣрное утверждать не могу, такъ какъ переводчика со мной не было. Но общая картина дѣлала мое предположеніе вполнѣ правдоподобнымъ. Я когда-

то самъ былъ чиновникомъ; у меня глазъ привычный.

Вотъ столъ начальника отдѣленія—получше; два для помощниковъ—похуже. Въ углу большой шкапъ для «дѣлъ» и реестровъ. Все разворочено. Да—какъ разворочено! Если бы любой петербургскій чиновникъ на секунду заглянулъ въ зданіе люле-бургасскаго каймакамата, онъ бы предпочелъ окончить жизнь самоубійствомъ, но никогда бы больше не сталъ вести входящихъ и исходящихъ журналовъ. Сотни, тысячи прошнуро-

ванныхъ и пронумерованныхъ листовъ, исписанныхъ, какъ бисеромъ, каллиграфическою турецкою вязью, раскиданы были по всему полу, разодраны, затоптаны грязными сапогами. Какіе-то бланки, гребовые листы, квитанціи, свидѣтельства валялись во всѣхъ комнатахъ второго этажа въ фантастическомъ безпорядкѣ. Прошенія и доносы, паспорта и записи шпіоновъ, человѣческое страданіе, нужда, подлость и слезы—все, навѣрное, можно было найти въ этихъ бумагахъ, изъ-за которыхъ унижались, продавались, лгали и подличали. Сколько сдѣлокъ съ совѣстью, сколько подкуповъ и насилій совершено было въ тайникахъ люле-бургасскаго каймакамата путемъ этихъ пущенныхъ по вѣтру черныхъ, красныхъ и зеленыхъ бумажекъ, съ разноцвѣтными печатями и водяными знаками! Сколько унылыхъ, безпросвѣтныхъ дней провели надъ ними переписчики, вырисовывая букву за буквой! Пришелъ побѣдитель: ничего не осталось...

Суета суетъ.

Люле-Бургасъ. 21 октября.

Сегодня за обѣдомъ начальникъ артиллеріи первой арміи, полковникъ Перниклійскій, разсказалъ мнѣ интересную деталь

боя, свидѣтельствующую объ удивительной органической связи, установленной между отдѣльными элементами болгарской арміи, въ частности, между артиллеріей и пѣхотой.

Семнадцатаго вечеромъ N. N. болгарскій полкъ попалъ подъ сильный шрапнельный огонь турокъ и сталъ отступать въ безпорядкѣ. Командиръ стоявшей сзади и хорошо замаскированной болгарской батареи приказалъ первому орудію выѣхать впередъ на открытый склонъ и разстрѣливать весь запасъ снарядовъ, такъ называемымъ ураганнымъ огнемъ, т. е. по тридцати выстрѣловъ въ минуту. Послѣ двухъ десятковъ выстрѣловъ турки, сразу сосредоточившіе весь свой огонь на этомъ орудіи, ранили наводчика. Онъ сдѣлалъ еще нѣсколько выстрѣловъ, но былъ раненъ вторично и упалъ. Турки взорвали первый зарядный ящикъ, перенесли огонь на второй, зажгли тряпки и смазочное масло, лежавшее въ этомъ ящикѣ. Солдатъ голыми руками вынулъ горящую массу изъ ящика и спасъ его, затоптавъ огонь ногами рядомъ съ ящикомъ. Это геройское поведеніе орудія спасло полкъ, но стоило болгарамъ семь человѣкъ прислуги убитыми. Къ умиравшему наводчику

Около Луле-Бургаса, на полѣ сраженія.

въ госпиталь пришелъ командиръ и сказалъ, что туркамъ отомстили, взорвавъ два ящика. Впослѣдствіи оказалось, что съ турецкой стороны руководилъ огнемъ нѣмецкій офицеръ, который найденъ былъ убитымъ.

Ходилъ навѣстить доктора Христатакиса, который прославился здѣсь, открывъ во время боя, подъ перекрестнымъ огнемъ, перевязочный пунктъ въ своемъ домикѣ. Этотъ Христатакисъ и его дочь, Анна, перевязали до сорока раненыхъ, въ томъ числѣ самого Тургутъ-Шевкета-пашу. Сначала въ дѣло шли перевязочные матеріалы (Христатакисъ, собственно, акушеръ), а потомъ—скатерти, простыни, наволочки, платки.

Я расчитывалъ на интересное интервью, такъ какъ мнѣ сказали, что докторъ Христатакисъ хорошо говоритъ по-французски. Но оказалось, что понятіе «хорошаго» знанія французскаго языка есть вещь относительная и въ Люле-Бургасѣ сводится къ словамъ: oui, pardon, monsieur, turcs... Когда я попросилъ доктора Христатакиса описать мнѣ свои впечатлѣнія, то онъ началъ обрывочными словами:

— Alors... bulgares arrivaient... turcs tiraient...

А потомъ перешелъ на чисто звуковые элементы боя: бумъ-бумъ; трата-та-та; фьютъ-фьютъ. Хотя онъ страшно махалъ руками и вращалъ черными, какъ уголь, глазами—понять было невозможно.

Кое-какъ я ему объяснилъ, что хочу снять фотографію съ него и съ дочери Анны. Это произвело впечатлѣніе разорвавшейся бомбы. Дочь Анна, бывшая дотолѣ въ скромномъ, сѣренькомъ платьицѣ, весьма подхо-

Д-ръ Христатакисъ и его дочь.

дившемъ въ ея роли, вдругъ куда-то пропала; забѣгали, шлепая деревянными подошвами, какія-то родственницы; началось шушуканье, хлопанье дверьми. Когда я допилъ принесенный мнѣ душистый кофе, дочь Анна появилась въ безобразномъ пунцовомъ платьѣ и съ испуганнымъ видомъ что-то стала объяснять отцу. Тотъ нѣсколько разъ

повторилъ мнѣ какое-то греческое слово, потомъ схватилъ со стола словарь, долго въ немъ копался, и наконецъ, сказалъ:

— Gants... pas gants...

Наконецъ, я понялъ, что дѣвица Христатакисъ затрудняется фотографироваться безъ перчатокъ. Я успокоилъ ее. Но когда я сталъ ихъ выводить съ отцомъ на дворъ, гдѣ было больше свѣта, то я замѣтилъ, что моя жертва все-таки ухитрилась надлежащимъ образомъ отмѣтить важное событіе: по моему расчету, она вылила на себя не менѣе полуфунтовой банки одеколону.

А все-таки докторъ Христатакисъ и его дочь—скромные и самые доподлинные герои. Городъ нѣсколько разъ переходилъ изъ рукъ въ руки, и они не только перевязывали болгаръ, но еще и прятали ихъ на чердакѣ. Если бы это замѣтили турки, то не избѣжать бы Христатакису участи айвалійскихъ своихъ сородичей.

Кстати. Въ первый день входа болгарскихъ войскъ въ Люле-Бургасъ, всѣ говорили о героѣ докторѣ, но никто доподлинно, въ суматохѣ, не могъ указать, какъ его зовутъ. Между тѣмъ, оказался другой докторъ, если не ошибаюсь, нѣкій Леонидасъ:

онъ преспокойно вылѣзъ изъ подвала, въ которомъ прятался; не только принималъ отъ болгаръ поздравленія, но даже пошелъ къ губернатору и ходатайствовалъ о томъ, чтобы его «въ награду» назначили на почетную должность «градскаго лекаря».

Люле-Бургасъ. 22 октября.

Ѣздилъ смотрѣть, какъ убираютъ трупы. Корреспондентъ *все* долженъ видѣть!

Дождь льетъ безъ просвѣта. Холодно, неуютно. Лошадь вздрагиваетъ и ежится.

Необозримое поле; конецъ теряется въ туманѣ; вспахано. *Было* вспахано, ибо торчатъ концы убраной кукурузы. Теперь все залито водой, все превратилось въ непроходимое липкое, топкое мѣсиво съ громадными лужами-озерами. Окопы. Лежатъ трупы. Одинъ—навзничь, съ открытыми глазами и оскаленными зубами. Лошадь грузно ступаетъ въ глубокую рытвину, и капли мутной, желтой воды летятъ покойнику въ ротъ. Другой лежитъ ничкомъ, точно пьетъ воду, засунувъ голову въ лужу, до ушей. У ручья стоитъ ива, съ сильно погнутымъ внизъ стволомъ. По стволу ползъ раненый; держась за сучья одной рукой, онъ опустилъ другую

въ воду, чтобы зачерпнуть воды: ихъ мучитъ жажда! Онъ такъ и умеръ, какимъ-то чудомъ удерживаясь въ равновѣсіи; теперь полулежитъ, какъ моментальный фотографическій снимокъ безконечнаго страданія.

Лошадь бросается въ сторону; еле удерживаю ее. Она мало боится человѣческихъ труповъ, трепеща только при видѣ убитыхъ лошадей. Но на этотъ разъ и ей страшно: два вола тянутъ цѣпь; на цѣпи привязаны, какъ спѣлыя грозди, за ноги, штукъ двадцать турецкихъ труповъ; они бороздятъ грязь глубокими рытвинами по ширинѣ своего тѣла.

Лежитъ быкъ — убитый? зарѣзанный? Полу на спинѣ, полу на боку, ногами вверхъ. Брюхо раздуто газами, какъ резиновый сѣрый мячикъ; ноги отъ этого растопырились и торчатъ на двѣ стороны, почти въ одной плоскости.

Санитары, покрытые громадными неуклюжими красными брезентами (на каждаго съ цѣлой телѣги—другихъ нѣтъ) хлюпаютъ по водѣ и творятъ свое страшное дѣло. Зловонія еще нѣтъ: четвертый день, ночи холодныя.

Потащили трупъ. Дергаютъ. Онъ лежитъ на землѣ и держится за что-то невидимое и

непонятное. Точно схватился за воздухъ и не хочетъ идти въ могилу. Кошмаръ. Оказывается, что тутъ валяется оборванная телеграфная проволока, которая запуталась

Одинъ изъ многихъ.

вокругъ его кистей, но не видна въ водѣ. Ударъ ножомъ... Страшно. Холодно.

Безпросвѣтный дождь и унылое, безконечное пространство: такой видъ, вѣроятно, имѣлъ Адъ, по которому шелъ итальянецъ съ Виргиліемъ.

Дальше. Мы на границѣ того мѣста, гдѣ началось турецкое бѣгство. Раньше на землѣ виднѣлись только трупы, гильзы патроновъ и красненькія коробочки, въ которыхъ нѣмцы доставляютъ, аккуратно упакованными, каждыя три ружейныя обоймы. Здѣсь начинается другое. Много фесокъ. Тысячи, десятки тысячъ палочекъ (кольевъ), которыя употребляются для укрѣпленія палатокъ; нѣмецкаго образца, съ металлическимъ остріемъ и металической головкой для вбиванія:—черненой стали. Нѣмцы продавали ихъ, навѣрно, по маркѣ штуку; такъ аккуратно онѣ сдѣланы. *Ихъ бросаютъ первыми*, какъ наименѣе необходимую вещь. Верста,—не меньше,—усѣяна этими колышками: точно просыпали спичечную коробку, величиной съ домъ.

Стоитъ стѣна. Крыша сгорѣла; осталась широкая кладка кирпичей, ростомъ съ человѣка. По ней легли, по верхнему краю, потухшіе угли, зола, черные остатки по-

жара. На разстояніи ширины человѣка подѣланы свѣжіе проломы, на полъ-аршина, точно выкушено громадной челюстью съ рѣдко разставленными зубами: проломы ярко контрастируютъ своимъ краснымъ кирпичемъ съ обгорѣлымъ верхомъ стѣны. Здѣсь, очевидно, оставили умирать послѣдній аррьергардъ: за стѣной трупы; все разворочено гранатами.

Ѣду по грязи дальше. Затоптаны въ воду громадныя полотнища палатокъ. Лежатъ, какъ попало, черные, закоптѣлые ротные котлы, передки орудій. Скалятъ свои зубы колеса съ обломленными ободами. Опять убитыя лошади.

Куча чего-то. Чуть не съ порядочную крестьянскую пашню. По-русски нѣтъ слова, чтобы это выразить: тряпки immondes, не съ этого свѣта. Здѣсь, очевидно, остановились для перевязки ранъ: кровавыя клочья; ихъ рвали въ ночной темнотѣ съ яростью, зубами, чтобы какъ-нибудь сдѣлать бинтъ. Скрученные жгуты, на которыхъ грязь ложится ведрами гноя.

Тутъ же два-три вороха овечьихъ кишекъ, скользкіе желудки съ зелеными прожилками. Убили, но жарить не могли;

ребра и спинные хребты разбросаны съ странными, глупыми вырѣзами и лоскутами мяса: кромсали ночью, въ темнотѣ, стремясь утолить жажду кровью.

Трупы, грязь, вода, глина, трупы, трупы.

Люле-Бургасъ. 23 октября.

Попробую описать, какъ посылаютъ депеши съ войны. Пусть знаютъ читатели, насколько это хитро устроить, чтобы утромъ они могли, за чайкомъ, прочесть описаніе люле-бургасскаго «бойнаго поля».

Получивъ разрѣшеніе ѣхать въ «первата линия», я рѣшилъ догонять ту армію, которая взяла Лозенградъ, считая, что при Адріанополѣ ничего интереснаго не будетъ.

Мои расчеты вполнѣ отправдались. Я видѣлъ много интереснаго. Каждый день строчилъ телеграммы; онѣ стали накопляться въ моей кобурѣ порядочной тетрадкой. Но—какъ послать?

Вдоль моего пути постоянно мелькали жердочки и столбы полевого телеграфа. Въ этапныхъ деревняхъ видалъ я и «станціи», гдѣ два солдата на колѣняхъ сидятъ возлѣ аппарата, поставленнаго прямо на землю, и что-то записываютъ каракулями. Но нигдѣ,

конечно, отъ меня не принимали ни строчки. Должна быть печать цензурнаго отдѣленія штаба. Значитъ, задача ставилась такъ: догнать штабъ. А попробуйте-ка догнать его, когда болгарская армія каждый день продвигается чуть ли не на тридцать километровъ впередъ. Дѣлалъ двойные переходы, ѣхалъ разъ полъ-ночи. *Догналъ*! Слава Тебѣ, Господи: завтра все устроимъ.

Поутру получилъ завѣтный штемпель на всю пухлую пачку рукописей. Бѣгу на телеграфъ съ восторгомъ. Не тутъ-то было: по этому телеграфу передаются только военныя приказанія. Ближайшій полевой телеграфъ, гдѣ можно подать длинное сообщеніе,—Лозенградъ, т. е. шестьдесятъ пять верстъ отсюда. Что̀-жъ? И этому горю можно помочь. Нашли добровольца, который—за немалую мзду—согласился ѣхать съ депешами. Геннадіевъ,—въ качествѣ бывшаго премьера,—настрочилъ начальнику станціи любезное письмо: «Такъ и такъ, важныя депеши, Пиленко симпатизируетъ болгарской каузѣ, пожалуйста поскорѣй» и т. д. Отправили.

Я вздохнулъ свободно. Наконецъ-то мои труды пошли газетѣ на пользу!

Черезъ три дня курьеръ возвращается. Снимаетъ шапку (въ шапку еще Искра зашивалъ важныя бумаги) и говоритъ:

— Начальникъ сказалъ, что ему приказано не пускать депеши раньше пяти дней послѣ ихъ подачи (для сохраненія секрета). Онъ кланяется г. Геннадіеву и очень сожалѣетъ, что не могъ исполнить его просьбы.

Вынимаетъ изъ шапки всю пачку телеграмъ. Торжественно передаетъ ихъ мнѣ, радуясь, что довезъ ихъ въ цѣлости.

Господи, Боже мой!! Кто можетъ понять состояніе души корреспондента въ такой моментъ?

Надо дѣйствовать дальше.

Попросилъ аудіенцію у самого командующаго арміей. Онъ выслушалъ меня весьма ласково.

— Да, — сказалъ онъ, — недостаточно одерживать побѣды; нужно еще, чтобы о нихъ знали. Такъ училъ самъ Наполеонъ.

Я порадовался такой точкѣ зрѣнія.

— Вотъ вамъ записка, въ которой я написалъ, чтобы телеграммы въ «Новое Время» пропускали послѣ посылаемыхъ на высочайшее имя и въ главную квартиру, т. е. *ранѣе телеграммъ дивизіонныхъ*. Затѣмъ, для ско-

рости, возьмите мой автомобиль и сами завтра свезите все въ Лозенградъ.

Мнѣ оставалось только искренне благодарить человѣка, такъ хорошо относящагося къ печати. Кстати: это—генералъ-лейтенантъ Радко Дмитріевъ.

На слѣдующее утро мнѣ подали шикарный автомобиль. Шестьдесятъ пять верстъ на такой машинѣ—пустяки. Къ вечеру буду обратно. Я сіялъ.

Накрапывало. Ко вздрагивающему автомобилю подошелъ какой-то солдатъ и сказалъ:

— Вы куда?

— Въ Лозенградъ.

— Вотъ, что̀. Первые пять километровъ хорошее шоссе. Послѣдніе сорокъ километровъ тоже очень хорошая дорога. Но средніе двадцать километровъ вы не проѣдете.

Мы стали смѣяться и тронулись.

Онъ въ догонку крикнулъ:

— Не проѣдете.

Дождь усиливался. Пять километровъ до станціи желѣзной дороги промелькнули, какъ мечта. Началась другая дорога: *та самая*. Представьте себѣ вспаханное поле, по которому прошло сорокъ эскадроновъ,

да провезли всю артиллерію арміи—вотъ вамъ и дорога. Но ничего: автомобиль шелъ великолѣпно. Еще отмахали верстъ пять. Дождь лилъ, какъ изъ ведра. Вѣтеръ крѣпчалъ и крѣпчалъ.

Вдругъ: стой! Рѣчка. Даже не рѣчка, а такъ, ручеекъ, въ три аршина шириной, вмѣстѣ съ ослизлыми берегами. Но на другой сторонѣ—подъемъ въ аршинъ, съ размокшей глиной.

Ужасъ!

Проходилъ мѣстный человѣкъ.

— Глубоко ли тутъ?

Онъ объяснилъ:

— Не глубоко. Но для людей положены большіе камни. Ихъ подъ водой не видно, но ваша «кола» разобьется.

Задній ходъ. Попробовали вправо. Влѣво.

Кто его знаетъ: какая глубина?

На мнѣ на одномъ были болотные сапоги. Я пожертвовалъ собой; вылѣзъ изъ автомобиля и подъ дождемъ полѣзъ въ воду. Подходитъ подъ колѣно, но за сапогъ не заливается. Гайда!

Шоферъ разогналъ автомобиль какъ могъ. Онъ врѣзался въ воду, разбрызгивая милліоны грязныхъ капель—вотъ, вотъ, еще

немного... Но горка на противоположной сторонѣ постояла за себя: машина остановилась.

Послѣ этого одинъ изъ двухъ шоферовъ пошелъ въ городъ за буйволами, а я нагрузилъ на себя же камеру, манерку съ водой, большой бинокль, мѣшокъ на спину съ перемѣной бѣлья и чулокъ (не разстаюсь!), пальто, купленное въ Варшавѣ, да колоссальный чапанъ (буркообразное пальто). Вы скажете: оставить на автомобилѣ. Нѣтъ: на войнѣ ничего сзади себя оставлять нельзя. Ибо—снова не увидишь. А каждая изъ перечисленныхъ вещей—*драгоцѣнность*.

Такъ нагруженный, ощупавъ на груди пакетъ съ телеграмами, пошелъ домой (десять верстъ!).

Двѣ версты шелъ наискось къ рельсамъ, и это было ужасно: нога утопала и липла, точно ее клещами внизъ тащили. При каждомъ шагѣ можно было упасть, ибо сапоги превращались въ колоссальные шары глины. Если бы не моя постоянная физическая тренировка,—я бы упалъ и не всталъ. А тамъ вѣдь никто не проходитъ...

Кое-какъ добрался до рельсовъ. И когда началъ отсчитывать ихъ ногами, имѣя видъ

навьюченнаго сверхъ головы мула, я вдругъ вспомнилъ, что въ 1905 году по этимъ самымъ рельсамъ я катилъ въ Константинополь въ мягкой постелѣ sleeping'a: Orient-Express проходитъ Люле-Бургасъ ночью. Провѣрьте по путеводителю, если угодно.

Такъ играетъ судьба человѣкомъ.

На пятой верстѣ нашелъ клячу: на ней доѣхалъ; руки потрескались отъ холода и влаги.

Сейчасъ отправилъ депеши съ другимъ нарочнымъ.

Вотъ, какъ доставляютъ вамъ утреннія телеграммы, господа читатели!..

Развѣдочная служба нашла здѣсь на почтѣ очень характерное письмо, написанное турецкимъ офицеромъ наканунѣ люле-бургасскаго боя. Цитирую наиболѣе характерныя мѣста: «Мой братъ, эти послѣдніе дни полны были ужаса и страданій. Врагъ взялъ уже Лозенградъ и Баба-Эски. Наши четыре корпуса стараются сосредоточиться у Люле-Бургаса и сдѣлать новую линію защиты. Я нахожусь съ четырьмя батальонами около деревни Туркъ-Бей. Говорятъ, что въ Сербіи

войска наши подвигаются впередъ. Здѣсь положеніе отчаянное; насъ здѣсь около семидесяти тысячъ и мы должны отступать. Каждую ночь насъ мочитъ дождь, мы спимъ въ грязи. Я жалѣю, что я солдатъ, и даже, что я родился на свѣтъ. Проклинаю константинопольскихъ политиковъ. Маузеры здѣсь бросаются тысячами въ грязь, пушки тонутъ въ глинѣ. Я плакалъ отъ горя. Манерки, купленныя весной, усѣиваютъ позиціи и дороги, какъ бобы на базарѣ».

Чифликъ. 24 октября.

Сколько разъ я нападалъ на Глазунова за безобразныя наши ночлежки, гдѣ человѣкъ не можетъ двинуться, не задѣвъ сосѣдей! Сколько разъ я возмущался ужаснымъ воздухомъ этихъ грязныхъ дыръ.

Теперь секретъ открытъ. Я знаю, какъ можно поправить дѣло. Сегодня мы спали въ комнатѣ у крестьянина грека, такъ, что на каждаго приходилось двадцать шесть центиметровъ въ ширину: прикиньте, для любопытства, на полу. Лежали рядами, какъ карты въ колодѣ, на томъ боку, на которомъ легли. А воздухъ былъ, до самаго утра, прекрасный. Спѣшу сообщить секретъ для пе-

тербургскихъ ночлежныхъ домовъ. Для того, чтобы спать при этихъ условіяхъ и не страдать отъ духоты: *надо предварительно послать пару турокъ выбить всѣ стекла и сломать трубу очага*. Тогда огонь не раскладывается и не дымитъ, а вентиляція совершается свободно.

Вы думаете, мы несчастны? *Нисколько*. Ночью холодно: но на этотъ разъ, къ счастью, были тучи, такъ что было теплѣе.

Ночью холодно. Но въ пять часовъ мы вскакиваемъ. Одѣваться недолго: шляпу и сапоги. Остальное было надѣто недѣлю назадъ. Пробиваемъ палочкой ледъ въ чайникѣ. Моемся. Черезъ четверть часа готовъ чай.

Здѣсь—страшные переходы отъ богатства къ бѣдности. Третьяго дня на восемь человѣкъ (съ прислугой) оставалось кусковъ двадцать сахара. А сегодня достали мѣшокъ, и въ углу наваленъ пиленый рафинадъ вмѣстѣ съ кукурузой, тряпками и краснымъ перцемъ. Бискитовъ сколько хочешь, хоть лошадей корми. А курица была вчера одна на восемь человѣкъ: подали ее неразрѣзанную, да такъ вилками и отрывали куски варенаго мяса. Не по многу досталось на брата.

Утренній туалетъ.

Я ухватилъ цѣлую ногу: и ѣлъ, стыдясь своего эгоизма.

Пришелъ знакомый Геннадіева болгаринъ-депутатъ. Онъ пріѣхалъ кружнымъ путемъ. Привѣтствія. Угощаемъ чаемъ.

Разсказываетъ съ гордостью: депутаты пожелали служить въ войскѣ. Всѣ тѣ, ко-

торые не запасные, назначены начальниками обозовъ; надѣли форму, гордятся. А нашъ знакомый, какъ взводный, отправляется въ первую линію. Смѣется:

— Послѣ войны они станутъ хвастать. А я имъ скажу: видѣлъ я васъ!.. Арбаджи (погонщики) вы эдакіе...

Чифликъ Овланъ-бей. 25 октября.

Опять впередъ. И на этотъ разъ съ очень большими лишеніями.

Ночью, лежа подъ дождемъ въ хлѣвѣ съ протекающей крышей, я обдумывалъ, о чемъ буду писать. И вотъ, мнѣ вдругъ съ непріятной ясностью представилось то, о чемъ я раньше какъ-то мало думалъ.

Написалъ я уже не мало корреспонденцій. Перебираю ихъ въ умѣ: большинство, оказывается, вертится вокругъ моей персоны: какъ я застрялъ въ болотѣ, какъ я ѣлъ вонючій кашкавалъ, какъ спалъ безъ оконъ... Всѣ эти корреспонденціи явно персональны. Поѣхалъ описывать войну,—а строчу о томъ, что сыръ скверно пахнетъ. *Правильно* ли это?

Правильно ли я исполняю ту работу, которую мнѣ поручили? Стою ли я хоть

сколько-нибудь на высотѣ той громадной общественной отвѣтственности, которую мнѣ бросила на плечи судьба,ославъ меня *единственнымъ* корреспондентомъ въ самое пекло войны? Почему я не описываю бои, славныя дѣянія воиновъ, паѳосъ генераловъ, красоту жестовъ?.. Правъ ли я со своимъ кашкаваломъ?

Я правъ въ одномъ отношеніи. Изъ-подъ моего пера не вышло до сихъ поръ ни одного лживаго слова. Я писалъ только то, о чемъ могу свидѣтельствовать хотя бы на судѣ: то, что̀ я видѣлъ и слышалъ *самъ*. Видѣлъ я, не Богъ знаетъ что̀; сумму небольшихъ страданій. Эти страданія описывалъ, какъ могъ.

Господа! Вся война есть не что иное, какъ цѣпь многихъ мукъ. Мелкихъ лишеній, слагающихся въ великое, почти безконечное страданіе. Я пишу, а передо мной въ грязи, *вотъ*, лежитъ надорвавшаяся лошадь. Жадно всасываетъ безсильно открытымъ ртомъ воздухъ и дергаетъ ногами, на которыхъ блестятъ ненужныя больше подковы. Эту лошадь сейчасъ пристрѣлятъ, чтобы она не терзала насъ сиплымъ свистомъ пересохшаго горла. Мука этой лошади—война. Когда вы

читаете объ этой лошади и жалѣете ее—вы участвуете въ войнѣ. А я—когда плакалъ о мукѣ покорно надорвавшейся лошади—я переживалъ войну. Такъ пусть всѣ тѣ, кто будетъ читать мои безхитростныя строки, помирятся съ такой точкой зрѣнія: война есть страданіе во всѣхъ доступныхъ человѣческому воображенію формахъ. Геройство военныхъ есть геройство въ страданіи—прежде всего и необходимѣе всего. Описаніе войны можетъ и должно быть описаніемъ страданій, личныхъ и общихъ.

И вотъ, что̀—еще. Я пишу о себѣ. Но вѣдь я сейчасъ—часть арміи. Болгары разлились по Адріанопольскому вилайету шумнымъ, бурнымъ потокомъ. Въ этотъ потокъ попала частица русскаго наблюденія: меня носитъ, впередъ и въ сторону, за арміей, въ арміи. То, что̀ я переживаю—переживаетъ болгарское войско. Нѣтъ! Мои горести и терзанія—только блѣдная тѣнь того, что̀ переживаютъ солдаты. Въ нашей арміи удобства и преимущества представляются въ такомъ порядкѣ: командующему, начальнику штаба, вашему корреспонденту. Болгары говорятъ:

— Вы нашъ гость.

И если въ чифликѣ есть три несгорѣвшія помѣщенія, то мнѣ отводятъ третье и послѣднее.

Примите во вниманіе это обстоятельство—и мой разсказъ, несмотря на крайнюю персональность, не можетъ не пріобрѣсти общественнаго характера: третьему человѣку въ арміи приходится переживать то-то и то-то; такъ подумайте, *каковы въ этой арміи страданія послѣдняго солдата!* Отъ наименьшаго неудобства, все спускаясь внизъ, мы придемъ къ наибольшему: къ сорокалѣтнему, ревматизмомъ страдающему, голодныхъ дѣтей оставившему, до костей промокшему, безъ хлѣба въ грязи валяющемуся страдальцу-солдату. *Подумайте о немъ*. Я не могу его описать, ибо не знаю его. Да онъ и не сумѣлъ бы *все* разсказать. Но онъ *есть*. Читая о *третьемъ* человѣкѣ, *думайте* о *послѣднемъ*. И тогда мой разсказъ достигнетъ своей цѣли.

Вотъ—profession de foi одного «военнаго» корреспондента.

Выступили утромъ. Разстояніе длинное, дороги турецкія. Штабные офицеры непріятно покачивали головами и говорили:

— Приказано остановиться въ чифликѣ Овланъ. Кажется, тамъ все сгорѣло.

— Палатки есть?

— Палатки... Палатки остались на пятьдесятъ верстъ сзади Люле-Бургаса.

Какъ быстро садится солнце! Въ половинѣ шестого уже сумерки. А въ четверть седьмого ничего не видно...

Никому не желаю подъ вечеръ приходить на ночлегъ въ полусгорѣвшій чифликъ (помѣстье). Все то, что̀ утромъ кажется если не пріемлемымъ, то, по крайней мѣрѣ, яснымъ и понятнымъ,—все это подъ вечеръ давитъ и гнетъ сѣростью, неопредѣленностью, тоской. Грязь кажется глубже, хлѣвъ грязнѣе и сырѣе, дождь безнадежнѣе и безконечнѣе. Скверно, душу тянетъ, хочется уйти. А куда? Впереди турки; назади темная ночь и тридцать пять верстъ пути до перваго жилья. Надо оставаться тутъ. Протестъ безполезенъ.

Лежитъ болгаринъ, не солдатъ. Ноги связаны кушакомъ. Онъ, видимо, былъ поставленъ на колѣни. Потомъ палачи ужаснымъ ударомъ (оглоблей? обухомъ?) раздробили ему голову: лоскутья кожи, покрытыя рѣдкими, сѣдыми волосами, пере-

мѣшались съ мозгомъ и бѣлѣющими треугольниками разбитыхъ черепныхъ костей; часть мозга брызнула на землю и расплескалась на аршинъ. Трупъ осквернень такъ, что написать нельзя. Только турки способны на это.

Таковъ первый привѣтъ сожженнаго чифлика.

Голыя обгорѣвшія стѣны. Ѣдкій запахъ дотлѣвающей соломы. Крышъ нѣтъ.

Есть хлѣвъ. Уцѣлѣлъ чудомъ. Командующій будетъ спать въ амбарѣ. Намъ—хлѣвъ. И то—слава Богу. Часть офицеровъ останется, вѣдь, подъ дождемъ.

Посреди хлѣва лежатъ двѣ заколотыхъ свиньи. Трупный запахъ. Изо ртовъ что-то течетъ смрадно-гнойной слизью. Надо вытащить свиней и вытереть: *здѣсь* мы должны спать. Хорошо еще, что мы не знаемъ, какія другія мерзости производились въ этомъ хлѣвѣ озлобленными, отступающими турецкими солдатами, старавшимися сдѣлать для гяуровъ-побѣдителей даже хлѣвъ гадкимъ и поганымъ: чего не знаешь, тѣмъ не страдаешь.

Кое-какъ чистимъ. Собираемъ, пока еще не совсѣмъ стемнѣло, остатки обогорѣлыхъ палокъ. Надо будетъ зажечь огонь.

— Посмотрите внимательно въ очагѣ; а то *они* обыкновенно закапываютъ подъ золой патроны. Для шутки...

Какъ красивъ огонь! Каждая охапка хвороста (заборы здѣсь дѣлаются изъ колючихъ вѣтвей; таскать руками невозможно; поддѣваемъ штыками), брошенная въ огонь, прибавляетъ красоты нашему глинобитному помѣщенію. Становится почти спокойно, когда десятками минутъ слѣдишь за фантастическими лоскутьями пламени, тщетно бросающагося во всѣ стороны и не могущаго оторваться отъ сучьевъ. Поэзія, и большая, есть въ искрахъ, бѣшено вскидываемыхъ вѣтромъ.

Какъ красивъ огонь! Да. Но, тоже, какъ великъ запасъ жизнеспособности въ человѣкѣ, если, сидя у лужи навозной жижицы подъ протекающей соломенной крышей, онъ можетъ чѣмъ-нибудь любоваться!

Въ проломъ стѣны просовываются двѣ солдатскія головы. Сѣрыя, почти черныя лица, потухшіе, впалые глаза; воспаленныя вѣки. Приползли на огонь.

— Больны?

Стонутъ тихо, безъ протеста.

Надо положить здѣсь. Иначе имъ при-

дется лежать подъ дождемъ въ грязи. *Надо*. Но кто уступитъ свое мѣсто и уйдетъ подъ непогоду? *Никто*. Страшно. Мучительно стыдно.

— Больны?—говоритъ одинъ изъ насъ, сухо, глухимъ голосомъ; а приглѣда ли вы докторъ?

— Не, господине.

Его товарищъ не можетъ уже говорить. Стонетъ, вися всѣмъ верхомъ туловища на ружьѣ.

— Тогда ступайте. За гумномъ расположился санитарный обозъ. Тамъ вамъ помогутъ.

Это неправда. За гумномъ не могутъ помочь, ибо доктора пріѣхали верхомъ, а фуры отстали. За гумномъ нѣтъ имъ помощи, ибо нервничающій докторъ имъ не нуженъ. Имъ нужна крыша и костеръ. Указаніе на гумно—неправда. Хитрость. Избавиться отъ нихъ. Они пройдутъ еще сто шаговъ и *не будутъ имѣть силъ* вернуться. Страшно. Страшно. Стыдно.

Проходитъ полчаса. Уныло жуемъ полумокрый хлѣбъ. Воды нѣтъ: колодезь завалили навозомъ. Есть гдѣ-то въ чемоданѣ сардинки, но не хочется думать о нихъ.

Доставать, копаться, открывать ключемъ. Не охота. Нельзя себя заставить. Апатія. Такъ сидѣть, чтобы дождь не заливался за воротъ—и больше ничего. Забыться бы...

Крики. Въ сосѣдней конюшнѣ солдаты зажгли огонь, — загорѣлась крыша. Нѣсколько человѣкъ лѣзутъ на стропила тушить; крыша проваливается. Она еле держалась на подгорѣвшихъ ранѣе бревнахъ. Трескъ, грохотъ. Придавили одного солдата. Его вытаскиваютъ, рискуя получить еще балку на голову. Темно, ничего не видно.

Ночь. Безконечная, октябрьская ночь. Дождь понемногу утихаетъ. Какое удивительное счастье: крыша больше не протекаетъ. Костеръ догораетъ и покрывается сѣдиной золы. Холодно.

Безконечная ночь. Не спится. Бросить бы все это, бросить, бѣжать домой, къ своимъ. Нельзя. Невозможно. Сто шестьдесятъ верстъ до первой желѣзнодорожной станціи. Сто шестьдесятъ верстъ верхомъ: а лошадь уже хромаетъ. *Нельзя*. Минимумъ восемь дней пути. И какого!..

Не спится. А что—если разъѣздъ турецкой кавалеріи? Короткая будетъ расправа...

Страшно. Ночью, при безсонницѣ, *такъ* страшно.

Да зачѣмъ—кавалерія? Достаточно, если подползутъ три баши-бузука, три турецкихъ партизана. Отъ кавалеріи мы, болѣе или менѣе, обезпечены нашими дозорами. А партизаны? Тотъ турокъ, который вчера раболѣпно, но злобно на насъ смотрѣлъ. Можетъ быть, мы сожгли его имущество. Можетъ быть, онъ затаилъ месть и уже ползетъ по мокрой соломѣ съ ножомъ въ рукѣ. Трудно ли перерѣзать десять сонныхъ людей? Страшно. Холодно. Бросить бы все это... *Нельзя*.

Какая безконечная ночь! Какіе невыразимые кошмары гнѣздятся иногда въ глинобитномъ хлѣвѣ...

Утромъ мы уходили изъ чифлика Овланъ. Раздавались короткіе, сухіе выстрѣлы. Это—обозники пристрѣливали тѣхъ лошадей, которыя вчера легли, а сегодня не могли подняться.

Безмолвно выбирались мы изъ навоза и грязи въ поле. Нашли незамѣченный вчера трупъ. Уши и носъ уже обглоданы собаками...

Чорлу. 26 октября.

Сегодня удалось сдѣлать одинъ переходъ на казенномъ автомобилѣ.

Афоризмъ. Для того, чтобы здѣсь ѣздить на автомобилѣ, прежде всего необходимы большіе болотные сапоги, выше колѣнъ. Почему? Потому что по сухому мѣсту автомобиль ѣдетъ безпрепятственно. Но какъ только попадается невылазная грязь, такъ тотчасъ же просятъ покинуть фаэтонъ. Въ лучшемъ случаѣ вамъ предлагаютъ пройтись пѣшкомъ вплоть до конца предательской низины. Въ худшемъ—вы лѣзете въ самую грязь и, надсаживаясь, толкаете плечомъ вашъ столь удобный экипажъ, пока не обольетесь съ ногъ до головы потомъ; тогда васъ снова сажаютъ и везутъ дальше, дабы «сигурно» (навѣрно) прохватило васъ свистящимъ вѣтромъ. Впрочемъ, виноватъ, есть еще случай наихудшій: когда топь оказывается засасывающею не только автомобиль, но и подталкивателей. Колеса вертятся какъ въ маслѣ, а толкающій явно видитъ, что чѣмъ больше онъ упирается въ крыло автомобиля, тѣмъ глубже онъ втискиваетъ самого себя въ болото. Въ этомъ наихудшемъ случаѣ изъ-подъ сидѣній достаются веревки. При-

вязываютъ ихъ къ прочнымъ частямъ экипажа и начинаютъ изображать картину Рѣпина «Бурлаки»: публика тянетъ издалека и потому можетъ выбрать мѣсто (относительно) посуше. Такъ поступаютъ въ худшемъ случаѣ: я это продѣлалъ дважды. Виноватъ. Бываютъ еще казусы хуже наихудшаго. Я описывалъ одинъ изъ нихъ. Ну, тогда—буйволы. За ними ѣдутъ хотя бы за двадцать верстъ, гонятъ ихъ къ мѣсту происшествія (медленно ходятъ, философически, проклятые!) и потомъ продолжаютъ свой путь въ автомобилѣ (или возвращаются назадъ).

Упрекаютъ болгаръ въ томъ, что ихъ армія не имѣетъ всѣхъ современныхъ приспособленій и нововведеній. Объ аэропланахъ я судить не могу. Но что касается автомобилей, то могу судить en connaissance de cause. У нашей арміи три автомобиля. Одинъ лежитъ въ канавѣ возлѣ Еникіой. Другой чинится, начиная со второго дня войны. Третій ѣздитъ. До сихъ поръ ѣздитъ и даже привезъ меня сегодня въ гор. Чорлу. Онъ спеціально предназначенъ для командующаго, причисленъ, такъ сказать, къ его особѣ. Но командующій арміей никогда имъ не пользуется. Никогда. Отчего? Да очень

просто. Военному человѣку, а особенно командующему арміей, важно знать въ точности, когда и куда онъ можетъ пріѣхать. Для арбы онъ можетъ вычислить моментъ прибытія, для верховой лошади тоже. А для автомобиля не можетъ. Абсолютно, не можетъ. При удачѣ—съ быстротой вѣтра. При неудачѣ—бѣги пѣшкомъ (вѣдь верховую лошадь въ фаэтонъ съ собой не посадишь).

Поэтому, въ единственномъ автомобилѣ этомъ ѣздятъ только отпѣтые люди: штабные писаря, отбывшіе свое дежурство и знающіе, что раньше третьихъ сутокъ ихъ никто не потребуетъ; завѣдующіе сломавшимися по дорогѣ кухнями, могущіе фланировать до тѣхъ поръ, пока исправятъ эти кухни; вашъ покорный слуга.

Противъ автомобиля турки выставили здѣсь страшное, непобѣдимое оружіе — шоссе. Мы сегодня все время ѣхали по знаменитому шоссе, ведущему прямо изъ Адріанополя въ Константинополь. Главная артерія послѣ желѣзной дороги! Такъ вотъ,—мы выѣзжали на шоссе только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ намъ встрѣчался мостъ и гдѣ иначе поступить было невозможно: все остальное время рвали и бороздили

окованными желѣзомъ шинами пашню. По пашнѣ можно ѣхать, если автомобиль достаточно силенъ и если три дня не было дождя. Но по тѣмъ камнямъ (больше головы человѣка!), которые натыканы остріями кверху и образуютъ собой Царьградское шоссе, ѣхать можно только на волахъ.

А мосты! Высокіе, горбатые, узкіе, какъ ленточки, безперильные!!! Когда артистъ-шоферъ духомъ взлетаетъ на нихъ (иначе не въѣдешь!), — каждый разъ Богу молишься...

А все-таки одна фирма дорого бы дала, если бы, въ заключеніе, я назвалъ имя ея фабрики, фабрики, построившей тотъ автомобиль, на которомъ я сегодня ѣхалъ. Хрупкая на видъ машина сдѣлала въ два часа титаническую, невѣроятную работу. Я глазамъ не вѣрилъ, что можно проѣхать при подобныхъ условіяхъ.

Вы ѣдете въ городъ, въ которомъ вы никогда не бывали, въ которомъ улицы не имѣютъ названій... Въ которомъ—отелей нѣтъ (или, можетъ быть, есть, но сіе вамъ не извѣстно). Вы ѣдете въ городъ, относи-

тельно котораго вамъ сказали только одно: имя. Спрашивается: какъ вы назначите въ этомъ городѣ rendez-vous товарищу, имѣющему прибыть въ этотъ городъ черезъ шесть часовъ послѣ васъ?

Кажется, трудно?.. Мы здѣсь разрѣшаемъ такую задачу почти каждый день.

Выѣзжаемъ, вѣдь, вмѣстѣ съ телѣгой, везущей нашъ багажъ: а пріѣзжаемъ на полдня раньше ея. Телѣга ѣдетъ съ обозомъ. Телѣга пропускаетъ впередъ и пѣхоту, и артиллерію. Телѣга иногда путешествуетъ безпросвѣтной ночью, тоже зная лишь имя города: не зная дороги, не *видя* дороги. Какъ они ухитряются? Непостижимо!

А вотъ, еще задача. Вы пріѣхали къ городу и прибавили рыси, чтобы попасть одному изъ первыхъ: захватить домъ получше. Сдѣлали. Возвращаетесь навстрѣчу остальной компаніи. Какъ имъ объяснить, гдѣ найти домъ, если у васъ нѣтъ времени лично проводить? Эта задача рѣшается просто. Адресъ дается такъ: «вонъ видите, тамъ, ме-

четь? отъ мечети—вправо по улицѣ съ деревьями; потомъ во второй переулокъ налѣво, мимо хлѣбной печи съ часовымъ; а тамъ будетъ фонтанъ и двѣ дохлыя лошади, бѣлая и гнѣдая: *противъ нихъ розовый домъ*».

Присутствовалъ при торжественномъ входѣ болгарскихъ войскъ въ городъ Чорлу. Откуда то достали даже оркестръ. Не Богъ знаетъ, какой: часть музыкальныхъ инструментовъ разбило шрапнелью при Гечкенли. Но мѣдныя тарелки ударяли одна объ другую безпрерывно и съ убѣжденіемъ. Населеніе кричало «ура»,—и никакой Никишъ никогда не услаждалъ моихъ ушей такимъ дивнымъ маршемъ. Генералъ отдавалъ честь знаменамъ.

Смотръ не очень блестящій. У солдатъ, чтобы легче нести ружье, подъ край погона (гдѣ онъ пришитъ къ плечу) подложены обглоданные кукурузные стволы: получается задержка, удобная, но не совсѣмъ форменная. Адъютантъ ѣдетъ въ шинели: пуговица задняго клапана оторвалась—и, адъютантъ, какъ ни таращитъ глаза на начальство, имѣетъ видъ бабы въ шлафрокѣ.

На орудійномъ передкѣ привязаны большіе столовые часы безъ маятника и съ разбитымъ стекломъ. Торба фельдфебеля набита турецкимъ табакомъ, и для чего то прицѣпленъ вѣеръ. Генералъ дѣлаетъ видъ, что онъ ничего не видитъ. Не бѣда, что, вмѣсто

Взятое съ бою турецкое знамя.

казенной аккуратной кожаной крышечки дуло орудія завязано свѣже ободранной овечьей шкурой. Не бѣда: «да здравствуетъ побѣдоносное войско!».

Мѣстные греки отдаютъ честь офицерамъ. Одни понадѣвали картузы, другіе нашили на фесы кресты: совсѣмъ Варѳоломеева ночь!

Видѣлъ я и такого храбреца, у котораго кресты были: на фесѣ, на двухъ сторонахъ отложного воротника и на спинѣ!

Чорлу. 27 октября.

Сегодня за обѣдомъ Кутинчевъ, съ характернымъ для него добродушіемъ, разсказалъ мнѣ небольшой эпизодъ изъ люле-бургасскаго боя, живо рисующій удивительную храбрость генерала Тенева, начальника шестой дивизіи.

— Шестнадцатаго вечеромъ одинъ изъ его полковъ пришелъ въ замѣшательство и сталъ отступать. Тогда я сказалъ Теневу: «Займитесь-ка этимъ дѣломъ лично», разумѣя, что онъ долженъ обратить особенное вниманіе на опасный пунктъ. Теневъ же сдѣлалъ— вотъ что̀. Онъ взялъ, да и исполнилъ приказаніе буквально: выѣхалъ на конѣ съ трубачемъ и адъютантомъ впередъ стрѣлковой линіи и лично повелъ ее въ атаку. Въ это время адъютанта у него убили; убита была также его собственная лошадь; а лошадь трубача получила семь ранъ. Послѣ боя я сталъ ему выговаривать, что не слѣдовало, молъ, такъ рисковать своей жизнью. Онъ

мнѣ отвѣтилъ: «я, знаете, какъ понялъ приказаніе, такъ и исполнилъ».

Генералъ наклонился ко мнѣ и конфиденціально добавилъ:

— Онъ очень хорошо понялъ мое приказаніе и зналъ, что̀ дѣлалъ. Но онъ именно *такой*.

Долженъ прибавить, что когда посмотришь на угрюмую, приземистую и явно застѣнчивую фигуру Тѣнева, то можно пари подержать, что онъ меньше всего—герой.

Удивительная здѣсь публика!

Дерменъ-Кіой. 28 октября.

Идутъ... Въѣдешь на очередной кряжъ, посмотришь на очередную поперечную долину: идутъ, идутъ... Иногда видно пять-шесть покрытыхъ солдатами дорогъ: всякимъ проселочкомъ вѣдь пользуются для того, чтобы быстрѣе продвигать впередъ эту колоссальную массу людей. Пять-шесть ручьевъ коричневой воды, колыхаясь и извиваясь, пересѣкаютъ долину; спускаются съ одной горы и поднимаются на слѣдующую.

А когда солдаты лягутъ на отдыхъ—тутъ же на дорогѣ—и когда ручей остановится,

тогда въ бинокль видишь новое, еще болѣе чудесное зрѣлище. Черезъ поляну положены пять-шесть полосъ причудливаго кружева: рисунокъ такъ мелокъ, такъ мелокъ, что услѣдить его глазомъ невозможно. Но чувствуешь коричневые узелки и ниточки, съ

небольшими свободными пространствами между ними. Я разъ видѣлъ старое венеціанское шелковое кружево, плотное, микроскопически мелкое. Оно также было коричневаго цвѣта, мѣстами тронуто краснымъ и золотомъ; оно тоже было мѣстами прорвано, а мѣстами—съ краевъ—ущерблено. Этого драгоцѣннаго кружева я нашелъ цѣлыя версты на Цареградскомъ шоссе. Оно

лежитъ тамъ и какъ бы сушится въ полдень, когда отдыхаютъ подъ мягкимъ осеннимъ солнцемъ герои.

Почти всѣ солдаты идутъ въ своихъ чудесныхъ, повидимому, неизносимыхъ «сарвуляхъ» (кожаныя крестьянскія сандаліи). Сапоги имъ выданы: ихъ несутъ за спиной. Крестьянское войско не довѣряетъ такой роскоши. Двѣ пары сарвулей носятся, какъ самые лучшіе сапоги: а ногѣ въ нихъ легче; за плугомъ исходитъ въ нихъ «селянинъ» не меньшее разстояніе, чѣмъ отъ Софіи до Царьграда. Привычно и увѣренно шагаетъ онъ въ привычной обуви. Видѣлъ у самыхъ бѣдныхъ даже лапти. Въ сапогахъ только фельдфебля. Крестьянское войско! У нѣкоторыхъ даже формы почти не осталось; казенное добро недолго выдерживаетъ непогоду; а вотъ, старый тулупчикъ, да добрыя селяцкія «навушты» прослужатъ еще три года, какъ прослужили уже десять: самодѣльные, не машинной работы.

Запасъ патроновъ съ обоймами около двѣнадцати фунтовъ, а то и больше. Ружье девять фунтовъ. Сапоги. Одна седьмая часть палатки. Колья. Два хлѣба. Котелокъ. Манерка съ водой. Ножъ. Лопата. Шинель.—

Все ли я перечислилъ? Нѣкоторые сгибаются, но тащатъ; потные, сосредоточенные. Тяжело дышатъ, ложатся, отдаютъ ружье на полверсты товарищу. Ложатся опять: не снимая съ себя ничего, просто запрокинувшись съ ранцемъ, въ полусидячемъ положеніи. Нѣтъ силъ даже отойти въ сторону. Ляжетъ,—а рота начинаетъ разступаться и обходить, какъ теченіе — камень. Ляжетъ, опять встанетъ: только бы не остаться на землѣ до хвоста полка, до того мѣста, гдѣ сначала идетъ нѣсколько лошадей съ запасными патронами, а потомъ начинается безпорядочная вереница отчаявшихся, ослабѣвшихъ, упавшихъ духомъ, больныхъ. Они тоже идутъ—но приходятъ къ этапнымъ кострамъ не въ семь вечера, а поздно за полночь. И въ пять утра снова встаютъ; или не встаютъ. Вѣдь есть полки сплошь изъ сорокалѣтнихъ.

— Тяжело?—спрашиваю я солдата, приподнимая рукой мѣшокъ съ патронами.

— Тяжко.

— Очень ужъ много патроновъ.

— Патроновъ много, а турокъ мало...

Смѣется. Ему весело. Молодой, беззаботный, сильный, здоровый. Вѣдь занимаются же

люди туризмомъ, какъ спортомъ? Вѣдь ходилъ же я самъ по двѣсти верстъ въ восемь дней только для того, чтобы наслаждаться природой? *Этотъ* смотритъ на войну, какъ на развлеченіе отъ деревенской захолустной монотоніи. Товарищей много, все однолѣтки. Кормятъ. Винограду—сколько хочешь. Табакъ лежитъ на полѣ: нагибайся и бери. Этотъ солдатъ за всю жизнь такъ интересно не проводилъ времени. *Смерть?*—Кто думаетъ о смерти въ двадцать два года? Кто понимаетъ ее на третьемъ десяткѣ лѣтъ? *Хлѣбъ черствый?*—Господа, это *вы* привыкли, чтобы въ ресторанѣ вамъ подавали хлѣбъ не иначе, какъ въ запломбированномъ бумажномъ конвертѣ. Это называется гигіеническими требованіями. А здѣсь я видалъ милліонеровъ, которые рвутся къ телѣгѣ, только что пришедшей изъ Ямболя (за двѣсти пятьдесятъ верстъ) съ еле покрытыми двадцати-дневными хлѣбами,—и съ удовольствіемъ ѣдятъ корочки, забрызганныя грязью двухъ вилайетовъ. Война, господа...

По дорогѣ идетъ войско. Рядомъ, по полянѣ, чтобы не мѣшать ему, движется наиболѣе спѣшная часть обоза. Гдѣ-то захватили двадцать верблюдовъ: они уже служатъ

славянству, уминая турецкія пажити своими широкими, грязью облипшими, ступнями. Гонятъ овецъ. Гдѣ встрѣтится канавка, вся масса шерстяныхъ спинъ начинаетъ регулярно и систематически прыгать: по сѣровато-желтой сплошной массѣ проходитъ волнообразный рубчикъ. Весело бѣгутъ овцы. Сзади идутъ два солдата и съ серьезнѣйшимъ видомъ поколачиваютъ обрубками дерева въ жестяные бидоны изъ-подъ автомобильнаго бензина: этого достаточно, чтобы два человѣка вели шестьсотъ овецъ на протяженіи ста верстъ—прямо къ смерти. Во мнѣ есть какая-то странная сантиментальность: иногда мнѣ жалко животныхъ больше, чѣмъ людей. У людей есть утѣшеніе въ сознательности, въ чувствѣ долга. А животныя? Сзади овецъ подпрыгивалъ, неизвѣстно какъ попавшій сюда хроменькій козленокъ. Жалобно пищалъ, поджималъ переломленную ножку, болтавшуюсь, какъ на ниточкѣ; пищалъ и бѣжалъ; старательно бѣжалъ. Куда? Къ смерти...

Выбиваются изъ силъ артиллерійскія лошади. Прислуга вся въ лямкахъ. Задыхаются. Но шутятъ:

— Карайте, момчета! (Везите, ребята). За що то инакъ нема да успѣемъ да влѣземъ въ боя съ турцитѣ...

Фенеръ. 29 октября.

Насъ хорошо встрѣчаютъ въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ еще не было войска. Открываютъ лучшія помѣщенія, даютъ подушки, приносятъ варенье, халву (чудесная: жидкая!), соленые баклажаны, вино, кофе, табакъ. Въ монотоніи турецкой деревенской жизни прибытіе командующаго чужой арміей со свитой—такое событіе, о которомъ будутъ вспоминать черезъ пятьдесятъ лѣтъ. Даже намъ, маленькимъ людямъ, хозяинъ все старался подарить поросенка: притащилъ его въ комнату, держа лѣвой рукой за заднія ножки, а правой—зажимая морду. Поросенокъ визжалъ, но въ носъ—и потому не такъ громко. Подарка не взяли, сошлись на восьми левахъ.

Иначе оказывается дѣло въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ войско уже было. Подумайте сами. Шли турки впередъ: брали хлѣбъ, овесъ, куръ, индюшекъ. Черезъ недѣлю тѣ же самые турки бѣжали назадъ, мокрые, грязные, голодные: хватали все, что̀ попадетъ подъ руку. Хватали звѣрски, мѣстами убивая офи-

церовъ, мѣшавшихъ грабить. Черезъ два дня появились болгарскіе кавалеристы; брали овесъ, сѣно, хлѣбъ—давая вмѣсто нихъ реквизиціонныя расписки, по которымъ будутъ платить изъ будущей турецкой кон-

Реквизиція.

трибуціи. Еще черезъ два дня—пѣхота. Наконецъ—штабъ. Доставай вино, куръ, зелень, овецъ.

При этихъ условіяхъ поневолѣ начнешь прикидываться дурачкомъ, хитрить, закапывать въ землю, клянчить, забирать какой попадется подъ руку скарбъ и убѣгать

отъ реквизацій. Дѣло не въ томъ, что берутъ *за плату*,—а въ томъ, что *берутъ*. Когда дѣти голодны,—не съ легкимъ-то сердцемъ отдашь *послѣднюю* курицу. Говорятъ о страданіяхъ солдатъ. Но всѣхъ солдатъ обязано накормить правительство: такъ или иначе, загнавъ на смерть сотню воловъ, интенданты доставятъ солдатамъ хлѣбъ: иначе не стоило бы начинать войны. Но *никто не обязанъ кормить* мирное населеніе. Вы только вдумайтесь въ реальное положеніе дѣла: спереди непроницаемая ни для какихъ товаровъ стѣна двухъ враждебныхъ аванпостовъ; сзади испорченная желѣзная дорога, ничего не подвозящая, и дороги грунтовыя, сплошь занятыя обозами и войсками; справа и слѣва—по морю, блокированному турками; въ серединѣ реквизиція, всепоглощающая, всесильная. Чѣмъ кормиться мѣстному населенію? Страшно подумать... Огородъ сорванъ, жатва потоптана, запасы взяты, дѣти плачутъ.

Все это надо понимать буквально. Петербужецъ, сидя дома, не можетъ себѣ представить мѣста, въ которомъ ничего нѣтъ. Вѣдь случилось же со мной, въ началѣ войны, когда «каруцарь» (возчикъ моего багажа)

пришелъ доложить, что у него нѣтъ колесной мази, машинально вынуть изъ кармана франкъ и подать ему. Въ культурныхъ условіяхъ деньги всесильны. А здѣсь—это такія же бумажки, какъ реквизиціонная рас-

писка. Если нѣтъ мази, значитъ ея *нѣтъ вообще*. И замѣнить мазь кусочкомъ серебра нельзя. Къ этой мысли надо долго себя пріучать. Можно взять изъ запаса коробку сардинокъ и прованскимъ масломъ намазать ось, чтобы она не дымилась: но *серебро* для этой цѣли не годится.

Такъ вотъ, мои указанія надо понимать буквально. У населенія нѣтъ хлѣба: это значитъ, что населеніе ѣстъ полу-проваренную кукурузу (дровъ мало); но хлѣба *нѣтъ*. И еще долго не будетъ. Я, вотъ, сейчасъ пишу, а меня мучаетъ жажда. Сырой воды пить нельзя; холера начинается. А сварить воду *не на чемъ*. Угольевъ нѣтъ. За хворостомъ послалъ за десять верстъ. Вѣдь не стулъ же въ печку класть! *Нѣтъ*, страшное слово.

Мы являемся сюда носителями культуры. Населеніе вѣритъ намъ.

— Когда будетъ здѣсь болгарское царство, сдѣлаете ли вы намъ болгарскую школу?

Но населеніе вѣритъ въ кредитъ. Сейчасъ—мы являемся носителями чего-то другого. Чего?—не знаю.

Вдумайтесь въ мелочи. Полы здѣсь всѣ бѣлые, чистые, покрытые коврами или циновками. Элементарная вѣжливость предписываетъ снимать сапоги въ передней и ходить по горницѣ въ чулкахъ. А мы?—Мы вваливаемся въ болотныхъ сапогахъ, покрытыхъ недѣльною грязью. Хозяйки въ ужасѣ тащатъ свои коверчики, половички. Можетъ ли *опрятный* считать *неопрятнаго*—

культурнымъ человѣкомъ? Дочь нашей хозяйки бѣгаетъ по дому въ щегольскихъ желтыхъ туфелькахъ. Но вѣдь она, выходя на улицу, надѣваетъ громадныя деревянныя калоши. А мы?

Костры здѣсь раскладываютъ изъ грушевыхъ вѣтвей и смоковницъ. Въ одномъ мѣстѣ для этой цѣли ломали домъ. Черепица съѣзжала съ крыши, какъ куски сахара съ листа картона. Культурно ли это?—И, съ другой стороны: какъ поступить иначе? Вѣдь не глотать же сырую баранину?

А когда мы покидаемъ село, сзади насъ остается тоже не очень-то культурное наслѣдіе. Кавалерійская дивизія заваливаетъ треть деревни навозомъ; а наши повара набрасываютъ грудами сине-зеленые желудки овецъ и безконечныя, расползающіяся, скользкія кишки. Черезъ два дня все это начинаетъ гнить на жаркомъ солнцѣ; нѣтъ никакой возможности убрать. Все зарывать—не хватаетъ рукъ. Жечь—не горитъ. Только санитары наши, голодныя бродячія турецкія собаки, стараются очищать окрестности деревни отъ того, чѣмъ заразили ее носители культуры: но и ихъ силъ далеко не достаточно.

Солдатская кухня.

Можетъ быть, лѣтъ черезъ пять, проистечетъ изъ этой войны подъемъ мѣстной культуры. Но сейчасъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ,—когда я сопоставляю слова «война и «культура», мнѣ становится смѣшно.

Фенеръ. 30 октября.

Отсюда всего десять верстъ до Мраморнаго моря. На горизонтѣ виднѣется броненосецъ. Если бы онъ только зналъ, что въ селѣ Фенеръ находится мозгъ и душа всей первой арміи, ея штабъ,—онъ бы въ полчаса обратилъ эту мѣстность въ развалины.

Узнаетъ онъ, или не узнаетъ?

Для характеристики болгаръ.

Пріѣхалъ ко мнѣ одинъ знакомый и—изъ пятыхъ, кажется, рукъ—передаетъ пріятную вѣсть:

— Понапрасну вы стараетесь посылать телеграммы въ Лозенградъ; онѣ тамъ даромъ валяются. Кредитъ, который былъ въ вашемъ распоряженіи, вы уже давно исчерпали; доколѣ вы не внесете въ Софіи, въ главное управленіе телеграфа, новаго депозита, всѣ ваши писанія будутъ пропадать даромъ.

Вотъ такъ исторія! Легко сказать: внесите деньги въ Софію,—когда до Софіи письмо идетъ пятнадцать дней. Бросился я къ начальнику военно-почтоваго отдѣленія при первой арміи, бравому г. Топузову. Замѣчу

въ скобкахъ: этотъ Топузовъ тоже стамбуловистъ, т. е. ярый русофобъ.

Объяснилъ въ чемъ дѣло. Топузовъ улыбнулся и, по обыкновенію, съ разстановкой, сказалъ:

— Вы не безпокойтесь. Я это дѣло уже устроилъ.

— Какъ же вы устроили, г. Топузовъ?

— Мнѣ изъ Лозенграда телеграфировали, что вашъ кредитъ превышенъ: тогда я имъ отвѣтилъ: «продолжайте посылать телеграммы г. Пиленко за моею отвѣтственностью».

Въ результатѣ оказалось, что этотъ чиновникъ, получающій не больше 300 франковъ въ мѣсяцъ жалованья, успѣлъ накредитовать меня, за недѣлю, почти на 800 франковъ. Конечно, онъ зналъ, что я заплачу: ну, а если бы меня убили?

Да и вообще: какой русскій чиновникъ сдѣлалъ бы когда-нибудь подобную услугу?

Еще для характеристики болгаръ.

Мнѣ очень часто приходилось разговаривать съ солдатами. Всякій изъ нихъ начинаетъ съ того, что спрашиваетъ:

— Кто ты такой?

— Корреспондентъ.

Оказывается, что это слово для нихъ вполнѣ понятно; самый невзрачный болгарскій солдатъ совершенно ясно представляетъ себѣ соціальное положеніе корреспондента; и почти каждый изъ нихъ продолжаетъ разспросы.

— Какой газеты?

— Русской.

— А какой русской газеты?

— «Новаго Времени».

Девять солдатъ изъ десяти обнаруживаютъ полную освѣдомленность о томъ, что̀ такое «Новое Время», такъ какъ заявляютъ или:

— Това е найголѣмиятъ руски вѣстникъ.

Или:

— Това е първъ руски вѣстникъ.

Девять болгарскихъ мужиковъ изъ десяти знаютъ, что такое «Новое Время». А въ Россіи? Знаетъ ли одинъ мужикъ изъ ста значеніе этихъ двухъ словъ?

Фенеръ. 30 октября.

Въ здѣшнемъ штабѣ закончили разбирать захваченный въ Люле-Бургасѣ архивъ второго турецкаго корпуса. Оказывается,

что этотъ корпусъ, отступая, бросилъ на произволъ судьбы всю свою канцелярію и, въ томъ числѣ, копіи всѣхъ телеграммъ, не исключая секретныхъ и секретнѣйшихъ. Лица, коимъ было поручено переводить переписку, разсказывали мнѣ, что она обнаруживаетъ удивительную картину развала и анархіи.

Напримѣръ, командиръ 3-го артиллерійскаго полка въ подробномъ донесеніи указываетъ, что его полкъ былъ отправленъ изъ Родосто въ Бабаэски и такъ спѣшилъ, что солдатамъ выдали съѣстныхъ припасовъ только на два дня. Обѣщано было, что все будетъ дослано. Солдаты, оставаясь безъ хлѣба девять дней, начали грабить; остановить было невозможно. Командиръ жалуется на то, что дисциплина погибла. Интересна переписка насчетъ 16-го пѣхотнаго полка изъ смирненской дивизіи. Главная квартира, желавшая во что бы то ни стало отстаивать Люле-Бургасъ, послала этотъ полкъ, 17-го октября, въ Люле-Бургасъ; когда онъ прибылъ, командиръ второго корпуса, Тургутъ-Шефкетъ-паша, отослалъ полкъ назадъ въ Чорлу, такъ какъ началось общее отступленіе. Когда полкъ вернулся въ Чорлу, коман

дующій восточной арміей, Абдулахъ-паша, приказалъ снова идти въ Люле-Бургасъ. При этомъ одна рота отказалась идти и была разстрѣляна почти поголовно. Съ половины дороги самъ командиръ полка направилъ его обратно, прямо на Чаталджу мимо Чорлу, чтобы избѣжать командующаго арміей.

Въ Чорлу захваченъ почтовый мѣшокъ съ секретной военной перепиской. Особенно интересенъ циркулярный приказъ Абдулахъ-паши, излагающій въ пяти пунктахъ вопросъ о часто повторяющихся отступленіяхъ. Приказъ говоритъ, что въ каждой ротѣ, полкѣ и дивизіи сзади солдатъ долженъ быть поставленъ офицеръ съ револьверомъ и разстрѣливать отступающихъ. Пунктъ пятый гласитъ: «Никакая часть не можетъ отступать безъ письменнаго приказа корпуснаго командира; а корпусный командиръ долженъ предварительно испросить личное разрѣшеніе главнокомандующаго». Приказъ заканчивается восточной фразеологіей о томъ, какъ пріятно умирать за родину. Примѣчаніе грозитъ нарушителямъ полевымъ судомъ и смертной казнью.

Захвачена также частная переписка: нѣсколько открытокъ германскаго полковника

Фейта, который говоритъ, что онъ участвовалъ въ сраженіи и отступленіи при Люле-Бургасѣ.

Фенеръ. 1 ноября.

Сегодня я видѣлъ вторую Помпею.

Верстахъ въ восьми отъ нашего села лежитъ небольшой портъ Силиврія.

— Не ѣздите туда,—сказалъ мнѣ одинъ изъ штабныхъ полковниковъ,—тамъ холера.

— Пожалуйста, только не соберитесь въ Силиврію,—сказалъ другой полковникъ,—тамъ дома еще не очищены отъ турокъ, и они могутъ подстрѣлить васъ изъ окна, какъ сороку.

— Силиврію сегодня будутъ опять бомбардировать Турки; туда не слѣдуетъ соваться,—сказалъ капитанъ.

Изъ всего этого я заключилъ, что серьезной причины не побывать въ Силивріи не имѣется: ибо, если бы она была, то она была бы *единая*.

Послѣ утренняго чая пошелъ гулять по направленію къ морю: дойду, такъ дойду... Меня прельщало, что въ Силивріи можно достать сахаръ и консервы; пить чай въ пустую не очень-то весело. Взялъ на всякій случай револьверъ.

Шелъ тихо, такъ какъ было жарко. Да! третье ноября—и совершенно жарко, какъ у насъ въ августѣ. Говорятъ, въ Мраморномъ морѣ еще купаются. И это интересно посмотрѣть... Солнце пекло: я останавливался, присаживался, разговаривалъ съ проходящими солдатами. Первый вопросъ всегда:

— Ты фельдшеръ?

Ибо на рукавѣ перевязь, похожая на санитарную, а докторской форменной фуражки нѣтъ.

— Нѣтъ, я корреспондентъ.

— Руснакъ?

— Да, руснакъ.

Улыбка во все лицо. Радуется: симпатіи къ Россіи здѣсь, въ буквальномъ смыслѣ слова, стихійны.

Такъ прошелъ я верстъ шесть. Налѣво лежала Силиврія, а направо небольшое село; по картѣ—Яладжа. Въ Яладжѣ не видно было никакого движенія; любопытно посмотрѣть на брошенное турецкое село.

Какъ живо вспомнилась мнѣ Помпея! Улицы совершенно пусты, чирикаютъ воробьи. Около общественнаго фонтана лежитъ издыхающая лошадь; какая-то сострадательная рука бросила около морды клокъ

сѣна, но она не ѣстъ. Когда я проходилъ мимо, она открыла одинъ глазъ и посмотрѣла. Пристрѣлить бы?—Не могу.

Вотъ лавка, повидимому, единственная. Двери сломаны и кѣмъ-то произведенъ безпорядокъ; но мало что̀ взято. Вещи все такія, которыя солдатамъ не нужны. Рядъ банокъ съ лекарствами, вродѣ аптеки: все больше серебряныя пилюли. Лечатъ очевидно не внутреннимъ содержаніемъ, а внѣшностью. На окнѣ десятка два дѣтскихъ копеечныхъ пистолетовъ, щелкающихъ такъ называемые «пистоны»: очевидно, что турецкій темпераментъ даетъ себя знать измала. Направо небольшіе ящики: крахмалъ, сода какіе-то кристалы, синька. Наверху шкафъ: двѣ разбитыхъ соски, игральныя кости, ламповыя стекла, полукруглые гребешки для дѣвочекъ, нитки, веревки, пара очковъ. Сзади большіе три закрома съ остатками овса и муки. Выручка; на выручкѣ листъ, еще исписанный турецкими подсчетами.

Немного дальше мечеть. Мнѣ захотѣлось влѣзть на минаретъ. Лѣстничка узенькая, еле пройдешь; и совсѣмъ темно. А вдругъ—тамъ запрятался турокъ? Но желаніе посмотрѣть на море превозмогаетъ

страхъ. Вынимаю револьверъ и лѣзу наверхъ: тихо,—прислушиваюсь. Мальчишество, конечно... Но почему не пріобрѣсти еще одно новое впечатлѣніе? Взлѣзаю. Какой видъ! Силиврія—на ладони. Рыбачьи лодки. Море сверкаетъ раскаленной массой. Направо виднѣется заливъ Родосто. Прямо спереди—силуэтъ мало-азіатскаго берега. Пароходъ мирно разрѣзаетъ волны. Можетъ быть—русскій? Видны два большихъ военныхъ судна. На этомъ разстояніи они могутъ стрѣлять навѣрняка. Непріятно...

Спускаюсь внизъ. Около мечети школа. Шкапъ съ книгами. Большая коробка пепперминтовъ: учитель купилъ; у турокъ этотъ гостинецъ считается средствомъ отъ желудочныхъ болей. Гдѣ хотите, можно купить папиросную бумагу и пепперминты фирмы Zwanenburg въ Амстердамѣ. Кстати сказать, скверные. На полу классной комнаты раскиданы дешевенькія стѣнныя карты. Боснія показана еще въ составѣ турецкой территоріи. Прописи арабскихъ буквъ: сдѣланы легонькіе абрисы, которые долженъ обводить ученикъ. Разрѣзныя буквы на зеленомъ картонѣ; большія, трехвершковыя. Взялъ одну на память. Доска опрокинута, но на ней еще

сохранилось что-то, написанное мѣломъ. Партъ всего четыре—деревня небольшая. Выхожу изъ мечети; въ притворѣ (по нашей терминологіи) поставлено стойкомъ нѣсколько гробовъ для продажи; теперь даже это не понадобится.

Напротивъ мечети усадьба богатаго человѣка. Я кое-что видалъ по сельскому хозяйству; у этого бея утоптанный какъ комната дворъ тянется на добрыхъ полторы десятины. Онъ для чего-нибудь былъ нуженъ—такой величины дворъ... Сколько тутъ поили лошадей и воловъ? Домъ трехэтажный; чѣмъ выше поднимаешься, тѣмъ акуратнѣе сдѣлано. Внизу очагъ, склады, прислуга. Во второмъ этажѣ чисто струганные полы и бѣлая известка. Въ третьемъ—расписные потолки, диваны, шкапы. Солдаты уже побывали, но все-таки на одной двери уцѣлѣла яшмовая ручка тончайшей работы. А около шкафа ногами надавлено не мало хорошаго стекла. Окна забраны рѣшетками по діагонали; тутъ жили женщины.

Рядомъ съ домомъ стойла: какой длины! Закромы на десятки тысячъ пудовъ. Богатый былъ бей; гдѣ-то онъ теперь? У входа въ домъ по стѣнѣ тянется лоза винограда, аку-

ратно прикрытая на человѣческій ростъ сѣткой изъ оцинкованной проволоки: это—единственное указаніе на стремленіе къ культурѣ. На птичникѣ вдѣланъ посерединѣ обломокъ мраморной колонны: я видѣлъ такіе въ Африкѣ на раскопкахъ Карѳагена.

Какъ все живетъ! Высокій плетень напоминаетъ мнѣ Малороссію: вотъ сейчасъ выйдетъ сюда хохолъ съ трубкой и заговоритъ.

Когда я выходилъ изъ Яладжи, въ Силивріи гулко раздались одинъ за другимъ четыре ружейныхъ выстрѣла—какъ предупрежденіе. Я пошелъ назадъ, перебирая въ умѣ впечатлѣнія турецкой Помпеи.

Фенеръ. 2 ноября.

Ахъ ты, несчастное ремесло корреспондентское! Вотъ уже скоро двадцать дней, что я отказался отъ культуры. И съ каждымъ днемъ не только не привыкаешь къ кочевому укладу жизни, но воспринимаешь его все тяжелѣе и тяжелѣе. Трудно культурному человѣку выйти на поле и начать жить.

Лучше всего это доказывается мелочами. Оказалось, что я таскаю въ своемъ багажѣ

цѣлый рядъ абсолютно ненужныхъ вещей. И, въ то же время, недостаетъ мнѣ цѣлаго ряда такихъ предметовъ, безъ которыхъ об-

Парикмахеръ.

ходиться совершенно невозможно. Напримѣръ, когда я уѣхалъ изъ Петербурга, я взялъ съ собой будильникъ, считая его весь-

ма необходимой вещью: иначе еще «проспишь сраженіе». Мой будильникъ уже давно брошенъ въ канаву, гдѣ-то около Люле-Бургаса.

Портной.

Все равно—мы каждый день встаемъ до солнца, когда начинаютъ ржать лошади, кричать ослы и пѣтухи. У меня въ чемоданѣ восемь

личныхъ полотенецъ: я ихъ такъ старательно отбиралъ и упаковывалъ. Полотенца эти мнѣ совсѣмъ не нужны. Ибо мы по недѣлямъ не моемся. Въ одномъ мѣстѣ совсѣмъ нѣтъ воды, а въ другомъ—такая, что предпочитаешь ея не касаться. Упомяну еще, почти краснѣя отъ стыда, что гдѣ-то въ глубинѣ моего чемодана лежитъ коробочка съ визитными карточками. Въ Петербургѣ она мнѣ казалась весьма необходимой. Пріѣхалъ, молъ, на поле сраженія; представляешься генералу: «передайте карточку».

А вотъ, наоборотъ, вещи, которыя я считалъ совершенно второстепенными, являются въ настоящее время чуть что не вопросомъ жизни и смерти. Въ Петербургѣ я увидалъ, что мой деньщикъ беретъ съ собой дрянной жестяной чайникъ. Пожалѣлъ своего Лепорелло: этотъ чайникъ не выдержитъ и недѣли. Купилъ на Гороховой великолѣпный эмалированный чайникъ и подарилъ его. Теперь изъ этого чайника ежедневно пьетъ восемь человѣкъ; онъ почти не сходитъ съ «груды» (костра). Какъ кончили чай, сейчасъ начинаемъ варить запасъ воды на цѣлый день. Восемь флягъ не скоро-то наполнишь! Безъ этого чайника мы бы просто погибли.

Затѣмъ, оказался очень нужною вещью башлыкъ. Такъ—я его взялъ, случайно. А теперь каждую ночь онъ является для меня драгоцѣннымъ подаркомъ. Въ шапкѣ спать нельзя; сваливается. А когда я попробовалъ спать съ голой головой, то въ первую же ночь отморозилъ всю макушку; она у меня такъ распухла, что я еще и до сихъ поръ не знаю, удастся ли мнѣ избавиться отъ весьма скверной невральгіи. Не хватаетъ мнѣ еще одной вещи, которая есть у офицеровъ, и которой я каждый вечеръ искренно завидую: ручного фонаря. Въ половинѣ седьмого уже темно, и безъ фонаря ежеминутно рискуешь поломать себѣ ноги и шею.

Да! кочевая жизнь полна такихъ неожиданностей, которыя и въ голову не приходятъ петербуржцамъ.

Кады-Кіой. 3 ноября.

Вѣтеръ воетъ. Знаете—какъ? Пять минутъ назадъ дунуло, и лампа потухла. Окно, вѣдь, съ изъянами. Вѣтеръ шумитъ, рветъ крышу. Насъ двое: молодой болгарскій офицеръ и я. Онъ былъ назначенъ оставаться въ Софіи, въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, но пошелъ добровольцемъ. Медленно крутитъ папиросу и говоритъ задумчиво.

— Да. Я всегда думалъ, что война— страшная вещь. Но все это представлялось мнѣ *совсѣмъ* иначе. Совсѣмъ не такъ, какъ есть. Мнѣ представлялось: большое поле сраженія, масса убитыхъ, кровь. Крови я еще не видалъ ни разу, а отсюда только сорокъ верстъ до Константинополя.

— Я тоже крови еще не видалъ...

— А вотъ, я вчера поѣхалъ къ брату въ NN полкъ въ первую линію. Подумайте, я хотѣлъ его обрадовать... У него нѣтъ никого родныхъ, кромѣ меня. Онъ удивился и сначала обрадовался...

— А потомъ?..

— А потомъ вышло такъ, что я очень, очень пожалѣлъ, зачѣмъ я поѣхалъ...

Я помолчалъ, разсчитывая, что онъ объяснитъ.

— Подумайте: вѣдь онъ былъ блестящій гвардейскій офицеръ. Какой красавецъ! Мы такъ хорошо жили...

Онъ остановился, видимо ища выраженія для своей мысли.

— А теперь! Дикарь, совсѣмъ дикарь. Съ начала войны ни разу не раздѣвался. Только пять ночей спалъ подъ крышей и на соломѣ. А то—все въ полѣ, все въ полѣ...

Молчаніе.

— Борода. Ужасная! Грязь... Весь оборванный... Я привезъ ему рубашекъ на смѣну. Онъ говоритъ: «Я все—въ той же; на чистое бѣлье насѣкомыя болѣе охотно ползутъ; не моемся».

Онъ потушилъ остатокъ папиросы о тарелку съ обглоданными куриными костями.

— И когда я уѣзжалъ, я чувствовалъ упрекъ. Почти что упрекъ. Зачѣмъ, молъ, ты вернулъ меня къ мыслямъ о жизни, о возможности иначе жить. Такъ привычно уже было жить, по... по...

— По-гуннски.

— ...по-гуннски. Понимаете: привезъ ему воспоминанія, тоску по *другимъ* формамъ существованія. Онъ очень страдалъ...

— И потомъ. Знаете. Все тотъ же полкъ— все время въ первой линіи. Справедливо ли это?

— Много жертвъ?

— Они во всѣхъ бояхъ несли потери. Офицеровъ выбыло 72 процента. Почти во всѣхъ ротахъ командуютъ субалтерны.

Мы помолчали. Онъ потушилъ папиросу.

— И вотъ вѣдь, что̀ ужасно: этотъ полкъ

представляетъ собой всю интеллигенцію NN города.

— У васъ территоріальная система комплектованія?

— Да. Когда этотъ полкъ вернется домой, то во всемъ городѣ не будетъ ни одной семьи не въ траурѣ. Страшно подумать...

Внизу раздавался храпъ уже заснувшихъ денщиковъ. Вѣтеръ хлопалъ ставнями.

— И замѣтьте: вѣдь *тамъ* никто ничего не знаетъ. У насъ тайна возведена въ систему. О раненыхъ и убитыхъ—семьямъ ничего не сообщаютъ. Когда вернется полкъ, тогда и разбирайтесь, кого не хватаетъ.

— La fiancée du timbalier?

— Правительство разсчитываетъ, что упоеніе окончательной побѣдой заглушитъ слезы вдовъ и сиротъ...

Я промолчалъ. Онъ посмотрѣлъ на меня, отвернулся, и установившись въ уголъ, глухо прибавилъ:

— Какъ вы думаете, что̀ будетъ сильнѣе: слезы, или побѣдный маршъ?

Сегодня поздно ночью распространился слухъ, что въ третью армію прибылъ самъ Савовъ. Завтра будетъ бой. Болгарскіе офи-

церы поздравляютъ другъ друга и уже разсчитываютъ, въ какихъ отеляхъ кто будетъ останавливаться, когда мы вступимъ въ Константинополь.

Только одинъ старый полковникъ сказалъ мнѣ:

— Зачѣмъ намъ биться на Чаталджѣ?— Потеряемъ сорокъ тысячъ человѣкъ, а толку не будетъ никакого. Намъ Константинополя не отдадутъ. Чей бы онъ ни былъ—турецкій или нейтральный,—онъ, все равно, будетъ нуждаться въ плацдармѣ, такъ какъ онъ не можетъ остаться беззащитнымъ съ суши. Такимъ естественнымъ плацдармомъ для Константинополя является Чаталджа. Даромъ мы будемъ на ней завтра проливать кровь...

Чаталджа. 4 ноября.

Сегодня начался бой. Мнѣ пришлось выѣхать еще до разсвѣта. Отъ Кады-Кіоя сначала ѣдешь по мѣстности степного характера, пересѣкая нѣсколько долинъ и постепенно возвышающихся волнистыхъ продольныхъ кряжей. Уже здѣсь замѣтно необыкновенное движеніе. Дорога занята фурами съ патронами, медленно двигающимися впередъ. На каждыхъ трехъ-четырехъ километ-

рахъ красный или бѣлый флагъ обозначаетъ собой станцію летучей велосипедной почты для передачи приказаній. Кромѣ того тянется проволока полевого телеграфа, которая, впрочемъ, скоро кончается. У послѣдняго столба дежуритъ чиновникъ съ аппаратомъ, прикрытымъ брезентомъ, такъ какъ накрапываетъ дождь. Попадается нѣсколько свѣжихъ окоповъ. Никто не допускаетъ мысли о возможности отступленія, но предписанія новѣйшей тактики должны быть аккуратно исполнены. На всѣхъ гребняхъ, поэтому, ночью работали саперы. По дорогѣ обгоняю резервную часть, подтягивающуюся къ полю сраженія; впереди ѣдетъ полковой командиръ и священникъ верхомъ.

Послѣднія верстъ пять представляютъ собой мѣстность съ совершенно новымъ для насъ всѣхъ ярко выраженнымъ горнымъ характеромъ. Эта часть перехода напомнила мнѣ Черногорію: тѣ же крутые обрывы, заросшіе можжевельникомъ, верескомъ и мхами приморскаго типа; тѣ же обширные каменисто-песчаные откосы. На каждомъ шагу виднѣются артиллерійскіе окопы, оставшіеся отъ проходившихъ и ночевавшихъ на этихъ склонахъ батарей. Всѣ окопы артисти-

чески закончены и маскированы дерномъ, какъ игрушки. На самомъ сѣдлѣ перевала расположились санитарныя повозки, ждущія приказанія. Докторъ обращаетъ мое вниманіе на просвѣтъ въ горахъ: открывается уже видъ на заливъ Буюкъ-Чекмедже, т.-е. на южную устье Чаталджинской долины. Оказывается, что въ сильный бинокль видны три турецкихъ миноносца, медленно втягивающіеся въ заливъ. Совсѣмъ вдали обрисовывается грузный силуэтъ броненосца. Доктора шутятъ:

— Броненосецъ мы тоже возьмемъ.

— Ну, это будетъ трудно.

— Ничего. «На ножъ!».

Проѣзжаю еще нѣсколько изгибовъ медленно поднимающагося горнаго пути. Обгоняю саперовъ, которые кирками подравниваютъ дорогу. Вдругъ невольно останавливаюсь, затаивъ дыханіе.

Оказывается, что съ восточной стороны только что пройденныя мною высоты обрѣзаны, какъ ножомъ, по линіи, идущей прямо съ сѣвера на югъ. Чаталджа лежитъ у самаго подножья, окруженная кипарисами, какъ траурными безсильными часовыми; а дальше идетъ слегка поднимающаяся дорога,

посреди пересѣченная ручьемъ и болотцемъ. Вся понорама развертывается верстъ на тридцать впередъ, какъ передъ зрителемъ, сидящимъ въ колоссальной галлереѣ театра. Еще удивительнѣе картина на югъ и на сѣверъ, гдѣ видны оба моря, Черное и Мраморное. Отъ Чаталджи впередъ по прямой линіи протянулось шоссе къ станціи желѣзной дороги. Кругомъ все пашни, черныя и зеленыя.

Бой въ полномъ разгарѣ. Не ждите отъ меня техническаго описанія. По крайнему убѣжденію и съ полнымъ знаніемъ дѣла, я могу утверждать, что всѣ газетныя описанія боевъ составляются не на основаніи того, что̀ корреспондентъ видѣлъ на полѣ битвы, а на основаніи того, что̀ онъ впослѣдствіи прочиталъ въ штабѣ. Это для меня—непреложная истина.

Nodaud сказалъ мнѣ, что во время манчжурской кампаніи онъ сильно рисковалъ жизнью и, всетаки, никогда не могъ наблюдать ни одного сраженія съ такой удобной позиціи, какъ сегодня—у Чаталджи. По его мнѣнію, болѣе идеальнаго наблюдательнаго пункта, чѣмъ тотъ, на которомъ мы находились — нельзя себѣ представить. А

между тѣмъ, положительно утверждаю, что разсмотрѣть бой надлежащимъ образомъ и описать его на основаніи личныхъ впечатлѣній даже и съ этой позиціи—являлось невозможной задачей. Подумайте сами: бой тянется на 15 верстъ направо, на 15 верстъ налѣво, да на 15 верстъ въ глубину . И это еще называется маленькимъ полемъ сраженія; при Люле-Бургасѣ фронтъ тянулся на сто верстъ. Какой бы у васъ ни былъ великолѣпный бинокль, вы больше какъ на восемь верстъ видѣть не можете; да и на восемь верстъ людей разобрать почти невозможно. Прибавьте неудачное освѣщеніе, нѣкоторый туманъ, волнистую мѣстность. Будемъ говорить начистоту, раскрывая карты военныхъ корреспондентовъ: доколѣ не получены реляціи отдѣльныхъ начальниковъ и доколѣ въ штабѣ не сдѣлана этимъ реляціямъ сводка, ни одинъ, даже самый бойкій корреспондентъ ничего толкомъ описать не можетъ. Въ *его* полѣ зрѣнія, можетъ быть, наступаютъ болгары; по поручится ли онъ, что въ десяти верстахъ направо или налѣво уже не прорвались турки, уже не заходятъ этимъ самымъ побѣдителямъ въ тылъ?

Можно, конечно, продвинуться впередъ

въ самый бой. Я такъ и сдѣлалъ послѣ обѣда, такъ какъ непремѣнно хотѣлъ побывать подъ шрапнелями. Но это уже вещь совершенно безцѣльная съ точки зрѣнія корреспондентской техники. Ибо съ каждымъ шагомъ впередъ вашъ кругозоръ все уменьшается и уменьшается. Вы проѣхали двѣ версты, думая лично испытать впечатлѣнія аттакующаго войска. А оказывается, что передъ вами еще версты на четыре тянется болото, на которомъ гдѣ-то въ грязи, за кустами лежатъ и выбиваютъ дробь ружьями абсолютно недоступныя никакому наблюденію стрѣлковыя цѣпи.

Поэтому дальнѣйшее изложеніе есть рядъ обывательскихъ впечатлѣній, которыя могли бы быть у всякаго петербуржца, если бы онъ попалъ сегодня на высоты Чаталджи. Гарантирую только одно: описано такъ, какъ я дѣйствительно это все видѣлъ. Ни одного слова не прибавлено.

Первое впечатлѣніе: сотни и тысячи яркихъ огней, вспыхивающихъ по всей долинѣ. И сейчасъ же мысль: каждая такая искра есть ружейный выстрѣлъ,—значитъ смерть. Кажется, что вся долина обстрѣливаетъ съ яростью высоту, на которой стоишь. Дымъ

стелется по вѣтру. Каждую секунду свертываются на землѣ и въ воздухѣ все новые и новые клубы дыма. Особенно интересны комки дыма, развертывающіеся въ воздухѣ то тутъ, то тамъ, такъ сказать изъ ничего. Таково самое первое впечатлѣніе, грубое и неясное, но такое потрясающее, что не можешь отвести глазъ. Только по прошествіи не менѣе получаса, а можетъ быть и болѣе, принуждаешь себя оторваться на секунду и вынуть бинокль. Еще съ часъ уходитъ на то, чтобы хоть сколько-нибудь осмыслить происходящее. Понемногу начинаешь разбираться; но вниманіе такъ занято, что лишь послѣ нечеловѣческихъ усилій, принуждаешь себя не только глядѣть, но еще разсуждать и умозаключать.

По всему пространству пашенъ, зеленыхъ и черныхъ, потянулись, какъ большіе червяки—окопы; въ окопахъ слышна стрѣльба, очень частая; но ни огня, ни дыма не видно; ружейный огонь воспринимается только ухомъ. То, что̀ раньше представлялось ружейными вспышками, оказывается огнемъ орудійнымъ и притомъ не чужимъ, а болгарскимъ. Дѣло въ томъ, что всѣ турецкія батареи расположены за кряжами. Отъ нихъ ни дыма,

ни огня не видно. Сверкаютъ батареи болгарскія, для которыхъ тоже устроены окопы, маленькіе, какъ черныя спичечныя коробки, по четыре рядомъ, а мѣстами по 12 и больше. Турецкая стрѣльба видна только по клубамъ дыма отъ взрывающихся въ воздухѣ шрапнелей и по гранатамъ, взметывающимъ землю. Попадаютъ ли болгары, судить нельзя, именно потому, что турецкія орудія скрыты въ долинахъ. Попаданія же турокъ я наблюдалъ. Сначала «разъ!» сзади болгарской батареи, метровъ на 100; потомъ «разъ!» спереди, совсѣмъ близко, такъ что черная земля сыплется въ самые окопы. Потомъ опять шлепается сзади. Зрѣлище потрясающее и страшное. Особенно,—когда видишь, что на каждую турецкую шрапнель болгары съ ожесточеніемъ отвѣчаютъ двумя, и когда, не зная о результатахъ стрѣльбы, съ замираніемъ сердца ждешь: только бы не вскинулась земля въ самомъ окопѣ. Минутъ черезъ двадцать поединокъ останавливается. Кто взялъ вверхъ, сказать невозможно.

По серединѣ, верстъ на восемь впередъ, виднѣются отливающіе сѣдиной валы форта Караколъ, составляющаго ключъ ко всей позиціи. Надъ этимъ фортомъ густо нависли

клубы ежеминутно разрывающихся болгарскихъ шрапнелей. Если перевести бинокль, то видны и тутъ, и тамъ притаившіяся болгарскія батареи, которыя ожесточились противъ одиноко лежащаго высокаго Каракола. Но онъ упорствуетъ. Послѣ нѣкоторой паузы Караколъ вдругъ опоясывается линіей огней на правой своей сторонѣ; стоящій около меня офицеръ генеральнаго штаба объясняетъ мнѣ, показывая, куда именно надо смотрѣть, что часть болгарской пѣхоты начала заходить слишкомъ далеко впередъ; каракольскіе турки замѣтили это, вывезли орудія за валъ и начали обстрѣливать болгарскій флангъ. Гляжу туда. Потрясающее зрѣлище: на гребнѣ залегла цѣпь; шрапнели начинаютъ рваться прямо надъ нею; одна, двѣ, пятьдесятъ, выше и ниже; минуты черезъ двѣ отъ цѣпи отдѣляется группа людей, кажущихся отъ меня не больше муравьевъ; они начинаютъ двигаться назадъ; идутъ даже кажется не торопясь; новая шрапнель прямо надъ ними; они бросаются вправо, но какъ разъ вправо надъ ними разрываются еще двѣ шрапнели; кучка рѣдѣетъ; видны идущіе и бѣгущіе по два и по три... Тамъ, гдѣ только-что разорвалась шрапнель, бѣлѣется

большой просвѣтъ, но теперь шрапнели туда не падаютъ, а падаютъ въ другія мѣста, гдѣ больше людей.

Я говорю офицеру:

— Вонъ тамъ между четырехъугольной черной пашней и длинненькой зеленой— какъ будто бы отступаютъ.

Онъ смотритъ въ бинокль и съ радостью, съ явной радостью, говоритъ:

— Это раненые.

Онъ радуется тому, что это раненые.

По срединѣ виднѣется большое село, сзади котораго собралось много чего-то чернаго: лошадей, людей. Турки обстрѣливаютъ село, покрытое клубами сѣроватаго шрапнельнаго дыма. Но вотъ, минутъ черезъ тридцать, по селу начинается подниматься, какъ громадный кусокъ желто-коричневатой ваты— загорѣлось!

Спускаюсь ниже. На выступѣ скалы, точно нарочно высѣченной для этой цѣли, примостился генералъ, начальникъ VI дивизіи. Кругомъ офицеры. Дальше солдаты держатъ лошадей. Подъ скалой пристроились два телефониста, съ навѣшенными на уши аппаратами. Передъ генераломъ на землѣ, придерживаемая камешками, лежитъ

громадная карта. Генералъ здоровается и говоритъ:

— Смотрите, у насъ не было точныхъ свѣдѣній; и вотъ, турки снабдили насъ точнѣйшей картой съ масштабомъ верста въ дюймѣ. На ней нанесены всѣ новѣйшія укрѣпленія. Эту карту, какъ громадную простыню вощеной бумаги, нашли въ Чекмедже три дня назадъ. Очень удобно слѣдить за боемъ.

Адъютантъ обращаетъ вниманіе генерала на тотъ пунктъ, гдѣ обстрѣливали цѣпь и флангъ и гдѣ число бредущихъ назадъ раненыхъ все увеличивается. Генералъ приказываетъ передать по телефону распоряженіе, чтобы одна изъ батарей выдвинулась на помощь.

— Алло! Алло!..

Молчаніе.

— Алло! Алло!..

Если петербургскіе обыватели сердятся на телефонныхъ барышень, когда онѣ долго не отвѣчаютъ,—то представьте себѣ, какъ бьютъ по нервамъ здѣсь эти тщетные «Алло».

Минутъ черезъ пять телефонистъ добился своего, но потерялъ голову, потому что закончивъ передачу приказанія, сталъ настой-

чиво спрашивать въ аппаратъ, кто передалъ телефонограму, и повторилъ это разъ десять, пока офицеръ не подсказалъ ему, что надо спросить, кто принялъ, а не кто передалъ.

Генералъ все время имѣлъ очень довольный видъ и не совѣтовалъ мнѣ ѣхать впередъ. Я не послушался.

Самый городъ имѣетъ вымершій, необычный видъ. На всѣхъ крышахъ лѣпятся солдаты и обозники, глазѣющіе на сраженіе. За городомъ идетъ шоссе къ станціи, на которомъ уже посвистываютъ пули. Сосчитавъ штукъ десять шрапнелей, я рѣшилъ, что впередъ ѣхать безцѣльно; все равно, видишь меньше, чѣмъ съ горы.

Когда я возвращался домой, то встрѣтилъ санитаровъ, все еще стоящихъ съ биноклями. Дождь мѣшалъ хорошо видѣть, но мнѣ показалось, что одинъ миноносецъ опустился низко въ воду. Вдали все еще виднѣлся броненосецъ и разъ въ пять минутъ стрѣлялъ изъ колоссальной, судя по звуку, пушки. Попробуйте булыжникомъ передавить 100 тысячъ муравьевъ, разбѣжавшихся по десятинѣ. Такимъ же глупымъ за-

нятіемъ казалась стрѣльба броненосца «Хамидіе».

Вернувшись домой, я сталъ спрашивать о результатахъ боя. Но болгары отмалчивались.

Кады-Кіой. 5 ноября.

Сегодня получилъ первое письмо изъ дому. Первая телеграмма пришла 28-го октября, а отправлена она была шестнадцатаго октября. На ней было написано: «срочная». Корреспондентъ московской газеты разсказалъ мнѣ по этому поводу, что онъ получилъ отъ своей газеты срочную телеграмму такого содержанія: «Постарайтесь ускорить доставку вашихъ телеграммъ». Онъ отвѣтилъ въ Москву: «Вашу срочную телеграмму получилъ на двадцать второй день. Постарайтесь ускорить доставку выговоровъ».

Мы здѣсь живемъ вообще не то на воздушномъ шарѣ, не то на необитаемомъ островѣ. Послѣдняя газета, которую мы получили, вышла въ свѣтъ 13-го октября. Въ ней приведены цитаты изъ какой-то рѣчи Пуанкарэ. Объ этой рѣчи Пуанкарэ весь штабъ разговариваетъ уже вторую недѣлю, ибо больше не о чемъ разговаривать. Мы не знаемъ: взято ли Скутари? Каковы успѣхи сербовъ

и болгаръ? Чѣмъ кончилась осада Адріанополя? Какое впечатлѣніе произвели балканскія побѣды на Россію и на европейскія державы?

Ничего, абсолютно ничего не знаемъ.

Вчера докторъ получилъ письмо изъ Софіи на тринадцатый день. Его поздравляли и говорили:

— Должно быть, это письмо попало на очень бойкаго буйвола, что оно такъ скоро сюда пріѣхало.

Кады-Кіой. 6 ноября.

Полевой перевязочный пунктъ. Это—такое мѣсто, которое располагается верстахъ въ семи отъ боя, немного сзади шрапнелей. Дальше, верстахъ въ двадцати, ставятъ «польскую» (т.-е. полевую) больницу: — тамъ работаютъ внимательнѣе. На пунктѣ же—первая перевязка; только бы остановить кровь.

Большая четырехъугольная палатка съ флагомъ Краснаго Креста. Полъ—земля. Усыпана плохо выметенной соломой, сучками, остатками навоза. Вообще земля, какъ земля. Очень чистая—если ходить по ней въ болотныхъ сапогахъ; совсѣмъ не чистая, если смотрѣть на нее какъ на полъ для операціоннаго зала. По стѣнамъ палатки поставлены

столы съ кюветками, липкимъ пластыремъ, инструментами, ватой. Въ глубинѣ открыты два большихъ сундука, изъ которыхъ ежеминутно вынимаютъ то пакеты, то банки. Между сундуками сидитъ фельдшеръ съ книгой; записываетъ имена раненыхъ.

Столовъ операціонныхъ нѣтъ. Перевязки дѣлаются стоя, или на землѣ. Одинъ изъ докторовъ ухитрился достать полусломанный табуретъ. Это уже роскошь.

У входа толпятся раненые,—тѣ, которые пришли и приползли сами. Заглядываютъ подъ пологъ палатки, тѣснятся. Скрюченные, свалившіеся; кое-кто опирается на ружье, на палку; подтаскиваются на рукахъ. Но эти—еще не скоро увидятъ царство небесное перевязочной палатки. Они пришли *сами*, значитъ ранены легко. Раздвигая ихъ молчаливую толпу, какъ нищихъ на паперти, проносятъ тяжелыхъ, истекающихъ кровью; офицеры и унтеръ-офицеры также имѣютъ преимущество. «Легкіе» стонутъ, вытягиваютъ шеи, пожимаются; ждутъ.

Вносятъ раненаго. Его правый сапогъ представляетъ собой безформенную массу запекшейся крови, грязи, кожаныхъ лоску-

товъ и тряпокъ. Фельдшеръ въ бѣломъ (?) халатѣ, изъ-подъ котораго страннымъ образомъ мелькаютъ сарвули (кожаные лапти), начинаетъ снимать сапогъ. Стоны. Но это еще только начало. Надо снять онучи, слипшіяся съ разорванной ногой въ одно нераздѣльное цѣлое. Тянетъ медленно. Не отстаетъ. Больной стонетъ. Разъ! Лоскутъ дерюги съ трескомъ отрывается отъ раны: свѣжая, алая кровь выступаетъ наружу и каплетъ на землю, Раненый—большой, ражій дѣтина—оскаливаетъ зубы, закатываетъ глаза, заворачиваетъ руки куда-то за спину—неизвѣстно для чего. Разъ! разъ! Потомъ щипцами: разъ! Раненый не стонетъ: хрипитъ. Докторъ въ желтыхъ резиновыхъ перчаткахъ склоняется къ нему и щупаетъ.

— Ой, докторе,—умоляюще вскрикиваетъ несчастный.

Докторъ щупаетъ и надавливаетъ.

— Ой, ой, ой...

— Іоду.

Мажетъ. Опять стоны.

— Рваная рана въ нижней трети ноги. Шрапнель вышла черезъ пятку,—медленно выговариваетъ докторъ.

Фельдшеръ повторяетъ безстрастно и записываетъ.

— Какого полка, какой роты?

Раненый отвѣчаетъ слабымъ, отсутствующимъ голосомъ.

— *Ступай*. Слѣдующій.

«Ступай!» Нечеловѣческой насмѣшкой звучитъ это слово.

Раненый встаетъ со стула. Начинаетъ поправлять штаны. Балансируетъ на одной ногѣ. *Не можетъ*. Крючится. Вытягиваетъ больную ногу, со страшными усиліями садится на землю. Ему никто не помогаетъ: не до него! Завязываетъ сверхъ марли грязную тряпку, ползетъ къ выходу. По дорогѣ лежитъ палка: ее положилъ «слѣдующій». Ползущій, украдкой отъ товарища, притягиваетъ къ себѣ палку. Другой, вѣдь, нѣтъ. Наваливается на нее, привстаетъ. Кража?— не знаю.

Но я знаю, что съ палкой онъ пройдетъ до станціи желѣзной дороги (28 верстъ) трое сутокъ, а безъ палки—недѣлю. Лишніе четыре дня представляютъ для него, вѣроятно, гнойное зараженіе, гангрену, потерю ноги. При такихъ условіяхъ, какъ-то не хочется обвинять въ кражѣ того, кто взялъ

чужую палку (строго говоря, государство могло бы дать *каждому* раненому въ ногу если не повозку, то хоть палку... Но объ не стоитъ говорить: война!).

«Слѣдующій». Раненъ въ спину. Снимаетъ мундиръ, дѣлая головой и руками цѣлый рядъ ненужныхъ, лишнихъ движеній: *лишнихъ* для здороваго. Рубашка перевязана длиннымъ домодѣльнымъ тканымъ поясомъ въ родѣ подпруги. Разматываютъ. Вся рубашка заскорузла отъ крови: снятая, сохраняетъ форму спины. Опять желтыя перчатки. Опять стоны; закрываетъ рукой глаза; вѣтеръ обвѣваетъ тощее, голое тѣло.

— Дайте катетеръ, дайте катетеръ,—слышится въ другомъ углу обозленный голосъ хирурга.

Фельдшера мечутся, роются въ сундукахъ.

— Неужели катетера нѣтъ?

Проходитъ пять минутъ въ безтолковыхъ поискахъ.

— Да банку дайте...

Фельдшеръ подноситъ небольшой сосудъ.

— Другую! Два литра, по крайней мѣрѣ,—нервничаетъ хирургъ: онъ вѣдь три

дня лежалъ на полѣ. Посмотрите, какъ раздулся мочевой пузырь.

Слѣдующій, — спокойно разворачиваетъ ногу: одно изъ бедеръ раздулось втрое, по сравненіи со здоровымъ. Багрово-синее. Запахъ. Гангрена. Докторъ мажетъ какой-то водицей.

— Ну, у тебя пустяки. Слѣдующій.

Слѣдующій на носилкахъ. Закрытъ шинелью. Докторъ приподнимаетъ ее. Лежитъ ничкомъ. Картечь, очевидно, попала въ нижнюю часть спины и вырвала мягкія части. Видна только сплошная кровавая масса, посреди которой сгибается какой-то отростокъ.

Докторъ безстрастно беретъ рукой и выдавливаетъ: калъ.

— Это у него отростокъ прямой кишки.

Больной вздрагиваетъ всѣмъ тѣломъ, икаетъ.

— Слѣдующій.

Этого даже не мажутъ водицей.

А толпа у входа все увеличивается и увеличивается. Доктора начинаютъ вторую банку іода. Фельдшеръ безстрастнымъ голосомъ повторяетъ діагнозы и строчитъ. Слѣдующіе подходятъ, раздѣваются, стонутъ.

И какъ всегда,—появляется *нѣкто*, самой судьбой посланный для того, чтобы подчеркнуть трагизмъ положенія. На этотъ разъ—священникъ.

— Дайте, пожалуйста, химическій карандашъ.

У доктора нѣтъ химическаго карандаша.

Священникъ—большой, черный, неуклюжій—протискивается между раненыхъ и докторовъ къ столу фельдшера. Подъ мышкой у него небольшой крестъ изъ двухъ сколоченныхъ досокъ.

Онъ ищетъ химическій карандашъ, чтобы покрѣпче написать на крестѣ имя скончавшагося. И, толкаясь, онъ задѣваетъ доской то того, то другого раненаго.

Синекли. 7 ноября.

Сегодня я выѣхалъ изъ Чаталджи назадъ, считая, что на этой линіи война кончена. Весело и бодро прощался со своими спутниками по походу; желѣзная дорога, какъ мнѣ сообщили утромъ, довела первый поѣздъ до ст. Синекли; отъ Чаталджи до Синекли всего 28 верстъ; разъ на желѣзнодорожномъ пути—достигнуть Лозенграда мнѣ казалось игрушкой. Весело и какъ бы

шутя пустился я въ путь: возможность вернуться домой сразу приблизилась, сдѣлалась реальной. Если не вернуться домой, то хоть *направляться* домой! И это уже великое наслажденіе. Хорошо было на душѣ!

Село Синекли лежитъ, не доѣзжая до станціи, того же имени, версты на три. Оно насъ встрѣтило непріютно. Издали завидѣли мы бѣлые балахоны докторовъ и санитаровъ, бродившихъ по селу. Направо были сгруппированы арбы и палатки походной больницы. Нѣсколько налѣво, санитары набрасывали ряды земельныхъ холмовъ: могилы. Я насчиталъ девять. Изъ села шелъ рядъ бѣлыхъ фигуръ, таща носилки съ новыми покойниками. Холерные: плѣнные турки. Разъ—два—пять—восемь. Еле покрыты.

Прямо передъ нами пылало два пожара: *дезинфекція*. Потомъ увидалъ еще два дома, около которыхъ суетились санитары, усердно разжигая угли: сдѣлать пожаръ вовсе не такъ легко... Непріятно ѣхать мимо такихъ домовъ.

Ряды мѣстныхъ мужиковъ ходили по улицамъ, разметая вѣниками мусоръ направо и налѣво. Нàбольшій шелъ сзади и заостren-

ной палкой подковыривалъ крупныя нечистоты (полусгнившую собаку, позеленѣвшіе потроха овцы и т. д.) такимъ образомъ, чтобы онѣ, сдѣлавъ краткую траэкторію, падали за ближайшій заборъ и скрывались отъ глазъ начальства.

Все это не предвѣщало ничего хорошаго.

Рѣшилъ brûler, какъ говорятъ французы, это зараженное гнѣздо—и ѣхать, наудачу, прямо на станцію. Темнѣло: назадъ было бы не выбраться: приходилось, значитъ, идти на авось; будетъ на станціи какое-нибудь несожженное помѣщеніе — хорошо; не будетъ—ночевать, гдѣ попало. Только бы скорѣе увидѣть рельсы. Такой тоже бываетъ гипнозъ.

Станція готовила намъ разные сюпризы. Это была станіця, только что увидавшая первый болгарскій паровозъ: мостъ, открывающій къ ней доступъ, окончательно укрѣпили всего прошлою ночью. Это была станція, на которой еще не было ни начальства, ни организаціи, ни запасовъ хлѣба, ни—что̀ самое ужасное—воды. Это была станція, на которую пригнали первые два десятка вагоновъ. А вагоны взяли штурмомъ раненые. Бѣгалъ какой-то поручикъ, именовавшій себя

комендантомъ: но его, вѣроятно, и днемъ никто не слушалъ. А подъ вечеръ, когда общая сѣрость скрываетъ внѣшнія погремушки чиновныхъ отличій и когда человѣкъ отличается отъ человѣка только голосомъ—бѣдный комендантъ совсѣмъ завялъ: на все отвѣчалъ безнадежнымъ взмахиваніемъ рукъ. Черезъ полчаса онъ скрылся—и найти его въ неизвѣстномъ зданіи, ночью, безъ свѣта оказалось столь же невозможно, какъ выиграть двѣсти тысячъ. Сотни людей ходили, останавливались другъ передъ другомъ, заговаривали, спрашивали, злились...

И никто ничего не зналъ.

Придетъ ли паровозъ сегодня? Когда? Завтра? Привезетъ ли онъ новые вагоны? Поѣдетъ ли онъ обратно? Когда? Какъ далеко? Что̀ дѣлать съ лошадьми (а у меня было ихъ пять)? Чѣмъ ихъ накормить? Гдѣ ихъ поить? Располагаться ли спать? Ждать ли еще?

Никто ничего не зналъ.

Знали только одно. И всѣ это другъ другу говорили.

За станціей стоитъ маленькая джаміе (мечеть) съ игрушечнымъ минаретомъ; аршинъ въ десять, не больше. Такъ, тамъ—и

въ мечети и около мечети—свалены холерные и тифозные. Это всѣ знали. Джаміе обходили шаговъ на сорокъ: больше было нельзя—болото.

Къ этой части ночи относится одно ужасное мое воспоминаніе. Пустяки—скажутъ мнѣ. Нѣтъ: *тогда и тамъ* не пустяки. И пусть та цѣль, во имя которой я пишу объ ужасахъ войны—послужитъ мнѣ извиненіемъ, если я скажу нѣсколько словъ даже и объ этомъ воспоминаніи.

Около джаміе на полдорогѣ къ станціи я замѣтилъ небольшой домикъ, вродѣ сторожки. Такъ какъ на станціи спать было абсолютно негдѣ, я рѣшилъ осмотрѣть эту сторожку: нельзя ли въ ней устроиться на ночь? Сыро, вѣдь, холодно; да и ревматизмъ даетъ себя знать...

Вокругъ сторожки виднѣлся небольшой кругъ, посыпанный какъ бы свѣтлымъ пескомъ: такъ, по крайней мѣрѣ, казалось при мерцаніи звѣздъ.

Подойдя шаговъ на восемь, я вдругъ отшатнулся и похолодѣлъ. Сторожка была отхожимъ мѣстомъ для всѣхъ кандидатовъ на холеру и тифъ. То, что̀ мнѣ показалось кругомъ желтаго песочка,—въ дѣйствитель-

ности являлось маленькимъ озеркомъ жидкихъ человѣческихъ испражненій. Этого озерка было достаточно для того, чтобы заразить всю Европу. Въ ужасѣ отпрыгнувъ, я пошелъ, обливаясь потомъ...

А голодъ давалъ себя знать. Надо ѣсть: иначе потеряешь силу и сдѣлаешься еще болѣе воспріимчивымъ къ болѣзнямъ.

Надо ѣсть. Легко сказать! Каждая вещь кругомъ пропитана холернымъ и тифознымъ ядомъ. Рукъ не подносишь къ лицу, ибо онѣ *конечно* трогали холерныя вещи, холерной рвотой забрызганные предметы. И, *главное*, вымыть руки нечѣмъ, воды нѣтъ; нѣтъ воды также и для чая. Какъ ѣсть сухой, тринадцатидневный хлѣбъ, не запивъ его хоть глоткомъ горячей жидкости?

Ужасно. Хочется лечь на землю, отчаяться, поставить на себѣ крестъ, не бороться, сказать смерти, какъ въ пошломъ анекдотѣ: «бери, твое счастье». Хочется плакать, кричать, биться...

И вдругъ нелѣпая мысль: а вотъ, прилетитъ русскій аэропланъ и возьметъ прямо въ Софію... Смѣшно: сѣдые волосы,—а надѣешься на какой-то аэропланъ! Впрочемъ, больше надѣяться не на что. Желѣзная до-

рога явно безсильна. Автомобили по этимъ дорогамъ ночью не пройдутъ. Только аэропланъ можетъ вывезти изъ такого Богомъ проклятаго мѣста.

Денщикъ откуда-то раздобываетъ два стакана воды; отъ нея пахнетъ анисомъ и карболкой. Долго не рѣшаюсь даже кипятить ее. Потомъ вѣра въ науку беретъ свое. Раскладываемъ огонь. Кипятимъ, долго, настойчиво, звѣрски. Говорятъ, что надо добиться кипѣнія «ключомъ». Самъ открываю чайникъ и смотрю: клокочетъ, взметывается вода. Всѣ ли эти проклятые вибріоны сварились? Кипячу до выпариванія, почти двадцать минутъ. Наука говоритъ, что на этой высотѣ (не больше ста метровъ) всѣ бактеріи должны были погибнуть...

Завариваемъ. Бактеріи, можетъ быть, погибли. Но ужасный запахъ остался. Карболка, анисъ и чай. Тошнитъ—но пьемъ. Отчего пахнетъ карболкой? Ужъ не раны ли ею промывали?

Лучше не думать...

Аэропланъ не прилетитъ, поѣздъ не придетъ, кругомъ тифъ и холера, дѣваться некуда.

Надо покориться судьбѣ. Противъ Войны бороться нельзя. Надо спать тутъ.

Черкезъ-Кіой, 8 ноября.

Не то ночью, не то утромъ на разсвѣтѣ, пришелъ паровозъ, таща за собой какія-то платформы.

Долой сонъ! Только бы забраться въ вагонъ и сѣсть.

У меня съ собой была офиціальная бумага за подписью командующаго арміей:—«на всичкитѣ коменданти». Приказывалось помогать и содѣйствовать: мнѣ, денщику, лошадямъ, багажу. До сихъ поръ такія бумаги всегда оказывали на начальство полное дѣйствіе: офицеры дѣлали подъ козырекъ и исполняли; умно, быстро, цѣлесообразно. Но для того, чтобы бумага оказала свое дѣйствіе на начальство, необходимымъ условіемъ является,—прежде всего,—наличность именно начальства. А когда единственный (да и то не авторитетный) комендантъ спрятался отъ толпы,—тогда бумага становится именно лоскуткомъ бѣлаго, никому неинтереснаго вещества. Легко сказать: сдѣлай изъ нея символъ власти,—когда нѣтъ фонаря, при которомъ ее можно бы бы прочитать... Да никому, кромѣ того, и не охота ее читать!

Начинала выясняться грозная истина. Сѣсть или не сѣсть, поѣхать или остаться *будетъ зависѣть только отъ своихъ собственныхъ мускуловъ*.

На станціи было три пути. На каждомъ пути стоялъ почти готовый «тренъ» изъ вагоновъ, набитыхъ ранеными. Солдаты разсѣлись наудачу: которые-нибудь изъ вагоновъ будутъ же захвачены паровозомъ...

Машинистъ началъ дѣлать какіе-то маневры. Какая была ихъ цѣль—я уловить не могъ. Паровозъ переходилъ съ линіи на линію: и каждый разъ, какъ онъ прицѣплялся къ вагонамъ, происходила страшная сцена. Раненые, занявшіе мѣста на двухъ другихъ путяхъ, бросались къ «готовому» поѣзду и старались попасть въ него. Закрытые вагоны и открытыя платформы давали находившимся въ нихъ раненымъ достаточную защиту: если все полно и если никакими ногтями нельзя прицѣпиться къ ногамъ и рукамъ, висящимъ гирляндами вокругъ платформы—то не станешь настаивать; очевидность остановитъ. Но были платформы съ высокими бортами: почти какъ товарные вагоны, только безъ крыши. Въ этихъ полуплатформахъ твори-

лось что-то ужасное. По стѣнѣ можно было лѣзть: внутри сидящіе не въ состояніи были этому воспрепятствовать. А потомъ, съ верха стѣны можно было прыгать внутрь. Вы представьте себѣ, что на днѣ такой полу-платформы устроился человѣкъ съ разможженной рукой или ногой, или съ простр ѣленнымъ черепомъ. И вотъ, съ высоты десяти футовъ, въ темнотѣ, въ сутолокѣ, на него прыгаютъ люди, можетъ быть попадающіе сапогами именно въ больную голову, именно въ разможженную руку... Крики, вой, проклятія, какія я слышалъ въ эту ночь внутри полу-платформъ, еще и сейчасъ чудятся мнѣ по ночамъ. Когда человѣкъ понялъ, что для спасенія жизни у него осталось только одно средство: *кричать*,—онъ находитъ въ своемъ горлѣ такую новую гамму, такія адскія интонаціи, съ которыми нигдѣ, ни при какихъ другихъ условіяхъ познакомиться нельзя.

Скоро я выяснилъ себѣ одно: даже если я найду пустой вагонъ, даже если я самъ прицѣплю его къ поѣзду,—погрузить пять лошадей я не буду въ состояніи. Волна все прибывавшихъ раненыхъ собьетъ меня съ ногъ, растопчетъ, но не позволитъ везти

лошадей. Черезъ три минуты рѣшеніе мое было готово: бросить лошадей на произволъ судьбы; пусть ихъ гонитъ каруцаръ по способности.

Кое-какъ ухитрились мы съ Алексѣемъ перетаскать багажъ и засѣсть въ одинъ товарный вагонъ, въ которомъ уже заняли мѣсто нѣсколько офицеровъ. Запрятались въ углу, имѣя съ одной стороны какія-то сѣдла, а съ другой—умирающаго болгарина; сидѣли мы часа два, мотаясь при толчкахъ все маневрировавшаго поѣзда и надѣясь на отъѣздъ.

Кончилось тѣмъ, что машинистъ недосмотрѣлъ контрольной трубки. Воды у него вдругъ оказалось меньше установленной нормы. На этой станціи другой воды достать было нельзя.

Машинистъ выпустилъ остатокъ пара, потушилъ топку и легъ спать на угольяхъ.

Мы остались на своихъ мѣстахъ, дорожа ими какъ зѣницей ока. Вставало солнце. Мы жались и тряслись. Никто не зналъ: какъ мы поѣдемъ и когда мы поѣдемъ...

Утромъ пришелъ новый поѣздъ съ новымъ паровозомъ. Мнѣ сказали, что въ этомъ поѣздѣ пріѣхалъ А. И. Гучковъ.

При всякихъ другихъ обстоятельствахъ я былъ бы страшно радъ увидать свѣжаго человѣка, только что пріѣхавшаго изъ Россіи; узнать новости... Но въ это утро мнѣ было все равно. Холодно было, знобило. Начиналось какое-то угнетающее безразличіе. Я не тронулся изъ своего угла, не подалъ голоса. Гучковъ прошелъ мимо моего вагона, не зная о моемъ присутствіи.

Поѣхали. Болгаринъ-инженеръ качалъ головой.

— Мы починяли мосты для пропуска одного локомотива, а не двухъ...

(Намъ вѣдь приходилось тащить потушенный локомотивъ, какъ мертвый грузъ).

— Провалимся?

— По моему, обязательно. Вѣдь всѣ «починки» состоятъ просто изъ сложенныхъ накрестъ шпалъ.

Однако, проѣхали. Добрались до станціи Черкезъ-Кіой. Паровозъ опять сталъ дѣлать маневры, безъ конца: для посторонняго глаза—и безъ смысла.

Меня знобило все больше и больше. Со страхомъ вытащилъ термометръ; взялъ въ ротъ. Раздѣваться было негдѣ. Черезъ четверть часа вытащилъ и съ трепетомъ

посмотрѣлъ. Тридцать восемь и пять... Скверно.

— Ваше благородіе, этотъ вагонъ отцѣпляютъ, дальше онъ не пойдетъ,—припришелъ съ радостною вѣстью Алексѣй.

Началось судорожное бѣганье отъ вагона къ вагону: безъ толку, безъ возможности сдѣлать толково. Ибо никто опять ничего не зналъ; на мою долю выпало таскать два легкіе чемодана—но при повышенной температурѣ всякая мелочь кажется грузной. Силы падали. Я обливался потомъ. Устроился на открытой платформѣ: больше ничего не было.

Ѣхать неизвѣстно сколько верстъ—около ста—на открытой платформѣ, имѣя на спинѣ промокшую до нитки рубаху и почти тридцать девять температуры? Это была вѣрная смерть. Рѣшился на послѣднее средство. Тутъ же, на открытомъ воздухѣ, снялъ все мокрое, надѣлъ другую фланелевую рубашку, завернулся въ бурку: будь, что̀ будетъ.

На станціи Чорлу меня перевели въ закрытый товарный вагонъ. Легъ на какой-то полокъ, хотѣлъ заснуть. Не тутъ-то было. Такъ какъ вагонъ оказался ближай-

шимъ къ паровозу, то ему пришлось опять продѣлывать всѣ маневры. И это продолжалось четыре часа! Впередъ, остановка,

назадъ, толчокъ объ остальные вагоны. Впередъ, остановка, толчокъ, и т. д. Тяжело это терпѣть при повышенной температурѣ.

А болгары занимались разговорами.

— Въ Чандѣ полно холерныхъ. Докторъ занялъ дома всѣ, безъ исключенія...

— Да, много мретъ.

— Христовъ померъ.

— Иванчева рвало, рвало и померъ.

— Здѣсь, въ Чорлу, тоже много холерныхъ и тифозныхъ. Сынъ Сарафова лежитъ въ тифѣ; докторъ только чаемъ поитъ...

— Даже бѣлья нѣтъ.

— Да, бѣлья нѣтъ.

— У насъ въ ротѣ двадцать человѣкъ подъ-рядъ померло.

Особенно отличался одинъ солдатъ,— большой, рыжій, раненый въ ногу. Онъ наѣлся чесноку человѣкъ за пятерыхъ (всѣ болгары убѣждены, что чеснокъ предохраняетъ отъ холеры) и громкимъ, какъ труба, голосомъ, покрывавшимъ визгъ тормозовъ и пыхтѣніе паровоза, съ особеннымъ смакомъ выговаривалъ:

— Петковъ помираетъ... Рветъ ужасно... Ракчевъ померъ... Еще Иванисовъ помретъ.

Померъ, померъ, убитъ, померъ... Эта симфонія смерти начинала стучать у меня въ ушахъ какимъ-то кошмарнымъ образомъ. Мнѣ почему-то все хотѣлось пред-

ставить себѣ красивый фасадъ зданія, а мерещились дикіе декадентскіе мотивы съ голубыми круглыми углами.

— А вотъ это ничего?—спрашивалъ раненый, лежавшій рядомъ со мною.

— А что?

Онъ развернулъ рану на внѣшней части бедра, большую.

— У меня изъ этой раны все идетъ гной и калъ.

— Ничего!—говорили другіе раненые.

— Зашьютъ?

— Зашьютъ, конечно.

(Это прямую-то кишку!)..

Другой раненый съ простр҃ленной головой (у него подъ глазами были два колосальныхъ мѣшкообразныхъ подтека, изъ уха сочилась кровь)—ничего не говорилъ, по временамъ вдругъ закидывалъ руки и начиналъ выкрикивать слова съ какою-то безумною, нечеловѣческою быстротой, не то лая, не то производя языкомъ трескъ палки, проводимой по частоколу.

— Станчовъ вчера мочился—докладывалъ кто-то въ углу—и вымочился пулей.

— Помретъ.

— Да, помретъ. Уже икаетъ.

— Въ нашей ротѣ много померло.

— И въ нашей много померло.

Паровозъ все дѣлалъ маневры.

Господи! спаси меня отъ этихъ ужасовъ! Дай мнѣ доѣхать до Лозенграда! Только до Лозенграда—до русской больницы.

Я приподнялся. Въ этотъ моментъ я отчетливо почувствовалъ, что меня начинаетъ сильно тошнить. Все остальное совер-

шилось въ какія-нибудь двѣ минуты — но какія! Ужасъ охватилъ меня: если вырветъ— толпа не позволитъ везти меня въ Лозен-

градъ. Холера или не холера, но меня оставятъ въ Чорлу, безъ бѣлья, на сырой землѣ, почти безъ ухода. Нечеловѣческимъ усиліемъ я схватилъ флягу съ коньякомъ и хлебнулъ, стараясь удержать движеніе желудка. Коньякъ обжегъ внутренности. Это было послѣднее впечатлѣніе...

Я очнулся на полу вагона, послѣ обморока, весь въ поту. Кругомъ какіе-то люди; Алексѣй держалъ меня подъ мышки и, полуплача, повторялъ:

— Ваше благородіе, ваше благородіе...

Первымъ дѣломъ я посмотрѣлъ кругомъ. Рвоты не было.

— Алексѣй, ни за что не оставляй меня здѣсь. Вези въ Лозенградъ, въ Кауфманскую общину. Понялъ?

— Такъ точно!

Я опять впалъ въ полузабытье.

Передо мной было еще десять часовъ пути въ товарномъ вагонѣ. Температуры я больше не мѣрялъ...

Случился еще одинъ обморокъ. Но въ два часа ночи я попалъ на койку русской больницы и, дрожа всѣми мускулами, сталъ засыпать.

Лозенградъ. 18 ноября.

Самою слабою частью въ болгарскомъ войскѣ неоспоримо приходится считать санитарію. Это произошло по двумъ причинамъ.

Первая изъ нихъ заключается въ факторахъ экономическихъ. Разводя руками передъ удивительными успѣхами, достигнутыми болгарами въ одинъ мѣсяцъ, мы какъ-то стали забывать, что войну въ Адріанопольскомъ вилайетѣ все-таки вело маленькое государство, общимъ количествомъ населенія едва превышающее совокупность населенія Петербурга и Москвы. Понятно, что когда это маленькое и небогатое государство рѣшилось начать столь дорогое предпріятіе, какъ война, оно обратило главныя затраты на самое необходимое, оставивъ нѣсколько въ тѣни вещи важныя, но все-таки не принадлежашія къ категоріи «самыхъ необходимыхъ». Экономія въ Болгаріи доведена до того, что послѣ окончанія боя солдаты подбираютъ въ окопахъ стрѣляныя ружейныя гильзы. Эти гильзы отправляются въ Софію, калибруются и снова превращаются въ патроны. Въ Болгаріи каждая копѣйка дорога. А именно санитарная часть сто-

итъ такъ ужасно дорого! Когда есть, какъ теперь у Чаталджи, опасность возникновенія желудочныхъ болѣзней,—первое и основное правило санитаріи заключается въ томъ, чтобы не пить непроваренной воды. А какъ это сдѣлать? Въ болгарской арміи (кромѣ, кажется, одного полка) нѣтъ походныхъ кухонь. Всякій военный человѣкъ пойметъ, что давать при такихъ условіяхъ кипяченую воду войскамъ почти невозможно. Въ особенности это было невозможно въ періодъ движенія армій отъ Люле-Бургаса къ Чаталджѣ. Обозъ едва поспѣвалъ догонять свои части къ поздней ночи. Горячую пищу варили одинъ разъ въ день; а потомъ опять вьючили закоптѣлые котлы на повозки и опять гнали обозъ все впередъ, все впередъ. Гдѣ ужъ тутъ было думать о варкѣ воды?

При такихъ условіяхъ немудрено, что въ походные госпитали пріобрѣтены были,—да и то въ минимальномъ количествѣ,—лишь немногія изъ тѣхъ вещей, которыя въ настоящее время считаются необходимыми съ точки зрѣнія правильнаго лекарскаго искусства. Я уже писалъ въ одной изъ своихъ корреспонденцій, что полевые болгарскіе го-

спитали не имѣютъ перевязочныхъ столовъ. Мѣстами дѣло обстояло еще хуже. На станціи Синекли молодой докторъ—не то со слезами отчаянія, не то съ ироніей—говорилъ мнѣ:

— Дали мнѣ здѣсь сотню тифозныхъ и дизентеричныхъ, а лекарствъ опустили только висмута двадцать граммъ. Что же я буду дѣлать?

Вторая причина имѣетъ, такъ сказать, моральный характеръ. Я считаю своимъ долгомъ изложить и ее, но хотѣлъ бы сдѣлать это такъ, чтобы никого не обидѣть.

Болгарія — страна молодой культуры. Рабство въ ней уничтожено 35 лѣтъ назадъ. Интеллигенція едва-едва насчитываетъ два поколѣнія. Если вы встрѣтите доктора, у котораго отецъ тоже былъ докторъ, то это уже совершенно чрезвычайная вещь. Въ странѣ съ молодой культурой прежде всего не можетъ быть достаточнаго количества культурныхъ работниковъ. Насколько мнѣ извѣстно, мобилизація привлекла въ войска рѣшительно всѣхъ болгарскихъ докторовъ. Въ какомъ нибудь Кюстендилѣ вы можете рычать отъ апендицита, но лечить васъ будетъ только собственная жена,

да бабушка. Недостатокъ докторовъ есть первое послѣдствіе молодой культуры.

Но, затѣмъ, есть еще и второе послѣдствіе, болѣе важное. Культура не создается по мановенію волшебнаго жезла. И, соотвѣтственно этому, не создается того, что называется культурной психикой. Болгары очень часто подсмѣиваются надъ нами, русскими, что намъ, молъ, «всѣхъ жалко»; имъ, болгарамъ, дѣйствительно, мало кого жалко. Въ особенности рѣзко это проявляется по отношенію къ больнымъ и раненымъ. Воинственность геройскаго балканскаго народа отражается въ этомъ отношеніи наиболѣе характернымъ образомъ: тотъ, кто заболѣлъ,—почти-что подлецъ, потому что онъ не можетъ исполнять своего служебнаго воинскаго долга. Тотъ, кто раненъ,—вѣрнѣе всего недогадливый вахлакъ; иначе онъ бы устроился такъ, чтобы не попасть подъ турецкую пулю. У насъ, въ Россіи, при видѣ больного или раненаго солдата всѣ сердца разверзаются, и симпатія течетъ потоками. Въ Болгаріи этого я не замѣчалъ. Когда мнѣ пришлось остановиться въ люле-бургасской мечети, обращенной въ госпиталь, передъ солдатомъ съ оторванной

рукой, докторъ потянулъ меня прочь и сказалъ:

— Ну, пойдемте дальше: этотъ уже сдѣлалъ свое дѣло; съ нимъ, все равно, кончена исторія.

А другой мой болгарскій пріятель такъ подчеркивалъ эту особенность болгарской психики:

— Когда упадетъ лошадь и подохнетъ, то приходитъ комиссіи и составляетъ актъ, съ выясненіемъ причинъ ея смерти; а когда умираетъ войникъ, его закапываютъ въ землю.

И удивительно то, что подобное,—какъ бы это сказать помягче?—*спокойствіе* проявляется не только по отношенію къ другимъ, но и по отношенію къ самому себѣ. Сынъ Сарафова, т.-е., значитъ, совершенно культурный человѣкъ изъ европейски образованной семьи, заболѣлъ около Чорлу тифомъ. И это ему сказали. Какъ слѣдуетъ поступать человѣку, который на войнѣ заболѣлъ тифомъ? Не долженъ ли онъ тотчасъ же считать себя выбывшимъ изъ строя и принять всѣ возможныя мѣры для скорѣйшаго излеченія? Не это ли есть единственно культурная точка зрѣнія?—Сарафовъ посмо-

трѣлъ на дѣло иначе: онъ пятнадцать дней, больной, исполнялъ свои обязанности и отказывался лечь въ госпиталь. Когда его, наконецъ, совсѣмъ скрутило, онъ, понятно, черезъ три дня попалъ въ могилу. Конечно, такое поведеніе напоминаетъ античные примѣры героизма. Но думаю, что меня поймутъ, если я,—съ полнымъ уваженіемъ къ памяти умершаго,—скажу: римляне были героями; но въ вопросахъ санитаріи и леченія они, конечно, уступали современнымъ культурнымъ людямъ.

Въ результатѣ получается, что въ Болгаріи смотрятъ на «отбросы боя» довольно жестокимъ образомъ. Леченіе, а въ особенности леченіе изысканное, художественное—представляется болгарамъ, какъ явная роскошь.

Этими предварительными замѣчаніями можно объяснить тѣ факты, которые мнѣ хотѣлось бы привести, какъ наиболѣе поразившіе мое воображеніе.

Около Лозенграда, верстахъ въ двухъ, расположена Кауфманская община и рядомъ болгарскій госпиталь. Двѣ сестры Кауфманской общины поѣхали на таратайкѣ въ городъ за покупками. Не доѣзжая версты

до города, онѣ обгоняютъ еле ползущаго впередъ болгарскаго солдата, съ перевязанной ногой. Посадили его на таратайку и разговорились.

Оказалось, болгарскіе санитары не любятъ исполнять даромъ порученія лежащихъ въ госпиталѣ раненыхъ: купить табаку, рубашку и т. д. Такъ вотъ,— раненые болгарскаго госпиталя и рѣшили: вмѣсто того, чтобы переплачивать мзду санитарамъ, *ходить* въ городъ *самимъ* больнымъ по-очереди. Для начала выбрали именно этого болгарина, какъ наиболѣе легко раненаго. Докторъ *не встрѣтилъ препятствій*. Вы, вѣроятно, спросите: какая у него была рана? Въ точности онъ объяснить не могъ. Во всякомъ случаѣ, сестры установили, что у него на лѣвой ногѣ, ниже колѣна, была гипсовая повязка. И съ этой гипсовой повязкой онъ пошелъ за покупками, двѣ версты впередъ, да двѣ версты назадъ.

Другой фактъ. Когда съ величайшими усиліями удалось переправить въ Лозенградъ двѣ русскія общины (Георгіевскую и Кауфманскую), одно высокопоставленное лицо выразило по этому поводу большое неудовольствіе и говорило:

— Болгарамъ нужны не лекаря и сестры милосердія, а патроны. Помилуйте: эти общины на шесть дней заняли для своихъ повозокъ 150 быковъ!

Соотвѣтственно этой точкѣ зрѣнія, ни одинъ иностранный госпиталь не былъ пущенъ болгарами дальше Лозенграда, т.-е. почти на 150 верстъ отъ Чаталджинской линіи. Можетъ быть, болгары и правы: говорятъ, что въ манчьжурской кампаніи устройство великолѣпныхъ госпиталей въ трехъ верстахъ отъ боевой линіи нерѣдко создавало величайшія затрудненія для военныхъ властей. Но между тремя верстами и ста пятьюдесятью километрами, конечно, есть что-то среднее. А между тѣмъ, болгары категорически отказываются пропускать госпиталя даже въ Чорлу. Отчего? Трудно сказать. Начало этой статьи, можетъ быть, дастъ нѣкоторый ключъ къ загадкѣ.

Штабъ 8-й дивизіи. 19 ноября.

Уѣхать съ войны, можетъ быть, еще труднѣе, чѣмъ пріѣхать на нее. Я уже писалъ раньше: при первой же попыткѣ попасть на поѣздъ, я натолкнулся на такую безпросвѣтную массу раненыхъ, что мнѣ пришлось

бросить трехъ лошадей съ сѣдлами, да еще двухъ—съ телѣгой, почти совсѣмъ на произволъ судьбы. До самаго момента отъѣзда изъ Лозенграда, я такъ и не получилъ свѣдѣній о моемъ каруццарѣ: надѣюсь, что онъ благополучно добрался къ себѣ домой. Въ тотъ ужасный день мнѣ пришлось, какъ милости, просить, чтобы мнѣ позволили влѣзать въ вагонъ черезъ окошко: даже на подножкахъ люди висѣли гроздями; а въ корридорѣ 14 часовъ подрядъ стоялъ живой заторъ людей, который лучше всего сравнить съ хорошо прессованной икрой, только не чернаго, а коричневаго цвѣта.

Изъ Лозенграда было три пути: назадъ на Ямболь—разъ; на Мустафа-пашу(конечный путь желѣзной дороги на Софію), мимо Адріанополя съ юга—два; туда же, но по линіи обложенія съ сѣвера—три. На Ямболь ѣхать не хотѣлось: дорога уже извѣстная всегда кажется хуже и тяжелѣе всѣхъ остальныхъ. Не можешь отдѣлаться отъ мысли, что *такъ* скверно нигдѣ не будетъ. Къ тому же, путь на Ямболь пересѣкаютъ довольно высокіе отроги горъ; если тамъ было очень холодно въ началѣ октября—то каково же будетъ ночевать безъ огня и безъ палатокъ въ

концѣ ноября? Рѣшилъ ѣхать на Мустафа-пашу и притомъ съ юга. Это представляло собой около 80 верстъ по желѣзной дорогѣ до станціи Димотика, плюсъ 60 верстъ неизвѣстно какъ и Богъ знаетъ на чемъ—до Мустафа-паши. Выѣзжая изъ Лозенграда, я предусмотрительно облегчилъ свой багажъ: бросилъ спальный мѣшокъ и походную постель, оставшись съ двумя маленькими чемоданами.

Поѣздъ отходилъ изъ Лозенграда въ семь часовъ утра. Для того, чтобы добраться изъ гостепріимной Кауфманской общины на вокзалъ—мнѣ пришлось встать половина пятаго. Ничего! Только бы скорѣе ѣхать. Когда мы явились на станцію, поѣздъ уже былъ готовъ къ отправленію; ждали только встрѣчнаго поѣзда изъ Димотики: путь вѣдь одноколейный. Около половины седьмого стало свѣтать. Громыхая желѣзомъ и мигая полупотухшими красножелтыми фонарями, подползъ, наконецъ, поѣздъ изъ Димотики. Слава Богу! Садитесь...

Не тутъ то было! Какъ только изъ вагоновъ полѣзли первыя заспанныя фигуры пассажировъ, верблюдообразныхъ подъ ношей мѣшковъ, сундуковъ и чемодановъ, по

станціи пронеслось какое-то колебаніе. Такъ:—ничего особеннаго. Точно отъ небольшого электрическаго разряда дрогнула компанія телеграфистовъ, кондукторовъ и начальствующихъ лицъ. Комендантъ станціи, которому доложили что то вполголоса, прибавилъ ходу и направился къ телеграфу.

Смотрю: навстрѣчу, въ кожаной курткѣ и тоже не безъ багажа, идетъ, хлюпая по грязи, Е. Н. Чириковъ; сѣрый, усталый, злой.

— Въ чемъ дѣло?

— Какъ въ чемъ? Выѣхалъ я вчера, батюшка, въ Димотику. А тамъ холера, объявленъ карантинъ. Во-первыхъ, отъ станціи до города нѣтъ никакого сообщенія, а во-вторыхъ, если пойдете пѣшкомъ, обѣщаютъ задержать на пять дней.

— Мнѣ говорили, что тамъ автомобили...

— Лысаго чорта тамъ нѣтъ...

— Какъ же дѣлаться?

— Пріѣдете на станцію и сидите тамъ дня два или три.

— А я сейчасъ собирался ѣхать.

— Сейчасъ поѣдете, а завтра вернетесь.

— Вотъ такъ исторія!

— Добрый я вамъ, батюшка, даю совѣтъ. Не ѣздите въ Димотику... Сами понимаете:

вернулся ли бы я оттуда безъ крайней надобности?

Аргументъ былъ убѣдителенъ.

Поѣздъ уже уходилъ. Комендантъ тоже уговаривалъ пассажировъ не ѣхать на Димотику. Перспектива потерять даромъ три дня устрашила меня. Мы выгрузили вещи изъ вагона; Алексѣй остался философически ихъ караулить; а я пошелъ три версты по грязи и жижѣ—до главнаго штаба.

Почти полдня ушло на ожиданіе, отыскиваніе начальствующихъ лицъ, писаніе бумагъ и т. д. Болгары, по обыкновенію, сдѣлали больше, чѣмъ было возможно: предоставили мнѣ автомобиль и снабдили открытымъ листомъ («на всичкитѣ власти»); если, молъ, автомобиль сломается, то устроить «иной способъ сообщенія».

Около часу дня, усѣвшись въ нетяжеломъ фаэтонѣ, мы уже покидали Лозенградъ. Въ автомобильномъ складѣ мои два шоффера (весьма молодые, не внушавшіе довѣрія мальчишки) взяли двѣ запасныхъ шины, мотокъ проволоки. Проволока мнѣ не понравилась: зачѣмъ можетъ понадобиться проволока хорошему автомобилю? Не понравилось мнѣ также и то обстоятельство, что лѣвая задняя

шина была не лишена какихъ-то очень серьезныхъ бахромокъ: точно надъ ней поработалъ хорошій бульдогъ. Я указалъ шоферу.

— Э, ништо.

Да! Забылъ сказать самое главное. Садясь въ автомобиль, я сдѣлалъ великую и непростительную глупость. Желая поощрить моихъ двухъ «войниковъ» и считая невозможнымъ даромъ пользоваться ихъ трудомъ, я похлопалъ одного изъ нихъ по плечу и сказалъ ему:

— Если сегодня вечеромъ мы пріѣдемъ въ Мустафа-пашу, я дамъ двѣсти левовъ.

Онъ посмотрѣлъ на меня недовѣрчиво.

— Сколько?

— Двѣсти.

По здѣшнимъ солдатскимъ условіямъ, двѣсти левовъ (75 рублей)—громадная, почти потрясающая сумма. Начинаю теперь думать, что именно чрезвычайная величина ея и была причиной всѣхъ послѣдующихъ бѣдъ. Когда шоферы, три раза переспросивъ меня, убѣдились, что я въ здравой памяти предлагаю имъ по сто левовъ на брата,—ихъ лица вдругъ сдѣлались какими то особенными. Во всѣхъ ихъ ухваткахъ стала проглядывать не то отчаянность, не то свирѣпость.

Бензина они такъ плеснули въ воронку, что пролили на землю не меньше литра; шины выхватили у завѣдывающаго складомъ почти на ходу; хрупкія «свѣчи» мотора позасовали прямо въ карманы; на свои мѣста сѣли вольтижемъ; и такъ съ мѣста пустили въ ходъ моторъ, что я тотчасъ же сталъ раскаиваться. На послѣднемъ поворотѣ передъ шоссе старшій изъ шоферовъ, позабывъ о рулѣ, еще разъ повернулся ко мнѣ и сказалъ:

— Двѣсти левовъ?

— Да, двѣсти левовъ,—подтвердилъ я уже совсѣмъ упавшимъ голосомъ.

Шоферъ двинулъ какой-то рычагъ; автомобиль прыгнулъ впередъ и понесся. Брызги грязной воды летѣли сажени на три въ сторону. Арбы, деревья, люди, волы — замелькали какъ въ кинематографѣ. Разъ! Разъ! Держаться на ухабахъ приходилось всѣми силами.

— Держись, Алексѣй,—едва выговорилъ я.

Алексѣй сказалъ:

— Я былъ наводчикомъ въ нашей батареѣ. Ка-акъ командиръ скомандуетъ «напа-зицію», да какъ пойдутъ ѣздовые чесать

чрезъ пни,—такъ куды!.. Вотъ тогда, бывало, дивствительно держались.

Ѣхали не плохо. Главное, скоро. Одинъ изъ чемодановъ соскочилъ со своего мѣста и на каждомъ ухабѣ отчаянно билъ меня по кости около колѣнки. О томъ, чтобы поправить его и положить на мѣсто не могло быть и рѣчи. Заднія колеса нашего автомобиля ежеминутно соскальзывали съ липкаго отъ грязи шоссе то вправо, то влѣво; это представляетъ большую опасность. Но шофферы, послѣ каждаго такого dérâpage'a, только поправляли фуражки, да нажимали на «ускоритель». Сорокъ верстъ промелькнули какъ сонъ; я чувствовалъ, что все мое тѣло разбито, но всетаки съ удовольствіемъ говорилъ себѣ: «на сорокъ верстъ стало меньше. Еще осталось только восемьдесятъ».

Дальше по шоссе ѣхать было невозможно: оно вело насъ къ передовой линіи обложенія и, затѣмъ, прямо въ осажденный Адріанополь. Приходилось сворачивать на сѣверъ и искать дороги вдоль позицій.

Легко сказать! Адріанополь лежитъ въ котловинѣ при сліяніи не только Марицы, Тунджи и Арды, но еще и безчисленнаго количества мелкихъ безымянныхъ рѣченокъ.

Слѣдовательно, тотъ, кто поѣдетъ вдоль самой Марицы, будетъ все время имѣть удобную, слегка подымающуюся дорогу,—все по низинамъ. Но тотъ, безумный, кто возьметъ верстъ 30 вправо (на сѣверъ), или влѣво (на югъ),—тотъ будетъ имѣть передъ собой рядъ параллельныхъ рѣкъ и параллельныхъ же водораздѣловъ. Съѣхали съ одной горы, пересѣкли рѣку: въѣзжайте на вторую гору, начинайте все сначала. Теоретически не трудно переѣхать неглубокую рѣчку. Но на практикѣ достаточно, чтобы берегъ, на который надо влѣзать вашему автомобилю, имѣлъ обрывчикъ въ полъаршина вышиной: переднія колеса вашего грузнаго экипажа упрутся въ мягкую глину,—и никакими силами не поднимете вы стопудовую тяжесть на эти несчастные полъаршина. Я не говорю ужъ объ удовольствіи ѣхать въ гору, когда она покрыта липкою засасывающею грязью и когда поставленный на четвертую скорость автомобиль начинаетъ двигаться съ черепашьею скоростью. Дѣлаешь какія-то невольныя движенія корпусомъ, желая подтолкнуть машину: еще! еще!.—заднія колеса начали буксовать; кончено...

Въ три часа дня рваная шина дала себя

знать. Подъ автомобилемъ выстрѣлило какъ изъ пушки; шоферы метнулись налѣво. Стой! Оболочка валялась въ пяти шагахъ сзади автомобиля, зіяя громадной дырой. А внутренняя трубка, какъ колоссальный красный земляной червь, распластанный по грязи, красовалась поодаль. Клочья резины были разрѣзаны точно ножемъ.

Вытащили свѣженькую шину, еще обмотанную фабричной черной клеенкой. Разрѣзали ножемъ упаковку. Домкратъ. Клещи. Какія-то долота и ложкообразныя приспособленія. Черезъ полчаса шоферы сняли съ себя шинели; еще черезъ полчаса—мундиры. Потомъ они обливались ужасно. Я никогда раньше не видѣлъ, какъ приспосабливаютъ новую шину, и потому не могъ отдать себѣ отчета, идетъ ли работа у шоферовъ нормально, или нѣтъ. Нѣкоторое сомнѣніе въ мою душу закрадывалось. Когда кончалась третья половина часа, и когда я замѣтилъ, что небо уже начинаетъ грозно сѣрѣть, я рискнулъ прервать сопѣніе и пыхтѣніе моихъ шоферовъ вопросомъ:

— Это всегда такъ долго тянется?

Шоферъ злобно посмотрѣлъ на меня, повидимому, думая, что я издѣваюсь надъ нимъ.

— Сами видите. Мы взяли шину французскую, въ 815 миллиметровъ; а колесо американское—въ 820 миллиметровъ.

— Понимаете: полъсантиметра не хватаетъ,—добавилъ другой.

Во мнѣ начало укрѣпляться убѣжденіе, что двѣсти левовъ погубили меня. Живо вспомнилъ я, какъ мои шофферы въ складѣ выхватили на бѣгу двѣ шины у смотрителя.

Шофферы уже качали воздухъ.

— Если, натягивая эту проклятую оболочку, мы не повредили вентиля,—сказалъ одинъ: тогда доѣдемъ.

Оказалось, что вентиль они повредили.

Какъ только мы тронулись, автомобиль сталъ крениться на лѣвую сторону. Красовавшаяся передъ тѣмъ туго надутыми щеками шина сморщилась, свернулась на сторону и приняла видъ облѣпленнаго грязью стараго гриба.

Скучно описывать дальнѣйшее. Еще часъ напяливали шофферы вторую шину. Небо все темнѣло и темнѣло. Тронулись въ путь. Шина опять выпустила воздухъ. Запаснаго вентиля не оказалось. Поѣхали на резинѣ не надутой. Черезъ четверть часа рессора не выдержала такого испытанія и лопнула по-

поламъ. Подъ кузовомъ начался душу раздирающій стукъ какихъ то кусковъ желѣза. Было уже совсѣмъ темно. На наше удивительное, ни съ чѣмъ не сравнимое счастье, мы увидали, верстахъ въ трехъ налѣво, огни. Грязные, усталые, голодные, направились мы пѣшкомъ къ этимъ огнямъ. Оказалось: восьмая болгарская дивизія. Насъ устроили въ небольшой землянкѣ. Съ потолка все время капали слезы осѣвшихъ на бревнахъ испареній. Я спалъ какъ убитый до самаго восхода солнца.

Выданный мнѣ изъ главной квартиры листъ произвелъ свое дѣйствіе: мѣстное начальство устроило мнѣ таратайку и лошадей.

Двухсотъ левовъ я шоффермъ не выдалъ.

Буюкъ-Измайлы. 20 ноября.

Сегодня сдѣлали еще 50 верстъ по грязи и ночью пріѣхали въ эту деревню. Надо же такое несчастіе! Какъ разъ сегодня турки рѣшили сдѣлать еще одну вылазку; и атаку свою они направили именно на деревню Буюкъ-Измайлы. Только мы расположились спать, какъ верстахъ въ трехъ передъ нами началась отчаянная ружейная трескотня. Тотчасъ же заговорили и батареи; можно

сказать, рядомъ съ деревней. Страшно! абсолютно ничего не видно... Только выстрѣлы, выстрѣлы: то ближе, то дальше. Я сталъ прикидывать въ умѣ. Отъ турецкихъ аванпостовъ до деревни Буюкъ-Измайлы не больше десяти-одиннадцати километровъ. Сербскія войска (въ этомъ мѣстѣ расположена какъ разъ сербская дивизія) окопались километрахъ въ восьми отъ турокъ, значитъ, километрахъ въ трехъ отъ того мѣста, гдѣ мы находились. При внезапной ночной аттакѣ передовыя сербскія части легко могутъ сдѣлать то, что̀ на языкѣ вѣжливыхъ корреспондентовъ называется «сосредоточеніемъ къ резервамъ», т.-е. отступить верстъ на пять назадъ. Въ этомъ случаѣ турки свободно пожалуютъ къ намъ въ гости. А кругомъ темень, зги не видно. Только стрѣльба, стрѣльба. Начали гремѣть какія то большія орудія: ихъ снаряды, когда летятъ, присвистываютъ.

Я смотрѣлъ въ разбитое окошко на страшное зрѣлище ночного боя. Прожекторы покачивали изъ стороны въ сторону своими лучами свѣта, какъ громадными руками. Въ это время ко мнѣ подошелъ сзади Алексѣй и весьма сконфуженнымъ тономъ сказалъ:

— Ваше благородіе, поѣдемте... Что̀ намъ тутъ дѣлать?

Ѣхать было, конечно, совершенно невозможно. Лошади, утомленныя турецкою грязью, не сдѣлали бы и трехъ километровъ. Да и куда можно ѣхать по неизвѣстной дорогѣ, въ неизвѣстной мѣстности,—если кругомъ темно, какъ въ банкѣ чернилъ? Никакое «сосредоточеніе къ резервамъ» для насъ было невозможно. Оставалось спокойно ждать своей судьбы. Я это и сказалъ Алексѣю, прибавивъ нѣсколько укоризненныхъ словъ. Но самому было тоже далеко невесело. Турки вообще всѣхъ рѣжутъ, кто попадается подъ руку; адріанопольскія же озвѣрѣвшія войска вызывали къ себѣ сугубое недовѣріе. Теперь объ этомъ вспоминаешь какъ то легко, а тогда неизвѣстность угнетала и давила.

Въ этотъ моментъ я услышалъ какой-то странный шумъ. Зажегъ спичку и пошелъ смотрѣть. Засталъ странную сцену. Надо сказать, что мы находились во второмъ этажѣ полуразрушеннаго дома. Лѣстница, ведшая въ этотъ второй этажъ, была уже кѣмъ-то употреблена на топливо. Отъ нея оставались только верхнія ступени, висѣвшія какимъ-то чудомъ въ воздухѣ. Вмѣсто остальнаго зіяла дыра. Такъ вотъ,—оказалось, что

трескъ происходилъ по слѣдующей причинѣ. Болгаринъ-солдатъ, котораго мнѣ дали въ провожатые, склонившись надъ пролетомъ, сильными ударами ноги сбивалъ послѣдніе остатки лѣстницы. И когда верхнія ступеньки рухнули внизъ, онъ пошелъ опять къ своему окну съ видомъ совершеннаго удовлетворенія. Я сначала не понялъ, почему онъ это сдѣлалъ. Но потомъ догадался. Займутъ турки деревню. Увидятъ домъ безъ лѣстницы: кому изъ ихъ будетъ охота и время забираться во второй этажъ и обыскивать его? А мы бы тамъ отлеживались. Совсѣмъ Фениморъ Куперъ!

Часамъ къ двѣнадцати канонада затихла; но я этого не слыхалъ, такъ какъ еще раньше прилегъ гдѣ-то въ уголкѣ и, усталый, заснулъ.

Мустафа-паша. 21 ноября.

Наконецъ то мы достигли станціи желѣзной дороги, съ которой можно «прямо ѣхать въ Лондонъ». Начальникъ станціи сказалъ мнѣ, что поѣздъ пойдетъ скоро, черезъ десять съ половиной часовъ. Какое счастье! такъ скоро! стоитъ ли разговаривать о какихъ-то десяти часахъ?

Домой! Домой!

Д-ръ Даневъ и ген. Фичевъ.

Софія. 23 ноября.

Разговаривалъ здѣсь съ однимъ важнымъ чиновникомъ. Онъ мнѣ разсказывалъ, что его сынъ находится на Чаталджѣ и «вѣроятно

живъ, такъ какъ тревожныхъ свѣдѣній отъ него не приходило».

— А въ какомъ полку вашъ сынъ?

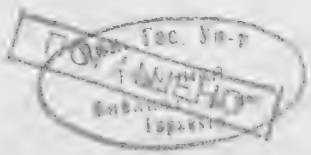
— Въ первомъ софійскомъ.

Это *тотъ самый* полкъ, который потерялъ болѣе семидесяти процентовъ офицеровъ.

Чтеніе военныхъ бюллетеней въ Софіи.

Но я промолчалъ. Можетъ быть, и дѣйствительно—сынъ этого болгарина живъ. А можетъ быть,—онъ ужъ давно закопанъ въ турецкое болото.

И только крестъ изъ двухъ жердочекъ свидѣтельствуетъ о загубленной жизни.



Finis.

Т-во Р. ГОЛИКЕ и А. ВИЛЬБОРГЪ. С.-Пб.

Цѣна 1 р. 50 коп.

Научная б-ка
им. Горького
при ЛГУ

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ Т-ва А. С. Суворина—
„Новое Время", Спб., Невскій, 40.

[212]